И. Я. Коростовецъ.

РОССІЯ
на
ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

俄國在遠東

1922 г.

Т-во „Восточное Просвѣщеніе".

Типо-литографія Россійской Духовной Миссіи.

ПЕКИНЪ.

И. Я. Коростовецъ.

РОССІЯ на ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

東遠在國俄

1922 г.
Т-во „Восточное Просвѣщеніе“.
Типо-литографія Россійской Духовной Миссіи.
ПЕКИНЪ.

汝不和吉言于百姓
惟汝自生毒乃敗禍
姦宄以自災於厥身
乃既先惡于民乃奉
其恫汝悔身何及相
時憸民猶胥顧于箴
言其發有逸口矧予
制乃短長之命汝曷
弗告朕而胥動以浮
言恐沈于衆若火之
燎于原不可嚮邇其
猶可撲滅則惟爾衆
自作弗靖非予有咎

Вы не обращаетесь съ ласковыми и полезными словами къ народу, и вы сами порождаете зло. Губители народа и злодѣи, вы сами навлекаете на себя кару Неба! За то, что вы первые причинили зло народу, вы понесете на себѣ страданія его, и раскаянія ваши—на что они послужатъ? Взгляните на бѣдный народъ, онъ еще сговаривается между собою о томъ, на что онъ хочетъ жаловаться мнѣ; но, когда онъ хочетъ говорить, вы обращаетесь къ нему со словами, противными истинѣ. Вы должны бы бояться меня, отъ котораго зависятъ ваши жизнь и смерть. Почему вы не сообщаете мнѣ жалобы народа, но возбуждаете его пустыми словами, устрашаете его и толкаете его въ пучину зла? Когда по равнинѣ пускаютъ палы, то, хотя вначалѣ къ нимъ нельзя приблизиться, но ихъ все-таки можно погасить. Вы сами создаете смуту, и не на меня падаетъ отвѣтственность.

(Шу-цзинъ. Лѣтопись династіи Танъ. Глава Пань-гэнъ).

Оглавленіе.

Исторія есть лишь картина преступленій и несчастій.

Вольтеръ.

ГЛАВА I.

Боксерскій мятежъ. Элементъ сверхъестественнаго. Участіе Россіи въ подавленіи мятежа. Портъ-Артуръ и главный начальникъ Квантунской области адмиралъ Алексѣевъ.

Возникновеніе и быстрые успѣхи боксеризма объясняются слабостью и неспособностью правительства и гнетомъ провинціальныхъ властей, въ связи съ хроническимъ зломъ Китая—голодомъ. Накоплявшееся въ народѣ раздраженіе противъ иностранцевъ, поддерживаемое, главнымъ образомъ, дѣятельностью миссіонеровъ, еще усилилось къ концу прошлаго вѣка, благодаря захватной политикѣ нѣкоторыхъ державъ, особенно Россіи въ Маньчжуріи и Германіи въ Шандунѣ. Подъ предлогомъ стратегическихъ и политическихъ соображеній и компенсацій, иностранцы заняли китайскіе порты и цѣлыя территоріи въ формѣ концессій и арендъ, совершенно не считаясь съ суверенными правами Китая.

Первыя боксерскія волненія произошли въ 1898 году и начались съ голоднаго бунта. Народное возмущеніе вскорѣ направилось противъ иностранцевъ и приняло форму анти-миссіонерскихъ погромовъ въ Шандунѣ. Въ сущности, повторилось то, что такъ часто происходитъ въ Китаѣ, но лишь въ большемъ масштабѣ. Боксеры стали жечь миссіонерскія учрежденія, школы, госпитали и часовни и преслѣдовать миссіонеровъ, преимущественно католиковъ, болѣе склонныхъ къ вмѣшательству во внутреннюю жизнь китайцевъ. Безпорядки постепенно распространились изъ Шандуна на Чжили, Шанси, Анхой и Маньчжурію. Мѣстныя власти пытались противодѣйствовать возстанію присылкой карательныхъ отрядовъ, но усердіе это не встрѣтило сочувствія Пекинскаго правительства. Сначала послѣднее заняло выжидательную позицію, не зная, какъ повернутся событія. Съ одной стороны, оно какъ будто бы

было противъ боксеровъ, какъ враговъ общественнаго порядка, съ другой—ихъ поощряло и даже узаконило секту якобы потому, что она преслѣдуетъ патріотическія цѣли взаимопомощи. Особенно серьезную поддержку боксерамъ оказалъ шандунскій губернаторъ Юсянъ, объявившій себя ихъ покровителемъ. Уступая протестамъ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ, правительство отозвало Юсяна, замѣнивъ его Юаньшикаемъ, но было уже поздно: зло пустило слишкомъ глубокіе корни; къ тому же, всѣ видѣли, что Дворъ сочувствуетъ боксерамъ.

Въ январѣ 1900 года былъ обнародованъ указъ о провозглашеніи Пуцюна, малолѣтняго сына одного изъ князей Императорскаго Дома, наслѣдникомъ престола. Мѣра эта мотивировалась бездѣтностью Богдыхана Гуансюя и необходимостью обезпечить престолонаслѣдіе. Отецъ новаго наслѣдника Цзай-и, принцъ Дуань, пользовался репутаціей ненавистника иностранцевъ, и выборъ его, естественно, былъ приписанъ вліянію боксеровъ. Послѣдующія событія оправдали это предположеніе, ибо вдовствующая Императрица Цы-си стала склоняться на сторону шовинистовъ, стремившихся побудить ее къ открытому выступленію противъ европейцевъ. Боксерскіе вожди, поддерживаемые нѣкоторыми высшими чиновниками и придворными, указывали на то, что слѣдуетъ использовать боксеровъ, чтобы отвратить народный гнѣвъ отъ династіи. Особый фанатизмъ проявилъ въ этомъ случаѣ главный придворный евнухъ, или, какъ его называли, ложный евнухъ, Лилянинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на Императрицу. Онъ держалъ себя наиболѣе непримиримо и настаивалъ на полномъ изгнаніи европейцевъ изъ Китая.

По выработанному этой группой плану, было рѣшено начать войну противъ иностранцевъ и попытаться отнять у нихъ утраченныя Китаемъ территоріи. Предназначенная для этой цѣли армія мщенія состояла изъ пекинскаго гарнизона силою въ 40 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ почтеннаго князя Цина, едва ли вѣрившаго въ успѣхъ дѣла, но не рѣшившагося по слабохарактерности идти противъ большинства, десятитысячнаго отряда головорѣзовъ, подъ громкимъ названіемъ „славныхъ тигровъ", и изъ Императорской гвардіи, подъ начальствомъ маньчжура Ган-И. Такимъ образомъ, кажущееся безуміе китайскаго правительства было въ дѣйствительности политическимъ заговоромъ, имѣвшимъ цѣлью предупредить внутреннюю революцію.

Принятое правительствомъ рѣшеніе направить боксеровъ противъ иностранцевъ повело къ нападенію на дипломатическихъ представителей въ Пекинѣ и къ конфликту—въ сущности говоря, къ войнѣ, между Китаемъ и державами. Первыми, начавшими военныя дѣйствія, были Россія и Японія, за которыми вскорѣ послѣдовали Франція, Соединенные Штаты

Портъ-Артуръ. Видъ съ Военной горы. Лагуна во время прилива. 1900 г.

Великобританія, Италія, Австрія и Германія. Послѣдняя выступила съ особой рѣшительностью, въ отмщеніе за убійство германскаго посланника барона фонъ-Кеттлера, и, вообще, старалась расширить размѣры предпринятой державами экспедиціи. Борьба продолжалась недолго: Китай былъ побѣжденъ и долженъ былъ подчиниться суровымъ условіямъ, наложеннымъ на него союзниками въ 1901 году.

Боксерское возстаніе, подобно многимъ народнымъ движеніямъ въ Китаѣ, также заключало въ себѣ элементъ сверхъестественнаго. Провозгласивъ своимъ девизомъ защиту имперіи и уничтоженіе иностранцевъ, боксерскіе вожди стали привлекать послѣдователей обѣщаніемъ безсмертія и неуязвимости. Установилось мнѣніе, что настоящій боксеръ не могъ умереть, а, въ случаѣ смерти, долженъ воскреснуть. Этотъ элементъ сверхъестественной, магической силы сталъ привлекать въ ряды боксеровъ простолюдиновъ не только изъ городской, но и изъ деревенской среды, вообще болѣе склонной къ суевѣрію. Ученые или интеллигенты, хотя и не вѣрили въ заклинанія боксерскихъ колдуновъ, присоединялись къ движенію изъ патріотизма, въ надеждѣ, что это поможетъ Китаю вернуть независимость и освободиться отъ ненавистнаго чужеземца. Вожди секты воображали, подобно своимъ Тайпинскимъ предшественникамъ, что они являются избранными представителями неба, и что ихъ задача—обновленіе Китая, что можетъ быть достигнуто изгнаніемъ всѣхъ иностранцевъ[1]). Были образованы общества для пропаганды боксерскаго ученія, ихъ члены стали производить заклинанія и давать представленія неуязвимости. Хотя эти чудеса были довольно грубыми фокусами, но они вносили смущеніе въ умы невѣжественныхъ зрителей и содѣйствовали престижу боксеризма.

---

[1]) Тайпинское возстаніе было направлено противъ правительства, и, главнымъ образомъ, противъ Маньчжурской династіи. Начавшись въ концѣ 40-ыхъ годовъ, оно продолжалось около 15 лѣтъ, захвативъ шесть южныхъ провинцій. Центромъ Тайпинскаго правительства былъ городъ Нанкинъ, захваченный имъ въ 1853 году. Попытка Тайпиновъ овладѣть Пекиномъ окончилась неудачей, послѣ чего возстаніе пошло на убыль и было окончательно подавлено при содѣйствіи иностранцевъ, подъ руководствомъ англійскаго генерала Гордона. Названіе Тайпинъ произошло отъ термина Да-бин-чжао, т. е. сторонникъ династіи мира. Виновникомъ движенія былъ безвѣстный сельскій учитель Хун-сю-цюань, уроженецъ Кантонской провинціи. Потерпѣвъ неудачу на провинціальномъ экзаменѣ и не получивъ ученой степени, Хунъ, подобно многимъ демагогамъ, сдѣлался врагомъ правительства, и это, по всѣмъ вѣроятіямъ, повліяло на его карьеру. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ оказался во главѣ группы полуинтеллигентныхъ фанатиковъ, проповѣдывавшихъ новую доктрину нравственнаго обновленія—смѣсь политическихъ и соціальныхъ теорій коммунистическаго характера, сдобренныхъ китайскими суевѣріями. Хунъ постепенно проникся мистицизмомъ, вообразивъ себя избранникомъ неба, посланнымъ, чтобы освободить Китай отъ ига маньчжурскихъ поработителей и возстановить поклоненіе Шанди, т. е. высшему существу. Убѣжденный въ своей сверхъестественной миссіи, Хунъ, принявшій титулъ небеснаго царя, сталъ обнародывать небесные декреты, якобы получавшіеся имъ свыше. Во всемъ этомъ была, конечно, значительная доля шарлатанизма, который, однако, способствовалъ популярности Тайпинскаго пророка.

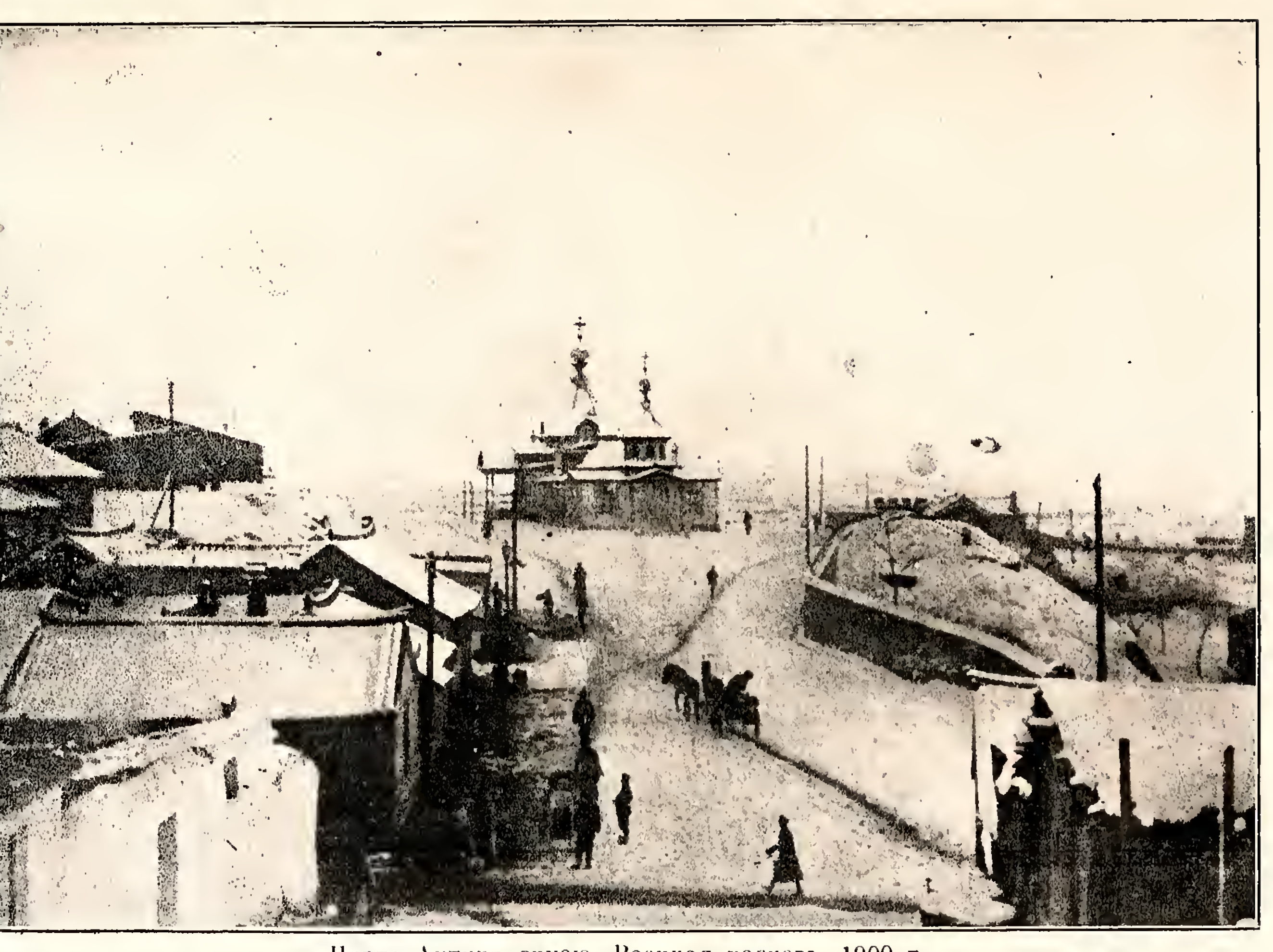
Кандидатъ въ боксеры, дабы стать членомъ братства, долженъ былъ подвергнуться строгимъ испытаніямъ въ согласіи съ нѣкоторымъ ритуаломъ, а равно пройти черезъ заклинанія, молитвы, постъ и акробатическія упражненія. Отсюда, повидимому, англійское названіе „боксеръ". Послѣ такой тренировки, приводившей обыкновенно къ припадку каталепсіи, кандидатъ считался достаточно посвященнымъ и возводился въ рангъ боксера, т. е. становился неуязвимымъ. Вѣра въ такую неуязвимость глубоко вкоренялась въ умы населенія, и, если какъ-нибудь случалось, что боксера убивали, то смерть его приписывалась случайнымъ обстоятельствамъ—его неискренности или недобросовѣстности въ исповѣданіи доктрины.

Участіе Россіи въ подавленіи мятежа было, какъ извѣстно, весьма значительно, и, въ сущности говоря, она вмѣстѣ съ Японіей нанесли первый сильный ударъ, остановившій дальнѣйшее распространеніе боксерства.

Послѣ занятія въ 1898 году Ляодунскаго полуострова съ крѣпостью Портъ-Артуръ и съ бухтой Далянванъ (впослѣдствіи Дальній), русское правительство занялось устройствомъ военной и гражданской власти въ предѣлахъ занятой территоріи[1]). Адмиралъ Алексѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Государя, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Квантунской области, съ титуломъ главнаго начальника. Алексѣеву было также поручено командованіе нашими военными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ и гражданское управленіе. Хотя права и компетенція Алексѣева были весьма обширны, самая важная часть области осталась внѣ его вѣдѣнія. Управленіе городомъ Дальнимъ, основаннымъ въ бухтѣ Далянванъ, а равно Южно-Маньчжурской желѣзной дорогой, были оставлены въ завѣдываніи главнаго инженера Китайской Восточной желѣзной дороги, Юговича. Послѣдній жилъ въ Харбинѣ, въ 600 верстахъ отъ Портъ-Артура, и подчиненъ былъ непосредственно министру финансовъ Витте. Этотъ государственный дѣятель, имѣвшій, какъ извѣстно, довольно самодержавныя наклонности, отнесся къ назначенію Алексѣева отрицательно, опасаясь, что послѣдній будетъ проводить свою, вѣроятно, агрессивную, политику и мѣшать его планамъ въ Маньчжуріи. Все, что дѣлалось на Квантунѣ нашимъ военнымъ и морскимъ начальствомъ, не встрѣчало сочувствія Витте, агенты коего ревниво охраняли Дальній и желѣзную дорогу отъ всякаго вмѣшательства, даже когда таковое касалось общихъ стратегическихъ мѣръ. Созданное такимъ путемъ двоевластіе вскорѣ сдѣлалось источникомъ без-

---

[1]) Территорія, образующая южную часть Мукденской провинціи, была сдана въ аренду Россіи согласно Русско-китайской конвенціи 1898 года для сооруженія порта въ конечномъ пунктѣ Южно-Маньчжурской вѣтки Китайской ж. д.

Портъ-Артуръ зимою. Военная церковь. 1900 г.

конечныхъ пререканій между военнымъ и гражданскимъ управленіями, которыя старались оба получить преобладаніе. Рознь усугублялась соперничествомъ между морскимъ и военнымъ штабами. Во главѣ послѣдняго, впрочемъ, недолго, находился Субботичъ, молодой и честолюбивый генералъ, который съ видимой неохотой подчинялся Алексѣеву. Эти разногласія и борьба за власть, происходившія среди враждебнаго населенія, подъ ревнивымъ наблюденіемъ Японіи, повели къ серьезнымъ ошибкамъ и отчасти способствовали паденію русскаго господства на Дальнемъ Востокѣ.

Главными помощниками Алексѣева въ Портъ-Артурѣ были командующіе гарнизономъ и крѣпостью генералы Субботичъ, Стессель, Холодовскій и Базилевскій, начальники военнаго и морского отдѣловъ полковникъ Флугъ и адмиралъ Витгефтъ, командиръ надъ портомъ адмиралъ Старкъ, полицеймейстеръ и комиссары: гражданскій — полковникъ Громбчевскій, финансовый — Протасьевъ, и дипломатическій. Въ область были, кромѣ того, введены наши окружный и мировой суды.

Въ виду знакомства съ Алексѣевымъ, я принялъ предложенный имъ постъ дипломатическаго комиссара и вошелъ въ составъ Квантунской администраціи. Я рѣшился на этотъ шагъ, ибо мнѣ хотѣлось вернуться въ Китай, гдѣ я провелъ нѣсколько памятныхъ лѣтъ въ качествѣ секретаря нашей Дипломатической Миссіи въ Пекинѣ. Мнѣ, кромѣ того, было интересно принять участіе въ осуществленіи нашей новой колоніальной политики.

Я отправился на Востокъ въ октябрѣ 1899 года на французскомъ пароходѣ, вмѣстѣ съ адмираломъ Алексѣевымъ. Вмѣстѣ со мной поѣхала моя семья. Алексѣева сопровождали его адъютанты, лейтенанты Шванкъ и Ульяновъ. Путешествіе до Шанхая произошло безъ инцидентовъ. Здѣсь мы, т. е. Алексѣевъ, его адъютанты, я и мой сынъ, перешли на крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“ для продолженія плаванія.

Мы подошли къ Портъ-Артуру въ ясное декабрьское утро. Покрытый снѣгомъ скалистый берегъ блисталъ подъ яркими лучами зимняго солнца. При приближеніи къ мысу Тигровый хвостъ, насъ привѣтствовалъ салютъ орудій съ Золотой горы и со стоявшихъ на рейдѣ судовъ нашей эскадры. Я потомъ узналъ, что Портъ-Артурская гавань, или такъ называемый ковшъ, слишкомъ малъ для нашего флота, который, такимъ образомъ, принужденъ былъ оставаться на внѣшнемъ рейдѣ, находясь постоянно подъ парами. Это отсутствіе хорошаго внутренняго порта и узкій входъ сказались впослѣдствіи во время нашей войны съ Японіей.

Я не буду описывать первыхъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Портъ-Артурѣ; достаточно сказать, что условія жизни въ этомъ за-

брошенномъ мѣстѣ были довольно первобытны. Квартиръ не было, а имѣвшіяся были заняты высшимъ начальствомъ; кромѣ того, крѣпостныя правила ограничивали продажу и аренду домовъ и квартиръ. Мы также страдали отъ отсутствія самыхъ нужныхъ удобствъ, какъ, напр., хорошей питьевой воды. Это обстоятельство, въ связи съ плохими санитарными условіями и скученностью населенія, являлось причиной большой смертности среди нашего гарнизона. Провизію доставляли изъ Японіи и изъ Чифу. Вообще, весь городъ имѣлъ видъ чего-то временнаго и неустроеннаго. Мы жили, точно въ лагерѣ, который могъ быть перенесенъ въ каждый данный моментъ на другое мѣсто.

Такъ какъ героемъ моего повѣствованія является Алексѣевъ, я скажу нѣсколько словъ объ этомъ государственномъ дѣятелѣ. Алексѣеву было тогда, кажется, 55 лѣтъ. Онъ былъ низкаго роста и плотнаго тѣлосложенія, съ большой головой, нѣсколько крючковатымъ носомъ и проницательными черными глазами. Въ то время онъ носилъ небольшую бороду, уже начинавшую сѣдѣть. Отличаясь подвижнымъ и дѣятельнымъ характеромъ, онъ требовалъ того же отъ подчиненныхъ. Обыкновенно весьма вѣжливый въ обращеніи, онъ становился рѣзокъ, когда не понимали его желаній, или относились къ дѣлу, спустя рукава. Въ этомъ отношеніи больше всего доставалось его адъютантамъ. Адмиралъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и умѣлъ принять и угостить. Несмотря на русское имя, я не назвалъ бы его русскимъ; говорятъ, что мать его была армянка. У него былъ практическій живой умъ, мало склонный, какъ то часто встрѣчается среди русскихъ, къ метафизическимъ обобщеніямъ и химерамъ. Его главными недостатками я считаю нерѣшительность, склонность къ лести и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Онъ пользовался расположеніемъ нашего Двора, гдѣ у него были сильные покровители, начиная съ самого Государя. По образованію и ширинѣ умственнаго кругозора онъ стоялъ выше многихъ крупныхъ нашихъ бюрократовъ. Алексѣевъ интересовался военными и морскими дѣлами, особенно послѣдними. Изъ него, вѣроятно, вышелъ бы хорошій морской министръ, и можно только сожалѣть, что судьба или неумѣренное честолюбіе привели его въ Портъ-Артуръ, гдѣ военный спеціалистъ, какъ показали дальнѣйшія событія, былъ бы болѣе на мѣстѣ.

Вслѣдствіе моего оффиціальнаго положенія и близкихъ отношеній къ Алексѣеву, я былъ болѣе или менѣе въ курсѣ нашихъ Дальневосточныхъ дѣлъ и освѣдомленъ о видахъ нашего правительства. Въ этихъ воспоминаніяхъ я попытаюсь описать мои личныя впечатлѣнія во время боксерскаго кризиса.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ бытность мою русскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, я былъ свидѣтелемъ китайской революціи 1911 года. Въ то время

событія также развивались очень быстро, и, едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ древнѣйшая монархія въ мірѣ была свергнута и замѣнена республикой; на этотъ разъ революцію совершили люди другого типа и закала и на нѣсколько иныхъ принципахъ. Все дѣло было проведено по-современному, колдовство и волшебство отсутствовали, и вожди революціи не прибѣгали къ небеснымъ декретамъ Тайпиновъ и къ лозунгу неуязвимости боксеровъ. Переворотъ сопровождался диктатурою Юаньшикая, который впослѣдствіи сталъ президентомъ республики.

Со времени этого важнаго событія произошло уже много перемѣнъ, и, хотя Срединное Царство перестало существовать, новая государственность, повидимому, еще не вылилась въ окончательную форму. Говорятъ, что большевистская пропаганда ведется и въ Китаѣ, причемъ китайскій народъ будто бы воспринимаетъ идеи русскаго коммунизма. Если это такъ, то китайская революція еще не кончена и можетъ принять иной характеръ.

ГЛАВА II.

Меня командируютъ въ Пекинъ для улаженія нѣкоторыхъ вопросовъ съ нашей дипломатической миссіей. Общее впечатлѣніе отъ китайской столицы. Нашъ посланникъ Михаилъ Николаевичъ Гирсъ.

Въ концѣ февраля 1900 года адмиралъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ съѣздить въ Пекинъ, чтобы повидаться съ нашимъ посланникомъ М. Н. Гирсомъ. Между Портъ-Артуромъ и Пекиномъ шла оживленная переписка по нѣкоторымъ вопросамъ, не дававшая результатовъ, а скорѣе затемнявшая дѣло. Алексѣевъ разсчитывалъ, что личные переговоры окажутся дѣйствительнѣе. Кромѣ того, ему хотѣлось—и это было главной цѣлью моей поѣздки—установить болѣе близкій контактъ съ нашей дипломатической миссіей, дабы согласовать ея дѣятельность съ своей работой. Нѣкоторый расколъ уже обнаружился, и адмиралъ понималъ, что безъ поддержки посланника всѣ его старанія упрочить наше положеніе и наладить отношенія съ китайцами будутъ безполезны.

Получивъ нужныя указанія, я отправился въ путь вмѣстѣ съ моей женой. Мы выѣхали по Маньчжурской желѣзной дорогѣ по направленію на Инкоу. Къ сожалѣнію, планъ этотъ не удался, вслѣдствіе поврежденія пути около Дальняго. Просидѣвъ два дня въ безплодномъ ожиданіи, мы должны были вернуться обратно. На этотъ разъ мы отправились моремъ и благополучно добрались до Тянцзина, а оттуда по желѣзной дорогѣ—до Пекина.

Я покинулъ китайскую столицу нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и теперь нашелъ въ ней нѣкоторыя перемѣны къ лучшему. Больше всего меня поразили желѣзная дорога, доведенная почти до городскихъ воротъ, и рикши, т. е. китайскіе извозчики, сновавшіе во всѣхъ направленіяхъ. Вліяніе иностранцевъ, видимо, начинало брать верхъ надъ китайской косностью. Я еще больше удивился, попавъ на Дунцзямынь, т. е. улицу дипломатическаго квартала. Прежняя грязная дорога, съ лужами загнившей воды и съ кучами отбросовъ, въ которыхъ копошились нищіе и паршивые псы, уступила мѣсто широкой шоссированной улицѣ съ красивыми зданіями. Мнѣ сказали, что этими улучшеніями европейцы обязаны энергіи британскаго посланника, сэра Клода Макдональда, сумѣвшаго убѣдить сановниковъ Цзун-ли-ямыня (министерство иностранныхъ дѣлъ) въ необходимости хотя бы санитарныхъ улучшеній.

Услышавъ еще въ Портъ-Артурѣ о существованіи анти-иностранной агитаціи, вызванной пропагандой секретныхъ обществъ, я пытался выяснить положеніе дѣлъ. Кстати, въ Портъ-Артурѣ очень мало знали о происходившемъ въ остальномъ Китаѣ, довольствуясь шанхайскими и харбинскими газетами. Несмотря на эти слухи, я не замѣтилъ ничего анормальнаго въ наружномъ поведеніи китайцевъ. Уличная толпа держала себя какъ будто даже дружелюбнѣе, и мнѣ почти не пришлось слышать насмѣшекъ и обычнаго возгласа „янгуйцза", т. е. заморскій чортъ, коимъ въ прежнее время привѣтствовали иностранцевъ. Дипломаты вели свой прежній образъ жизни, проводя свободное время въ визитахъ, пріемахъ, собираніи рѣдкостей и въ спортѣ. Нѣкоторые, наиболѣе честолюбивые, старались перехитрить китайскихъ мандариновъ и одержать дипломатическія побѣды для своихъ государствъ, мало предвидя грядущія событія.

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, полученное мною за обѣдомъ у сэра Роберта Харта, гдѣ я встрѣтилъ нѣсколько посланниковъ и служащихъ таможни [1]). Разговоры, помнится, велись на разныя будничныя темы, вродѣ предстоящихъ скачекъ и выбора лѣтней резиденціи. Большинство собиралось ѣхать на лѣто въ западные холмы, въ окрестностяхъ Пекина, считая путешествіе на морскія купанья въ Пейтайхо слишкомъ сложнымъ. Но никакихъ намековъ на волненія среди китайцевъ не дѣлалось, всѣ казались совершенно спокойными и безпечными, включая сэра Роберта, который, повидимому, не предвидѣлъ ничего чрезвычайнаго.

Такую же беззаботность проявляли посланники, которые относились скорѣе иронически къ предостереженіямъ католическаго епископа Монсевьера Фавіэ и, вообще, миссіонеровъ, имѣвшихъ свѣдѣнія о растущей агитаціи противъ европейцевъ. Драгоманъ нашей миссіи Н.Ф. Колесовъ, съ которымъ я говорилъ о дѣятельности тайныхъ обществъ, сообщилъ нѣкоторыя подробности объ обществѣ большого ножа (Дадаохуэй), или боксеровъ; они назывались также обществомъ гармоническаго кулака (Ихотуанъ). Эта секта пріобрѣла въ то время извѣстность, благодаря нападеніямъ па европейцевъ и убійству на Шандунѣ англійскаго миссіонера Бруксъ. Колесовъ, однако, не придавалъ ей большого значенія. Такое же мнѣніе было высказано старымъ резидентомъ Пекина докторомъ

---

[1]) Сэръ Робертъ Хартъ, главный инспекторъ китайской морской таможни, пріобрѣлъ извѣстность организаціей морскихъ таможенъ въ Китаѣ. Это былъ выдающійся государственный дѣятель и знатокъ Китая, гдѣ онъ занималъ исключительное положеніе и пользовался большимъ вліяніемъ на правительство. Послѣднее неоднократно обращалось къ нему за совѣтомъ при разрѣшеніи разныхъ политическихъ вопросовъ съ другими государствами. Въ теченіе нѣкотораго времени сэръ Р. Хартъ занималъ постъ британскаго посланника въ Китаѣ.

Дедженомъ, хорошо знавшимъ китайцевъ. Онъ выразился презрительно о дѣятельности боксеровъ, считая ее обычнымъ способомъ протеста низшаго класса противъ злоупотребленій администраціи. Столь же равнодушно отнесся къ агитаціи боксеровъ другой знатокъ Китая, нашъ генеральный консулъ Поповъ. Онъ, подобно многимъ синологамъ, пробывшимъ долго въ странѣ, смотрѣлъ на вещи китайскими глазами и мало сознавалъ создавшееся положеніе.

Что касается прокламацій и воззваній противъ иностранцевъ, то многолѣтнее пребываніе въ Китаѣ научило насъ всѣхъ не придавать имъ чрезмѣрнаго значенія. Директоръ русско-китайскаго банка Покотиловъ, хорошо знакомый съ китайскими дѣлами, смотрѣлъ на боксерскую пропаганду спокойно, хотя признавался, что китайскія оффиціальныя сферы стали несговорчивыми, напр., въ вопросѣ о Луханской (Пекинъ-Ханькоу) желѣзной дорогѣ, концессія на которую была дана банку. Когда Покотиловъ просилъ Цзун-ли-ямынь о принятіи мѣръ охраны иностранныхъ инженеровъ этой дороги, то получилъ отвѣтъ, что китайское правительство не можетъ ручаться за ихъ безопасность.

Алексѣевъ, между прочимъ, поручилъ мнѣ выяснить разногласіе, возникшее съ миссіей по поводу нашей канонерской лодки „Кореецъ", появленіе коей въ Таку вызвало неудовольствіе посланника. Послѣдній находилъ присутствіе русской канонерки неумѣстнымъ, ибо въ Таку въ то время собралось нѣсколько иностранныхъ судовъ для демонстраціи по поводу анти-миссіонерскихъ безпорядковъ, Россія же въ таковой участвовать не должна, что подтверждено было изъ Петербурга. Я объяснилъ посланнику, что Алексѣеву ничего не было извѣстно о демонстраціи и о приказѣ изъ Петербурга, и что „Кореецъ" зашелъ въ Таку, совершая береговое плаваніе.

Затѣмъ перешли къ вопросу объ удаленіи китайской минной школы изъ Портъ-Артура, на чемъ Алексѣевъ особенно настаивалъ. Гирсъ былъ противъ такого удаленія, говоря, что предмѣстникъ Алексѣева, адмиралъ Дубасовъ, хотѣлъ сохранить школу въ нашемъ завѣдываніи. Такимъ образомъ, замѣтилъ посланникъ, одинъ адмиралъ хочетъ оставленія школы, другой требуетъ ея удаленія, а третьему придетъ въ голову еще новая мысль. Пусть Алексѣевъ снесется непосредственно съ китайскими властями, я готовъ его поддержать.

Другой вопросъ, который мы обсуждали съ Михаиломъ Николаевичемъ, была отмѣна автономіи города Цзин-чжоу-тинъ, о которой просилъ Алексѣевъ. Посланникъ, однако, высказался противъ такой мѣры, заявивъ, что китайское правительство стало относиться съ большой подозрительностью ко всякимъ нашимъ дѣйствіямъ въ Квантунѣ. Китайцы, по его словамъ, не примирились съ договоромъ 1898 года, и посему вся-

кое предложеніе упразднить послѣдній слѣдъ ихъ суверенитета будетъ истолковано, какъ попытка присоединить Квантунскую территорію, или даже, какъ намѣреніе распространить нашу власть на другія части полуострова[1]). Въ общемъ, онъ считалъ преждевременнымъ затрагивать столь обидный для самолюбія китайцевъ вопросъ. По его мнѣнію, ослабленіе связей между Цзинчжоуской администраціей и центральной властью въ Мукденѣ являлось мѣстнымъ вопросомъ, всецѣло зависящимъ отъ такта и ловкости Алексѣева.

Изъ разговоровъ этихъ я увидѣлъ, что примирить точки зрѣнія адмирала и миссіи будетъ трудно. Посланникъ былъ предубѣжденъ противъ артурскихъ военныхъ и моряковъ, Алексѣевъ—противъ пекинскихъ дипломатовъ. Оставалось надѣяться, что время и общность интересовъ приведутъ, въ концѣ концовъ, нашихъ представителей къ большей солидарности.

Въ Пекинѣ пришлось пробыть пасхальную недѣлю.

Мы слушали пасхальную заутреню въ миссійской церкви и разговлялись затѣмъ у посланника. Какъ онъ, такъ особенно его супруга Марія Николаевна свято хранили завѣты широкаго русскаго гостепріимства, и домъ ихъ всегда былъ открытъ для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. Русское общество было тогда немногочисленно и состояло почти исключительно изъ оффиціальныхъ лицъ. Въ числѣ чиновъ миссіи, пользовавшихся особымъ расположеніемъ и довѣріемъ посланника, былъ первый секретарь В. Н. Крупенскій.[2])

Я посѣтилъ нашу Духовную Миссію, или Бэй-гуань, пріютившуюся въ сѣверо-восточномъ углу столицы. Наши духовные отцы жили прежнею замкнутою и тихою жизнью, погруженные въ интересы своей албазинской паствы и чуждые внѣшнимъ событіямъ. Глава миссіи, архимандритъ Иннокентій, несмотря на короткое пребываніе въ Пекинѣ, уже успѣлъ освоиться съ новой, своеобразной обстановкою, а, главное, понять китайцевъ и намѣтить практическіе пути нашего духовно-культурнаго вліянія[3]).

---

[1]) Согласно договору 1898 года объ уступкѣ Россіи въ аренду Квантунской территоріи, городъ Цзин-чжоу-тинъ сохраняетъ свою автономію и китайское управленіе. Такое положеніе вещей, создавшее какъ бы государство въ государствѣ, тормазило дѣятельность русскихъ властей и вызывало постоянныя недоразумѣнія съ китайцами.

[2]) Впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Пекинѣ, а затѣмъ посолъ въ Токіо.

[3]) Архимандритъ Иннокентій Фигуровскій, назначенный Начальникомъ Духовной Миссіи въ 1897 году, впослѣдствіи Архіепископъ Переяславскій.

ГЛАВА III.

Мое возвращеніе въ Портъ-Артуръ черезъ Инкоу. Начало мятежа. Первый русскій отрядъ подъ командой полковника Анисимова отправляется въ Тяницзинъ.

Проведя пасхальную недѣлю въ Пекинѣ, мы вернулись въ Тяни-цзинъ, откуда рѣшили ѣхать по вновь проведенной желѣзной дорогѣ въ Инкоу. Нашъ военный агентъ, полковникъ Вогакъ, въ противоположность посланнику, считалъ общее положеніе серьезнымъ, предвидя движеніе противъ европейцевъ въ Чжилійской провинціи. По его мнѣнію иностранные посланники должны бы были дѣйствовать болѣе рѣшительно при переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ. Онъ будто бы предостерегалъ г. Гирса, но лишь заслужилъ названіе алармиста и безпокойнаго человѣка.

Любопытно, что нашъ консулъ Шуйскій держалъ себя совсѣмъ иначе. Онъ также считалъ положеніе серьезнымъ, но не предостерегалъ посланника и даже опровергалъ свѣдѣнія Вогака, ибо, по его мнѣнію, правительства не любятъ непріятныхъ извѣстій, отъ кого бы они ни исходили. Я занялъ безопасную позицію, говорилъ онъ, ибо, если все разрѣшится мирно, въ Петербургѣ одобрятъ мою выдержку, а, главное, будутъ довольны, что я имъ не надоѣдалъ. Если же произойдутъ безпорядки, всѣ будутъ такъ поглощены событіями, что забудутъ одинаково пессимистовъ и оптимистовъ.

Какъ бы въ подтвержденіе предсказаній Вогака, боксеры во время нашего пребыванія въ Тяницзинѣ стали поджигать дома китайскихъ христіанъ и выпустили прокламацію, призывавшую населеніе къ избіенію иностранцевъ.

Мы покинули городъ въ половинѣ апрѣля и только черезъ два дня прибыли въ Инкоу. Путь былъ только что уложенъ, и поѣзда ходили очень медленно. Изъ пребыванія въ Инкоу я вынесъ впечатлѣніе, что и тамъ положеніе было не совсѣмъ нормально, ибо броженіе изъ Чжили начинало проникать въ Маньчжурію. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ то время никто не подозрѣвалъ, что эмиссары боксеровъ уже агитировали среди китайскихъ кули, работавшихъ на нашей желѣзной дорогѣ, и что много низшихъ служащихъ мукденской администраціи уже вербовалось въ новую секту. Во время пребыванія въ Инкоу, мы узнали о нападеніяхъ китайцевъ на русскихъ служащихъ. Несмотря

на это, желѣзнодорожная администрація хранила олимпійское спокойствіе, говоря, что все обойдется. Консулъ же Островерховъ рисовалъ самую мрачную картину. Впрочемъ, на рѣкѣ Ляо стояла наша канонерская лодка „Отважный", и присутствіе ея поддерживало бодрость небольшой русской колоніи, жившей во вновь устроенномъ кварталѣ. Послѣдній состоялъ изъ деревянныхъ казармъ, сооруженныхъ представителемъ Краснаго Креста, Александровскимъ; онъ былъ командированъ для борьбы съ чумою, но, такъ какъ эпидемія прекратилась, то неутомимый Александровскій занялся санитарнымъ осмотромъ китайскихъ кули, отправляемыхъ на сѣверъ для нуждъ желѣзной дороги.

Отведенная мнѣ въ Портъ-Артурѣ квартира была во всѣхъ отношеніяхъ плоха. Кромѣ того, я боялся лѣтняго времени и появленія эпидемій, вслѣдствіе отсутствія какой бы то ни было санитаріи. Портъ-Артуръ съ его обнаженными сопками, безъ питьевой воды и элементарныхъ удобствъ, являлся мало привлекательнымъ даже въ мирное время, теперь же, благодаря разнымъ военнымъ мѣрамъ и движенію войскъ, подвозившихся изъ Владивостока, сдѣлался невыносимымъ[1]). Вдобавокъ, китайцы, вѣроятно, подъ вліяніемъ боксерской пропаганды, стали покидать городъ, уѣзжая на джонкахъ. Между тѣмъ, недалеко, на противоположномъ берегу, лежалъ зеленѣющій Чифу съ благоустроеннымъ европейскимъ поселеніемъ, и многіе наши офицеры уже отправили туда свои семьи. Я послѣдовалъ ихъ примѣру и остался въ крѣпости съ секретаремъ дипломатической канцеляріи Петромъ Генриховичемъ Тидеманомъ и съ китайскимъ переводчикомъ Шао.

---

[1]) Въ настоящее время Портъ-Артуръ называется Ріожунъ,а Дальній перекрещенъ въ Дайренъ. Портъ-Артуръ—въ противоположность времени русскаго владычества—сдѣлался довольно унылымъ мѣстомъ, въ виду строгихъ крѣпостныхъ правилъ, исключившихъ судоходное и торговое движеніе. Старый городъ, бывшій центромъ нашей военно-административной дѣятельности, перестроился на японскій ладъ, сохранивъ мало слѣдовъ русскаго вліянія. Новый городъ, на другой сторонѣ бухты, широко распланированный нашими инженерами, въ противовѣсъ Дальнему, совершенно заглохъ, большая часть казенныхъ зданій осталась безъ употребленія, а незастроенные участки превратились въ лѣсистые пустыри. Японцы, повидимому, отказались отъ мысли возстановить наши форты и батареи, оставивъ ихъ въ полуразрушенномъ состояніи, какъ историческое мементо славной обороны. Зато въ Дальнемъ японцы осуществили грандіозную программу нашихъ строителей, мечтавшихъ создать здѣсь русскій Гонконгъ. Это дѣйствительно большой и благоустроенный, хотя однообразный, скучный городъ, съ хорошимъ портомъ. Старая часть города, распланированная и застроенная еще во время нашей оккупаціи, сохранила свой русско-декадентскій отпечатокъ.

Зато общій видъ Квантунской области, и особенно окрестность названныхъ городовъ, совершенно измѣнился. Японцы облѣсили всю мѣстность, и нѣкогда голыя, скалистыя сопки покрылись густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Присутствіе растительности измѣнило самый климатъ, который сталъ гораздо влажнѣе и мягче, напоминая сосѣднюю Японію. Помнится, во время нашей оккупаціи были также сдѣланы попытки лѣсоразведенія, но дѣло ограничилось совѣщаніями и комиссіями. Алексѣеву пришлось согласиться съ мнѣніями нашихъ спеціалистовъ о невозможности облѣсенія Квантуна. Другое отличіе японскаго владычества—прекрасныя шоссейныя дороги, особенно въ окрестностяхъ городовъ.

Въ началѣ мая стали приходить тревожныя вѣсти о растущихъ волненіяхъ въ Тянцзинѣ и въ Пекинѣ Шанхайскія газеты забили тревогу, требуя принятія энергичныхъ мѣръ. Нашъ посланникъ, однако, не дѣлалъ никакихъ сообщеній, и это позволяло думать, что полученныя извѣстія преувеличены. Алексѣевъ, при встрѣчѣ со мною, обыкновенно рѣзко критиковалъ бездѣятельность, какъ онъ говорилъ, пекинскихъ дипломатовъ. Однажды, дѣлая разныя гипотезы относительно будущаго, онъ какъ-то спросилъ, считаю ли я возможнымъ, чтобы китайцы предприняли враждебныя дѣйствія противъ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ. А вдругъ, замѣтилъ онъ, китайское правительство запретъ посланниковъ въ Пекинѣ и затѣмъ используетъ ихъ, какъ заложниковъ, для сведенія счетовъ съ державами!

Сознаюсь, что это предположеніе показалось мнѣ дикимъ. Я возразилъ, что китайцы слишкомъ благоразумны, чтобы рѣшиться на столь рискованный шагъ, и сослался на международное право. Алексѣевъ стоялъ на своемъ, повторяя, что международное право тутъ не при чемъ, и что все возможно, особенно, если посланники будутъ вѣрить баснямъ Цзун-ли-ямыня. Этотъ разговоръ происходилъ, если не ошибаюсь, въ началѣ мая, т. е. почти за мѣсяцъ до осады миссій.

Вскорѣ за симъ мы получили телеграмму изъ Пекина съ сообщеніемъ о появленіи въ столицѣ боксеровъ и съ предупрежденіемъ, что, вѣроятно, придется высадить войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Гирсъ сообщалъ, что посланники представили коллективную ноту китайскому правительству, требуя принятія мѣръ противъ боксеровъ. Онъ прибавлялъ, что рѣшено вызвать войска, если требованіе это не получитъ удовлетворенія въ пятидневный срокъ. Что касается численности дессанта, то Гирсъ считалъ, что 30 казаковъ будетъ достаточно. Адмиралъ отвѣтилъ, что дессантъ можетъ быть высланъ немедленно.

Вдобавокъ къ пекинскимъ осложненіямъ, стали приходить тревожныя вѣсти изъ Инкоу. Консулъ сообщалъ о появленіи хунхузовъ въ Сюльюченѣ, къ сѣверу отъ Инкоу, и о броженіи среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ. На Алексѣева эти извѣстія произвели гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ событія въ Пекинѣ, имѣвшія, по его мнѣнію, характеръ второстепенный для насъ. Онъ не довѣрялъ завѣреніямъ китайскихъ властей и считалъ, что необходимо принятіе мѣръ, дабы предупредить безпорядки, кои могутъ повредить положенію Россіи въ Маньчжуріи. Между тѣмъ, если дипломаты въ Пекинѣ не предпримутъ рѣшительныхъ дѣйствій, китайцы сочтутъ это за слабость, и броженіе изъ Чжили перебросится въ Маньчжурію. Онъ считалъ, что Южно-Маньчжурская желѣзная дорога недостаточно защищена, и что настоящее положеніе дастъ намъ возможность занять болѣе прочное положеніе въ Южной

Маньчжуріи посылкой небольшого отряда Квантунскихъ войскъ и занятіемъ Инкоу. По его мнѣнію, подобный шагъ не могъ нарушить прямыхъ интересовъ другихъ державъ и могъ быть объясненъ необходимостью защиты русскихъ подданныхъ. Алексѣевъ собирался телеграфировать въ этомъ смыслѣ въ Петербургъ. Однако, предварительно онъ обратился къ главному инженеру китайской дороги Юговичу, предлагая помощь для защиты желѣзной дороги. Обращеніе это было встрѣчено довольно холодно въ Харбинѣ. Юговичъ отвѣтилъ, что дорога не подвергается опасности, и что его собственной стражи достаточно для поддержанія порядка; другими словами—прошу не вмѣшиваться. Алексѣевъ обидѣлся и рѣшилъ предоставить харбинскихъ дѣятелей собственной судьбѣ.

Въ половинѣ мая въ Портъ-Артуръ пріѣхалъ нашъ посланникъ въ Кореѣ Павловъ, чтобы переговорить съ Алексѣевымъ о новой концессіи, полученной нами въ Мазанпо. На основаніи соглашенія между Кореей и Россіей, послѣдняя получила право на устройство въ названномъ портѣ угольной станціи. Алексѣевъ придавалъ большое значеніе этой концессіи, считая, что Мазанпо, съ его огромной и удобной бухтой, долженъ со временемъ сдѣлаться главной базой нашей Тихоокеанской эскадры, вмѣсто Портъ-Артура, который онъ признавалъ неподходящимъ.

Во время пребыванія у насъ Павлова, мы были смущены новой телеграммой изъ Пекина. На этотъ разъ Гирсъ просилъ о присылкѣ отряда въ сто человѣкъ. Было ясно, что положеніе ухудшается, и Алексѣевъ выразилъ мнѣніе, что, въ случаѣ развитія кризиса, державамъ придется занять форты Таку. Помнится, Павловъ замѣтилъ, что, если Гирсъ, при его извѣстной осторожности, забилъ тревогу, то положеніе дѣйствительно серьезное.

Такъ какъ мы были уже подготовлены, то снаряженіе дессанта было скоро закончено, и 16-го мая эскадра изъ шести судовъ, подъ флагомъ адмирала Веселаго, вышла въ Таку. Нѣсколько дней спустя, пришло извѣстіе объ убійствѣ бельгійскихъ инженеровъ въ Баодинфу. Отрядъ казаковъ, подъ командой поручика Блонскаго, посланный изъ Тянцзина на помощь иностранцамъ, имѣлъ стычку съ боксерами, и, хотя послѣдніе были разбиты, но проявили большой фанатизмъ. Эти событія положили конецъ сомнѣніямъ относительно намѣреній китайцевъ. Намъ угрожалъ мятежъ, направленный противъ всѣхъ иностранцевъ независимо отъ національности. Посланники, повидимому, пришли къ такому же заключенію, и, опасаясь, что иностранцы, находящіеся въ Пекинѣ, попадутъ въ плѣнъ, они обратились за помощью къ адмираламъ въ Таку.

Созванное 23-го мая, по иниціативѣ британскаго адмирала Сеймура, совѣщаніе рѣшило предупредить Чжилійскаго вице-короля о предстоящей высадкѣ войскъ. Таковая, согласно ихъ объясненію, дѣлалась для защиты посланниковъ, но отнюдь не противъ китайскаго правительства. Въ случаѣ явнаго безучастія китайцевъ, адмиралы рѣшили дѣйствовать помимо ихъ согласія.

Въ тотъ же день Гирсъ увѣдомилъ, что „народное волненіе усиливается, нося характеръ слѣпой ненависти противъ иностранцевъ". Правительство, по его мнѣнію, не рѣшается дѣйствовать противъ боксеровъ, на сторонѣ коихъ находятся войска, и посему лишь сильное воздѣйствіе державъ можетъ остановить возстаніе.

Въ виду этого извѣстія, изъ Портъ-Артура были отправлены новыя подкрѣпленія. Одновременно Алексѣевъ телеграфировалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, объясняя, что наши войска будутъ дѣйствовать только противъ мятежниковъ и поддержатъ китайское правительство вмѣстѣ съ другими державами. Въ тотъ же день отъ Гирса получена была слѣдующая телеграмма, отправленная 27-го мая: „Мое личное убѣжденіе, что роль посланниковъ окончена въ Пекинѣ, и дѣло должно перейти въ руки адмираловъ. Только быстрый приходъ сильнаго отряда можетъ спасти иностранцевъ въ Пекинѣ."

Это было послѣднее сообщеніе посланника, ибо вслѣдъ за симъ телеграфное сообщеніе съ китайской столицей было прервано. Алексѣевъ отнесся къ этой лаконической телеграммѣ не безъ ироніи, замѣтивъ, что оптимизмъ слишкомъ быстро перешелъ въ панику. Вообще, легковѣріе дипломатическаго корпуса казалось ему удивительнымъ. Осуждая китайское правительство за поддержку мятежа, который могъ повести къ войнѣ, онъ считалъ, что главная вина все же падаетъ на европейскія державы и на ихъ захватную политику. Если дойдетъ до войны, говорилъ онъ, то Китай, конечно, пострадаетъ, но въ раздѣлъ страны, какъ то предвидятъ нѣкоторые, я не вѣрю. Этому помѣшаетъ соперничество державъ, и, кромѣ того, Японія будетъ противъ такого усиленія Европы на Тихомъ Океанѣ.

Въ виду согласія Петербурга на отправку подкрѣпленій, Алексѣевъ рѣшилъ послать 12-й Восточно-Сибирскій полкъ подъ командой полковника Анисимова. Такъ какъ пароходовъ въ то время въ Артурѣ не было, то пришлось приспособить въ качествѣ транспортовъ наши военныя суда. Посадка пѣхоты, казаковъ и артиллеріи началась 28-го вечеромъ и продолжалась всю ночь.

Рано утромъ я отправился въ портъ искать Алексѣева. Мнѣ нужна была его подпись на письмѣ къ тянцзинскому вице-королю Ю-лу. Въ письмѣ повторялось уже извѣстное клише, т. е., что войска посы-

Михаилъ Николаевичъ Гирсъ,
Россійскій Посланникъ въ Китаѣ.

лаются для защиты русскихъ подданныхъ и преслѣдуютъ мирную цѣль. Въ виду сего, мы просили Ю-лу облегчить высадку. Въ порту заканчивалась посадка дессанта, работали лебедки, поднимавшія казачьихъ лошадей, орудія и двуколки, грузили снаряды, багажъ, и толпились солдаты. Алексѣевъ, въ сопровожденіи адъютантовъ, адмираловъ Старка и Витгефта, генерала Стесселя, полковниковъ Флуга и Базилевскаго и др., обходилъ суда, стоявшія у пристани, и привѣтствовалъ нижнихъ чиновъ.[1]) Остановивъ его въ капитанской каютѣ броненосца „Наваринъ", я просилъ подписать письмо. „Господа", сказалъ адмиралъ, „письмо, или ультиматумъ, къ Тяньцзинскому вице-королю подписывается на „Наваринѣ". Пусть это славное имя послужитъ намъ залогомъ успѣха"[2]).

Затѣмъ письмо было вручено Анисимову и черезъ него своевременно дошло до Ю-лу. Обмѣнъ этихъ дипломатическихъ любезностей происходилъ чуть ли не наканунѣ занятія Таку. Проводы Анисимова и его отряда имѣли торжественный характеръ. Мы отправились на рейдъ, гдѣ на броненосцѣ „Петропавловскъ" былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Солдаты выстроились на палубѣ въ походномъ снаряженіи. Послѣ окропленія святой водой, Алексѣевъ обратился къ нимъ съ краткой рѣчью, гдѣ объяснилъ, что Россія находится въ мирѣ съ Китаемъ, и что они отправляются лишь для охраны посланника и русской колоніи отъ мятежниковъ. Алексѣевъ говорилъ съ большимъ подъемомъ и сердечностью. Всѣ были растроганы; дамы плакали, прощаясь съ мужьями.

---

[1]) Адмиралъ Витгефтъ впослѣдствіи командовалъ русскимъ флотомъ во время русско-японской войны и былъ убитъ въ морскомъ бою у Портъ-Артура. Генералъ Стессель—впослѣдствіи комендантъ Портъ-Артура во время осады крѣпости.

[2]) Названіе морского сраженія, въ коемъ русская эскадра разбила турецкую.

ГЛАВА IV.

Взятіе фортовъ Таку. Походъ адмирала Сеймура. Отправка подкрѣпленій. Взглядъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Напряженное состояніе, въ которомъ Артуръ жилъ съ середины мая, еще усилилось послѣ ухода 12-го полка. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Тяньцзина и дѣлали догадки относительно будущаго. Несмотря на нѣкоторое затишье въ дѣлахъ, намъ съ Тидеманомъ еще прибавилось работы. Телеграфированіе съ Пекиномъ, правда, прекратилось, но зато посыпались телеграммы изъ Инкоу, гдѣ положеніе ухудшалось. Бѣгство миссіонеровъ изъ южной Маньчжуріи и появленіе хунхузовъ на побережьѣ побудило наши власти высадить небольшой отрядъ съ канонерки „Отважный" для защиты русскаго поселка въ Инкоу. Это былъ узловой пунктъ нашей желѣзной дороги, и сохраненіе его представлялось чрезвычайно важнымъ.

Но вернемся къ событіямъ въ Чжили. Обстоятельства, вызвавшія взятіе фортовъ, такъ хорошо извѣстны, что я ограничусь перечнемъ главныхъ фактовъ. Послѣ высадки отряда полковника Анисимова, которая совершилась безпрепятственно, вице-король увѣдомилъ адмираловъ, что онъ не можетъ допустить дальнѣйшей высадки союзныхъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралы узнали, что изъ Лутая предполагается посылка китайскихъ подкрѣпленій въ Таку.

Свѣдѣнія эти, полученныя въ Портъ-Артурѣ въ началѣ іюня, въ связи съ создавшейся обстановкой, побудили Алексѣева выступить передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ конкретнымъ предложеніемъ. Онъ указалъ на необходимость имѣть на мѣстѣ особаго русскаго представителя, облеченнаго надлежащими военными и дипломатическими полномочіями въ противовѣсъ адмиралу Сеймуру, стремившемуся взять на себя руководящую роль. Подъ представителемъ съ надлежащими полномочіями Алексѣевъ, повидимому, подразумѣвалъ самого себя и хотѣлъ заручиться санкціей Петербурга [1]).

---

[1]) Секретная телеграмма адмирала Алексѣева министру иностранныхъ дѣлъ. Портъ-Артуръ, 3-го іюня.

„Китайское правительство увѣдомило вице-короля печилійскаго, что дальнѣйшее отправленіе войскъ изъ Тяньцзина въ Пекинъ не должно быть допускаемо, что указываетъ на его намѣреніе открыто вступить въ непріязненныя отношенія къ державамъ. Такое положеніе, при невозможности сноситься съ посланниками, требуетъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, чему препятствуетъ неизвѣстность политики по отношенію къ Китаю и отсутствіе на мѣстѣ лица съ надлежащими военными и диплома-

Вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе, что, несмотря на протесты адмираловъ, китайскія войска выступили изъ Лутая и идутъ къ Таку походнымъ порядкомъ. Кромѣ того, китайцы начали минировать подходъ къ рѣкѣ и вооружать форты. Въ виду такого образа дѣйствія китайцевъ и необходимости обезпечить сообщеніе съ Тянцзиномъ, адмиралы отправили вице-королю и коменданту крѣпости Таку ультиматумъ о сдачѣ фортовъ. Ультиматумъ былъ подписанъ слѣдующими адмиралами и командирами: Гильдебрандтъ (Россія), Брюсъ (Англія), Куржоль (Франція), Бендеманъ (Германія), Нагамино (Японія), Казелла (Италія) и Коновицъ (Австрія). Американскій адмиралъ Кемпъ уклонился отъ подписанія, за неимѣніемъ инструкцій. Ультиматумъ былъ врученъ коменданту Таку лейтенантомъ Бахметьевымъ, котораго сопровождалъ, въ качествѣ переводчика, англійскій пилотъ Джонсонъ.

Какъ извѣстно, китайцы, не дождавшись срока ультиматума, открыли огонь по стоявшимъ на рѣкѣ канонерскимъ лодкамъ союзниковъ. Послѣ упорнаго боя форты были взяты соединенными дессантами, и на нихъ были подняты флаги союзниковъ. Извѣстіе это получено было въ Портъ-Артурѣ 6-го іюня.

Пока событія эти происходили въ Таку, положеніе дѣлъ въ Тянцзинѣ принимало совсѣмъ плохой оборотъ. Въ виду усиленія мятежа въ Пекинѣ и недостаточности отправленныхъ туда дессантовъ (тянцзинскій генералъ-губернаторъ пытался помѣшать ихъ отправкѣ, и они попали въ столицу съ большимъ трудомъ), рѣшено было снарядить болѣе значительный международный отрядъ, около 2000 человѣкъ, начальство надъ коимъ принялъ уже упомянутый адмиралъ Сеймуръ. Отрядъ отправился изъ Тянцзина по желѣзной дорогѣ и подвигался впередъ до 5-го іюня. Затѣмъ, въ виду разрушенія пути и подавляющей численности боксеровъ, старавшихся отрѣзать его отъ базы, Сеймуръ долженъ былъ вернуться обратно, понеся тяжелыя потери. Въ экспедиціи участвовало нѣсколько русскихъ подъ начальствомъ морского офицера, барона Радена. Это была безумная попытка, но вдохновленная благороднымъ порывомъ.

Извѣстія о неудачномъ походѣ адмирала Сеймура и о послѣдующихъ событіяхъ въ Тянцзинѣ подтвердили серьезность положенія и вызвали усиленную дѣятельность нашихъ военныхъ властей. Пятаго іюня изъ Портъ-Артура отправился въ Таку второй эшелонъ экспеди-

---

тическими полномочіями. Назначеніе такого лица составило бы необходимый противовѣсъ адмиралу Сеймуру, стремящемуся взять на себя руководительство общими дѣйствіями державъ."

ціоннаго отряда, состоявшій изъ 9-го Восточно-Сибирскаго полка, сотни Верхнеудинскаго казачьяго полка и батареи. Съ отрядомъ выѣхалъ начальникъ бригады генералъ-маіоръ Стессель.

Алексѣевъ былъ по-прежнему настроенъ пессимистично; онъ продолжалъ говорить, что мятежъ не есть случайная вспышка, а серьезное движеніе противъ иностранцевъ, которое можетъ распространиться на Маньчжурію, гдѣ намъ придется выдержать тяжелую борьбу, чтобы сохранить наше положеніе. Какъ разъ въ это время получено было извѣстіе о разрушеніи мятежниками желѣзной дороги Кинчжоу-Коупанцзы и о бѣгствѣ англійскихъ инженеровъ. Мы, конечно, телеграфировали это извѣстіе министерству, указывая на опасность кунктаторской политики.

Вскорѣ за симъ мы получили изъ Петербурга пространную телеграмму, излагавшую взглядъ министерства на мятежъ и на возможное участіе Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сущность телеграммы сводилась къ тому, что Россія занимаетъ въ Китаѣ особое положеніе и преслѣдуетъ тамъ отличныя отъ другихъ цѣли. Мы должны поэтому поддерживать китайское правительство въ его борьбѣ съ мятежниками и не вмѣшиваться въ вопросъ о командованіи союзными войсками; мы должны держаться въ сторонѣ и лишь защищать русскихъ подданныхъ и русскіе интересы [1]).

Прочитавъ министерскія соображенія, Алексѣевъ пожалъ плечами, замѣтивъ, что въ Петербургѣ, видимо, не понимаютъ, что китайское правительство солидарно съ мятежниками и также хочетъ изгнать всѣхъ иностранцевъ, не исключая русскихъ.

---

[1]) Секретная телеграмма графа Муравьева вице-адмиралу Алексѣеву. Петербургъ, 5-го іюня 1900 года.

„Принимая во вниманіе, что задачи Россіи на Дальнемъ Востокѣ совершенно расходятся съ политикой прочихъ державъ, мы и при настоящихъ событіяхъ въ Китаѣ должны соблюдать особенное положеніе. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что нашъ отрядъ вступилъ на китайскую территорію безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ сосѣдней дружественной имперіи, съ которой, въ интересахъ нашихъ, желательно, по прекращеніи безпорядковъ, возстановить самыя дружественныя отношенія; между тѣмъ подымающаяся опасность побудитъ международные дессанты приступить къ болѣе широкимъ планамъ, а именно, къ подавленію распространяющагося возстанія, къ извѣстнаго рода кровавымъ насиліямъ и, наконецъ, къ борьбѣ съ правительственными войсками, что было бы почти равносильно открытію военныхъ дѣйствій противъ Китая. Въ предвидѣніи такого оборота дѣла, намъ отнюдь не слѣдуетъ добиваться сосредоточенія командованія общими силами державъ, предоставивъ таковое руководство любому изъ иностранныхъ военачальниковъ. При указанныхъ условіяхъ русскій отрядъ, отнюдь не нарушая согласія съ прочими европейскими дессантами, не выйдетъ изъ предѣловъ Высочайше предначертанной ему задачи, заключающейся въ охраненіи безопасности миссіи, огражденіи жизни и имущества русскоподданныхъ, проживающихъ въ сѣверномъ Китаѣ, а равно въ поддержаніи законной власти въ борьбѣ съ революціею. Поспѣшаю сообщить, что Государю Императору благоугодно было одобрить изложенныя соображенія“.

Въ своемъ отвѣтѣ министру иностранныхъ дѣлъ графу Муравьеву Алексѣевъ пытался разъяснить закулисную роль китайскаго правительства, возбуждавшаго и направлявшаго возстаніе противъ европейцевъ, и невозможность для насъ оказать ему поддержку.

Въ то же время Алексѣевъ предупредилъ меня, что положеніе дѣлъ въ Тянцзинѣ, вѣроятно, потребуетъ его присутствія въ этомъ городѣ, и что мнѣ и П. Г. Тидеману придется его туда сопровождать. При этомъ онъ далъ мнѣ сообщеніе адмирала Гильдебрандта изъ Таку, изъ котораго усматривалось, что англичане стараются предоставить японцамъ главную роль въ подавленіи возстанія. Такъ, командующій англійской эскадрой адмиралъ Брюсъ развилъ нашему адмиралу слѣдующій планъ. По его мнѣнію, подавленіе мятежа потребуетъ армію въ сто тысячъ человѣкъ, каковая можетъ быть легче всего мобилизована Японіей. Финансы ея истощены, и она охотно взялась бы за умиротвореніе Китая, заручившись санкціей державъ.

Я не придаю особаго значенія мнѣнію Брюса, замѣтилъ Алексѣевъ, но считаю, что, въ виду положенія Россіи на Дальнемъ Востокѣ, намъ отнюдь нельзя допускать исключительнаго военнаго вмѣшательства Японіи; ея участіе въ дѣлѣ не должно превышать степени участія другихъ державъ. Мы должны предупредить, если возможно, такую комбинацію и предостеречь Петербургъ относительно опасности англо-японскаго союза. Телеграмма въ этомъ смыслѣ была послана въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но, должно быть, не произвела большого впечатлѣнія.

ГЛАВА V.

Событія въ Тянцзинѣ. Адмиралъ Алексѣевъ принимаетъ начальство надъ русскими силами. Союзный флотъ въ Таку.

Военныя дѣйствія въ Печили мало отразились на отношеніяхъ между русскими и китайцами на Квантунѣ. Насколько мнѣ извѣстно, тамъ не произошло ни одного серьезнаго недоразумѣнія. Сначала китайцы сильно побаивались за свою безопасность, ожидая, что мы захотимъ отомстить за насилія въ Маньчжуріи Боксерскіе эмиссары сдѣлали попытки поднять населеніе путемъ прокламацій и подметныхъ писемъ, но не встрѣтили сочувствія. Артурскія власти т. е. гражданскій комиссаръ Громбчевскій и полиціймейстеръ Ледингъ слѣдили за настроеніемъ туземцевъ, предупреждая возможныя столкновенія ихъ съ гарнизономъ.

Въ числѣ тогдашнихъ событій слѣдуетъ отмѣтить бѣгство служащихъ китайскаго телеграфа. Телеграфисты рѣшили, что ихъ хотятъ арестовать, и предпочли тайно скрыться въ Чифу. Другимъ событіемъ было закрытіе китайской минной школы. Я уже упоминалъ объ школѣ въ связи съ поѣздкой въ Пекинъ. На этотъ разъ Алексѣевъ, не стѣсняемый посланникомъ, рѣшилъ покончить съ щекотливымъ вопросомъ. Школа была закрыта, кадеты разоружены и отправлены во Владивостокъ.

Прибытіе иностранныхъ войскъ и неудача, постигшая экспедицію адмирала Сеймура, усилили антиевропейское движеніе какъ въ столицѣ, такъ и въ Тянцзинѣ. Тамошній вице-король вскорѣ утратилъ всякую власть, которая перешла въ руки самозванныхъ боксерскихъ вождей. Этотъ переворотъ ознаменовался новымъ приливомъ агитаціи и сопровождался поджогами въ китайскомъ городѣ и нападеніемъ на концессіи[1]): Взятіе Таку было истолковано населенію, какъ вѣроломное нападеніе иностранцевъ, и вызвало немедленно репрессаліи во всемъ Китаѣ. Регулярные войска, державшіяся до тѣхъ поръ нерѣшительно, соединились съ мятежниками и 4-го іюня начали обстрѣлъ европейской части Тянцзина.

Отрядъ адмирала Сеймура двигался въ это время обратно къ Пекину, отбиваясь отъ окружавшихъ его боксеровъ. Въ Тянцзинѣ уже

[1]) Такъ называются участки земли въ китайскихъ городахъ, предоставленные по договорамъ на правахъ аренды иностраннымъ державамъ. На этихъ участкахъ вся административная и судебная власть принадлежитъ иностранцамъ въ лицѣ консуловъ и мѣстныхъ муниципалитетовъ.

находился нашъ трехтысячный экспедиціонный корпусъ подъ начальствомъ Анисимова, коему были также подчинены морскіе дессанты союзниковъ. Бомбардировка Тянцзина повергла иностранцевъ въ сильное смятеніе. Никто не предвидѣлъ, что этотъ культурный городокъ превратится въ военный лагерь и станетъ мѣстомъ кровавой борьбы. Послѣдній поѣздъ съ бѣглецами вышелъ изъ Тянцзина 8-го іюня, а черезъ два дня весь желѣзнодорожный путь былъ уже разрушенъ. Самое тяжелое время городу пришлось пережить между 4-мъ и 10-мъ, когда фанатизмъ боксеровъ еще не улегся, и когда происходили яростныя атаки на концессіи и на желѣзнодорожную станцію, охранявшуюся нашими войсками. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы китайцамъ удалось захватить станцію и отрѣзать нашъ отрядъ отъ моста черезъ Пейхо, т. е. отъ концессій, то послѣднимъ пришлось бы капитулировать. Такъ какъ боевые припасы стали истощаться, Анисимовъ собралъ совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствія. На совѣтѣ было рѣшено держаться и просить адмираловъ о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленій. Письмо Анисимова было доставлено въ Тонгку нашими казаками, съ которыми поѣхалъ англичанинъ Джемсъ Уаттсъ для указанія пути.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ освободительный отрядъ генерала Стесселя, соединившійся 10-го іюня съ войсками Анисимова, что значительно усилило тянцзинскій гарнизонъ. Въ это время пришло извѣстіе о возвращеніи экспедиціи адмирала Сеймура съ 200 ранеными. Занявъ съ боя арсеналъ Сику, Сеймуръ тамъ засѣлъ, такъ какъ китайцы отрѣзали путь къ Тянцзину. На освобожденіе его былъ посланъ отрядъ полковника Ширинскаго, который успѣшно справился со своей задачей. Такимъ образомъ, гарнизонъ Тянцзина, благодаря прибытію Стесселя и Сеймура, значительно увеличился, но, какъ оказалось потомъ, число осаждавшихъ такъ же возрасло, ибо къ нимъ присоединился пятитысячный отрядъ генерала Маюгуня, прибывшій изъ Шанхайгуаня.

Несмотря на усиленіе союзниковъ, ихъ дѣятельность съ половины іюня имѣла нерѣшительный характеръ. Адмиралъ Сеймуръ считалъ невозможнымъ освобожденіе Тянцзина съ имѣвшимися силами. Китайцы между тѣмъ продолжали обстрѣлъ концессій. Почти ежедневно происходили мелкіе бои вблизи вокзала, у городского вала и у Лутайскаго канала. Союзники несли потери, не достигая никакихъ результатовъ. Таково было положеніе осажденнаго города ко дню прибытія Алексѣева 24 іюня.

Прежде чѣмъ описывать обстоятельства, сопровождавшія этотъ новый фазисъ тянцзинской обороны, необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

15-го іюня Алексѣевъ поднялъ свой флагъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“, который въ тотъ же день вышелъ въ Таку. [1]). Передъ отъѣздомъ его былъ сформированъ полевой штабъ, въ составъ коего зачислили и меня съ Тидеманомъ. „Петропавловскъ“ пришелъ въ Таку на другой день и бросилъ якорь среди многочисленной международной эскадры броненосцевъ, крейсеровъ, канонерскихъ лодокъ, транспортовъ и миноносцевъ.

На рейдѣ стоялъ также большой китайскій крейсеръ, арестованный союзниками. Флаги на судахъ были приспущены: наканунѣ узнали объ убійствѣ китайцами германскаго посланника барона фонъ-Кеттлера. Это извѣстіе было доставлено китайскимъ курьеромъ вмѣстѣ съ запиской одного изъ пекинскихъ резидентовъ, швейцарца Шамо. Послѣдній сообщалъ, что положеніе отчаянное, и умолялъ союзниковъ прорваться въ Пекинъ возможно скорѣе. Записка была отъ 11/24 іюня. По другой версіи, показавшейся мнѣ мало достовѣрной, всѣ миссіи, исключая четырехъ, разрушены, и большинство европейцевъ умерщвлено. По полученіи этихъ новостей, Алексѣевъ немедленно уѣхалъ въ Тонгку, мѣстечко въ устьѣ Пейхо, оставивъ меня при эскадрѣ.

На другой день я взялъ шлюпку и вмѣстѣ съ П. Г. Тидеманомъ отправился на крейсеръ „Россія“, съ визитомъ къ адмиралу Гильдебрандту. Послѣдняго мы, однако, не видали, онъ присутствовалъ на обѣднѣ. Послѣ „Россіи“ мы побывали на англійскомъ броненосцѣ „Барфлеръ“, гдѣ познакомились съ адмираломъ Брюсомъ, принявшимъ насъ очень любезно. Брюсъ смотрѣлъ пессимистично на положеніе дѣлъ въ Тянцзинѣ и на дѣйствія союзниковъ; онъ сталъ съ одушевленіемъ доказывать, что державамъ необходимо передать дѣло умиротворенія Китая японцамъ. Затѣмъ адмиралъ спросилъ, имѣю ли я свѣжія извѣстія изъ Ниучжуана, и правда ли, что положеніе тамъ угрожающее. Нашъ консулъ, замѣтилъ онъ, настаиваетъ на посылкѣ военнаго корабля, но у насъ нѣтъ свободныхъ канонерокъ для разсылки. Я считаю, что русскихъ и японскихъ канонерокъ совершенно достаточно. Я объяснилъ, что, хотя въ Нючжуанѣ не совсѣмъ благополучно, но что мы примемъ мѣры для предупрежденія безпорядковъ. Пока я находился у Брюса, явился германскій адмиралъ фонъ-Бендеманъ, съ которымъ я обмѣнялся лишь нѣсколькими словами объ общемъ положеніи.

На американскомъ броненосцѣ „Ньюаркъ“ мы провели полчаса въ интересной бесѣдѣ съ командиромъ, капитаномъ Макъ-Калла, сообщившимъ нѣкоторыя подробности похода адмирала Сеймура, въ которомъ онъ принялъ участіе. Макъ-Калла мы застали въ постели; онъ былъ раненъ

[1]) „Петропавловскъ“ погибъ въ 1904 году во время русско-японской войны.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 1901 г.

въ ногу и не успѣлъ поправиться. Американецъ хвалилъ Сеймура за храбрость и энергію, но довольно отрицательно отозвался о его стратегическихъ талантахъ. Экспедиція, по его мнѣнію, могла удасться, несмотря на легкомысліе, съ какимъ была предпринята, если бы Сеймуръ не потерялъ времени на починку дороги, вмѣсто того, чтобы прямо идти на Пекинъ.

Пробывъ нѣкоторое время на эскадрѣ, я имѣлъ случай наблюдать жизнь на нашихъ военныхъ судахъ. Долженъ сознаться, что изъ наблюденій этихъ я вынесъ довольно неблагопріятное впечатлѣніе. Болѣе всего меня поразила полная отчужденность между матросами и офицерами. И тѣ и другіе жили совершенно обособленно, сталкиваясь лишь на службѣ, причемъ никакого нравственнаго или просвѣтительнаго вліянія старшихъ на младшихъ, повидимому, не оказывалось. Офицерамъ жилось сравнительно хорошо, не только матеріально, въ виду усиленнаго содержанія, но и духовно. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, жаловались мнѣ на жизнь въ Артурѣ, гдѣ эскадра отстаивалась на открытомъ рейдѣ, т. е. далеко отъ города, и очень жалѣли о гостепріимномъ Нагасаки съ его чайными домами и гейшами. Судьба же нашихъ матросовъ, въ большинствѣ людей сухопутныхъ, запертыхъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ броненосныхъ судовъ и лишенныхъ свободы и разумныхъ развлеченій — казалась мнѣ незавидной.

Я долженъ упомянуть здѣсь о событіи, имѣвшемъ серьезное вліяніе на нашу дальнѣйшую китайскую политику. Я разумѣю смерть министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, котораго смѣнилъ графъ Ламздорфъ. Хотя графъ Муравьевъ былъ посредственнымъ государственнымъ дѣятелемъ, но обладалъ политическимъ чутьемъ и извѣстной рѣшительностью характера, а, главное, находился въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Алексѣевымъ еще со времени совмѣстной службы въ Парижѣ, гдѣ послѣдній состоялъ когда-то нашимъ морскимъ агентомъ. Графъ же Ламздорфъ былъ гибкимъ царедворцемъ, но государственными способностями не отличался. Онъ мало интересовался нашей восточной политикой, которая велась, главнымъ образомъ, Витте, и не уяснялъ себѣ той роли, какую Россія по историческимъ и географическимъ причинамъ призвана играть въ Азіи и на Тихомъ океанѣ. Тотчасъ послѣ назначенія графа Ламздорфа министромъ, Алексѣевъ взятъ былъ подъ подозрѣніе, какъ человѣкъ неудобный, вторгавшійся въ непринадлежащую ему политическую сферу. Всѣ намѣренія и предположенія Алексѣева вызывали обыкновенно противодѣйствіе графа Ламздорфа, котораго поддерживалъ Витте. Такая же оппозиціонная тенденція вскорѣ обнаружилась и со стороны военнаго министра, генерала Куропаткина.

ГЛАВА VI.

Русскій главнокомандующій въ Тонгку. Мы отправляемся въ Тянцзинъ. Нѣкоторыя впечатлѣнія осады этого города.

Вернувшись на „Петропавловскъ“, мы узнали, что въ Тонгку прибылъ изъ Тянцзина полковникъ Вогакъ. Мнѣ хотѣлось съ нимъ повидаться, и я отправился туда на миноносцѣ, коимъ командовалъ лихой лейтенантъ Дюбрейль Эшапаръ. Мы быстро прошли мимо нѣкогда грозныхъ китайскихъ фортовъ съ развѣвающимися флагами союзниковъ и мимо китайскаго адмиралтейства, занятаго нашими моряками. Показались канонерки, отличившіяся 4-го іюня: русскія—„Бобръ“, „Кореецъ“, и „Гилякъ“, французская —„Ліонъ“, англійская—„Алжеринъ“, и германская—„Илтисъ“, и вскорѣ затѣмъ мы пристали къ „Богатырю“— катеру, на которомъ жилъ Алексѣевъ. Повидавъ адмирала, мы помѣстились въ домѣ англійскаго пилота Брауна, временно занятомъ нашимъ штабомъ. Самъ Браунъ гдѣ-то устроился по близости, но иногда заглядывалъ, чтобы узнать, цѣло ли его имущество. Я жилъ въ верхнемъ этажѣ съ полковникомъ Вогакомъ, а Тидеманъ расположился внизу вмѣстѣ съ штабными офицерами. Помѣщались мы неважно, но выбора не было. Сосѣдній домъ занимали французы и японцы. Адъютанту Алексѣева, лейтенанту Шванку, было поручено наблюденіе за рѣкой, и онъ переселился на миноносецъ. Вогакъ осунулся и изнервничался и съ видимымъ удовольствіемъ отдыхалъ отъ тянцзинскихъ впечатлѣній.

На другой день пришелъ буксиръ съ баржами, наполненными бѣженцами изъ Тянцзина. Мы, конечно, всѣ высыпали на берегъ, взглянуть на это зрѣлище. Бѣженцы, среди коихъ было много женщинъ и дѣтей, расположились, какъ попало, на палубѣ вмѣстѣ съ багажомъ и всякимъ домашнимъ скарбомъ; кто-то везъ даже клѣтку съ любимымъ попугаемъ. Было нѣсколько волонтеровъ въ какихъ-то фантастическихъ мундирахъ. Большинство этихъ бѣженцевъ отправилось въ Японію.

Живя въ Тонгку, мы томились отъ скуки и страдали отъ жары и непрерывныхъ дождей, но главное наше затрудненіе было въ пропитаніи. Мы не могли обѣдать каждый день у Алексѣева, ибо въ его маленькой столовой не было мѣста даже для штаба. Солдаты и офицеры были въ лучшемъ положеніи, ибо у нихъ имѣлись щи и каша. Штатскими же и особенно дипломатами никто не интересовался. Приходилось даже слышать обидныя замѣчанія насчетъ того, что наше присут-

ствіе излишне, ибо теперь война, а не миръ. Однообразіе нашей жизни нѣсколько скрашивалось новостями съ рейда и сообщеніями изъ Чифу и Артура, съ коими поддерживались постоянныя сношенія при помощи разсыльныхъ судовъ. Телеграммы разсылались такимъ же путемъ черезъ Чифу, ибо кабель съ Артуромъ былъ порванъ.

Въ Тонгку сосредоточивалась выгрузка войскъ и военныхъ матеріаловъ, поэтому скопленіе войскъ всякихъ національностей было значительно. Солдаты помѣщались въ китайскихъ фанзахъ и въ палаткахъ. Шли проливные дожди, и все было облѣплено густой грязью. На берегу стояли ящики со снарядами, съ разнымъ снаряженіемъ, консервами, тюками съ сѣномъ и т. п. Шла безостановочная разгрузка морскихъ транспортовъ и нагрузка шаландъ и вагоновъ для отправки въ Тянцзинъ. Работали солдаты, ибо китайцы разбѣжались. Было, впрочемъ, десятка три плѣнныхъ кули, которые, однако, скрывались при первой возможности. Рѣка имѣла безжизненный видъ, плавало всего нѣсколько реквизированныхъ джонокъ подъ иностранными флагами, съ преобладаніемъ русскаго и японскаго.

Несмотря на скопленіе разнороднаго военнаго элемента, недоразумѣній между союзниками почти не возникало, благодаря распорядительности командующихъ офицеровъ. Единственное, что не удавалось—это прекращеніе пожаровъ. То тутъ, то тамъ загоралась покинутая фанза, огонь перекидывался на сосѣднія постройки, и вскорѣ пылалъ цѣлый костеръ. Половина Тонгку уже выгорѣла, но пожары все-таки продолжались. Горѣли также сосѣднія деревни, и по вечерамъ мы любовались отраженіемъ зарева на небѣ. У насъ обвиняли въ поджогѣ американцевъ, но, должно быть, наши молодцы также занимались этимъ дѣломъ.

Желѣзная дорога, т.-е. станція и паровозы, находилась въ завѣдываніи командира американской канонерской лодки „Монокаси", капитана Вейзэ. На паровозахъ дѣйствовали американскіе машинисты, но на дорогѣ распоряжался нашъ желѣзнодорожный баталіонъ, уже возстановившій линію до Чуланчэна. Такъ какъ мы исправили дорогу, то Алексѣевъ предложилъ американцамъ передать намъ и паровозы. Это было довольно естественно, тѣмъ болѣе, что у американцевъ не хватало машинистовъ. Капитанъ Вейзэ сначала протестовалъ противъ нашего вмѣшательства, но затѣмъ дѣло уладилось. Это маленькое недоразумѣніе не помѣшало установленію наилучшихъ отношеній съ американцами, особенно съ офицерами „Монокаси". Присутствіе этой канонерки вносило разнообразіе въ нашу монотонную жизнь. Гостепріимные американскіе моряки размѣстили у себя бѣженцевъ изъ Тянцзина и всячески старались ихъ развлечь, устраивая даже концерты и танцы.

22-го іюня состоялось засѣданіе адмираловъ въ Таку для обсужденія вопроса о присылкѣ японской дивизіи для подавленія китайскаго мятежа, причемъ адмиральскій ареопагъ рѣшилъ обратиться къ японскому правительству. Нашъ представитель адмиралъ Гильдебрандтъ поддержалъ эту резолюцію, не спросивъ согласія Алексѣева, смотрѣвшаго на дѣло иначе. Онъ предвидѣлъ, что прибытіе столь значительныхъ японскихъ подкрѣпленій дастъ Японіи преобладающее вліяніе въ дальнѣйшемъ развитіи кризиса, о чемъ хлопотали англичане. Въ Петербургѣ идея японскаго мандата встрѣчена была также довольно холодно, что, между прочимъ, видно изъ инструкціи, сообщенной нашимъ посламъ и Алексѣеву. У насъ опасались, что такой мандатъ нарушитъ согласіе державъ и поведетъ къ дальнѣйшимъ осложненіямъ.[1])

Между тѣмъ военныя операціи подъ Тянцзиномъ продолжались, не давая положительныхъ результатовъ. Руководить дѣйствіями нашего отряда изъ Тонгку было невозможно, и адмиралъ рѣшилъ отправиться въ Тянцзинъ. Мы выѣхали на зарѣ. Штабъ размѣстился въ вагонахъ, казачій конвой—на платформахъ. Несмотря на усердіе полковника Самойлова, который завѣдывалъ сообщеніемъ, дорога оказалась въ печальномъ положеніи: шпалы были сожжены, рельсы приходилось откапывать и искать по деревнямъ, куда ихъ спрятали крестьяне. Мѣстность, по которой мы ѣхали, представляла пустыню: жители скрылись, деревни были разгромлены, поля вытоптаны. На полпути. у

---

[1]) Циркулярная телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ россійскимъ представителямъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Вашингтонѣ, Токіо и вице-адмиралу Алексѣеву.

„Отъ 27-го іюня 1900 года.

11 іюня, черезъ нашего посланника въ Токіо, мы освѣдомились о выраженной японскимъ правительствомъ готовности, въ виду опасности положенія въ Пекинѣ, командировать свои войска въ Китай для совмѣстнаго со всѣми прочими державами участія въ спасеніи осажденныхъ представителей государствъ и оказаніи защиты иностранцамъ, проживающимъ въ имперіи, среди которыхъ не мало японскихъ подданныхъ.

Полагая, что всякое содѣйствіе къ достиженію вышеуказанной цѣли должно быть встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ всѣми державами, и что Японія, благодаря географическимъ условіямъ, можетъ быстрою высадкою значительныхъ войскъ существенно облегчить задачу находившимся уже въ Тянцзинѣ международнымъ отрядамъ—мы не замедлили извѣстить японское правительство, что не видимъ никакихъ основаній стѣснять его свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что оно завѣрило въ твердой рѣшимости своей дѣйствовать въ полномъ согласіи со всѣми державами.

Принятое Токійскимъ кабинетомъ рѣшеніе въ указанныхъ условіяхъ представлялось вполнѣ естественнымъ, въ виду опасности, одинаково грозившей какъ представительству Японіи въ Пекинѣ, такъ и многочисленнымъ подданнымъ ея, разсѣяннымъ въ имперіи; но съ задачею этою, на нашъ взглядъ, не могли быть связаны права на самостоятельное устройство дѣлъ въ Пекинѣ, либо иныя преимущества, за исключеніемъ, быть можетъ, большого матеріальнаго вознагражденія за убытки, если бы державы признали необходимымъ потребовать впослѣдствіи таковое отъ законнаго китайскаго правительства.

разрушенной станціи Чуланчэнъ, стояла наша рота подъ командой французскаго мичмана. Станцію окружало болото, заросшее камышомъ. Вѣроятно, жить здѣсь было не сладко. Версты черезъ три пришлось остановиться изъ-за разрушеннаго моста. Мы сѣли на коней и продолжали путь верхомъ. Хорошо, что я взялъ съ собою пару лошадей и сѣдла—они намъ съ Тидеманомъ очень пригодились.

Подъѣзжая къ лагерю, мы были встрѣчены командиромъ нашего отряда, генераломъ Стесселемъ, съ многочисленной свитой. Генералъ, гарцовавшій на сѣромъ конѣ, въ блестящемъ мундирѣ, покрытомъ орденами, имѣлъ внушительный видъ, особенно по сравненію со скромнымъ Анисимовымъ, въ затасканномъ кителѣ, сидѣвшемъ на шаршавой казацкой лошаденкѣ. Алексѣевъ объѣзжалъ лагерь и говорилъ съ солдатами, благодаря за вѣрную службу.

Русскій лагерь разбитъ былъ на зеленѣющихъ поляхъ гаоляна и кукурузы. Теперь все это было вытоптано. Съ южной стороны виднѣлись развалины китайскихъ деревень, покинутыхъ жителями, а на переднемъ планѣ—нѣсколько рощицъ, осѣняющихъ семейныя кладбища и отдѣльные могильные курганы. На фонѣ зелени бѣлѣли офицерскія палатки.

Послѣ объѣзда войскъ и представленія офицеровъ, Стессель пригласилъ насъ закусить. Мы, т.-е. Алексѣевъ, Флугъ, Вогакъ, Савицкій, Пипко, Тидеманъ и я—усѣлись на лужайкѣ подъ сѣнью старыхъ сосенъ, гдѣ поставленъ былъ обѣденный столъ. Все это было очень

Между тѣмъ, почти одновременно нами получено было отъ Лондонскаго кабинета по сему же поводу сообщеніе, въ которомъ рѣчь уже шла не о добровольномъ рѣшеніи Токійскаго кабинета участвовать въ общихъ дѣйствіяхъ державъ, а о возлагаемомъ Европою на Японію порученіи перевести въ Китай значительныя войска не только для спасенія миссій и иностранно-подданныхъ, но и въ видахъ подавленія возбужденнаго боксерами возстанія и устройства въ Тянцзинѣ и Пекинѣ прочнаго порядка.

Таковая постановка вопроса, по мнѣнію нашему, могла бы до извѣстной степени нарушить тѣ основныя положенія, которыя уже приняты были большинствомъ державъ за руководящія начала въ отношеніи къ китайскимъ событіямъ, а именно: поддержаніе общаго согласія державъ, сохраненіе исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ, устраненіе всего того, что могло бы повести къ раздѣлу Поднебесной имперіи, наконецъ, возстановленіе общими усиліями законнаго центральнаго правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе.

Твердое установленіе и нерушимое соблюденіе всѣми державами этихъ основныхъ началъ представляется намъ безусловно необходимымъ для достиженія главной цѣли—охраненія прочнаго мира на Дальнемъ Востокѣ.

Императорское правительство полагаетъ, что при настоящихъ грозныхъ событіяхъ, затрагивающихъ первостепенные интересы державъ, надлежитъ избѣгать всякихъ недомолвокъ и недоразумѣній, могущихъ повести къ еще болѣе опаснымъ осложненіямъ.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, вамъ поручается объясниться по всѣмъ затронутымъ въ настоящей телеграммѣ вопросамъ съ правительствомъ, при коемъ вы аккредитованы, и объ отвѣтѣ его сообщить по телеграфу".

идиллично и мило, и какъ-то мало напоминало суровую дѣйствительность. Во время обѣда хозяинъ разсказалъ намъ о взятіи восточнаго арсенала и о послѣднихъ событіяхъ осады. Онъ, повидимому, не очень ладилъ съ союзниками, исключая нѣмцевъ и японцевъ, якобы не встрѣчая съ ихъ стороны искренности и содѣйствія. „Когда приходятъ иностранцы“, закончилъ Стессель, „я стараюсь отъ нихъ отдѣлаться“. Столь странное заявленіе произвело нѣкоторое впечатлѣніе на Алексѣева; онъ наморщилъ брови и неодобрительно крякнулъ. Вообще, генералъ Стессель любилъ рисоваться своей солдатской простотой и грубоватостью. Онъ льстилъ Алексѣеву, который оказывалъ ему исключительное довѣріе. Офицеры его, однако, не любили.

Передъ обѣдомъ я видѣлся съ англійскимъ инженеромъ Киндеромъ[1]). Онъ пришелъ, чтобы поговорить со Стесселемъ, направившимъ его ко мнѣ. Киндеръ разспрашивалъ о нашихъ намѣреніяхъ относительно желѣзной дороги, совѣтуя передать ее для эксплоатаціи китайской, вѣрнѣе, англійской администраціи, такъ какъ наши военныя власти будто бы съ этимъ дѣломъ не справятся. Я рѣшилъ, что Киндеръ подосланъ былъ адмираломъ Сеймуромъ, чтобы позондировать почву, и отвѣтилъ, что пока было бы рискованно передавать дорогу китайцамъ, которые ее разрушили. Говорить о захватѣ дороги русскими, во всякомъ случаѣ, преждевременно, тѣмъ болѣе, что всѣ пользуются ею безвозмездно. Хотя Киндеръ удовлетворился моими объясненіями, но, вѣроятно, ненадолго.

---

[1]) Главный инженеръ Сѣверной Китайской желѣзной дороги, строитель линіи Тянцзинъ-Пикоу.

ГЛАВА VII.

Наша жизнь и работа въ Тянцзинѣ. Люди, съ которыми пришлось встрѣтиться. Сношенія съ союзниками.

Алексѣеву хотѣлось имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Тянцзинѣ. Онъ, очевидно, былъ мало удовлетворенъ безсвязнымъ разсказомъ Стесселя, а главное, его отношеніями съ союзниками. Нужно было имѣть кого-нибудь на мѣстѣ, и онъ предложилъ мнѣ съѣздить въ городъ. Мнѣ самому хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается, и я съ удовольствіемъ принялъ это порученіе.

Полковникъ Вогакъ, капитанъ Нечволодовъ, Тидеманъ и я отправились изъ лагеря верхомъ черезъ поля и рощи прямо къ рѣкѣ. Солнце свѣтило съ безоблачнаго неба; было тихо и мирно, и какъ-то не вѣрилось, что мы—въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій. Черезъ Пейхо мы перебрались по понтонному мосту, наведенному русскими какъ разъ у китайской военной школы, и въѣхали въ англійскую концессію. Эта часть города пострадала сравнительно мало, хотя много крышъ и стѣнъ было пробито снарядами. На перекресткахъ улицъ виднѣлись баррикады изъ тюковъ шерсти—защита отъ выстрѣловъ изъ зарѣчной части, гдѣ въ первые дни осады держались боксеры. Впослѣдствіи китайскія фанзы на томъ берегу были разрушены, и осаждавшіе оттѣснены дальше. Всюду валялись обломки, мебель и черепица. Что сталось съ кипучей жизнью, которую я наблюдалъ здѣсь такъ недавно! На улицахъ тишина, прохожихъ не видно, только патрули разныхъ національностей маршировали передъ домами, обращенными въ штабы, больницы и провіантскіе склады. Среди военныхъ преобладали русскіе офицеры и солдаты. Наши войска были въ то время весьма популярны, благодаря героической оборонѣ полковника Анисимова.

Мы съ Тидеманомъ помѣстились въ Русско-Китайскомъ банкѣ, воспользовавшись любезностью директора Бидвеля. Банкъ охранялся французскими солдатами. Намъ отвели комнаты внизу, предупредивъ, что туда еще не залетали снаряды. Верхній этажъ уже пострадалъ, и надъ самой лѣстницей зіяла большая дыра. Въ подвалѣ жилъ китайскій компрадоръ вмѣстѣ съ семьей и родственниками. Они не выходили, боясь союзниковъ, которые ожесточились и убивали безъ разбора всѣхъ китайцевъ,

Бомбардировка концессій возобновилась вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, когда я шелъ по Викторія Родъ, направляясь къ маіору фонъ-Ханнекену, который до мятежа состоялъ инструкторомъ китайскихъ войскъ. Я надѣялся получить отъ него болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Тидеманъ отправился на развѣдки къ нашему соотечественнику Батуеву, также жившему на англійской концессіи. Идти было очень жутко. Снаряды со свистомъ неслись надъ головой, ударяясь въ сосѣднія крыши и стѣны. Я старался подтянуться передъ часовыми, принимавшими меня за военнаго, такъ какъ на мнѣ былъ китель и полковничьи погоны. Какъ разъ передъ домомъ Ханнекена меня остановилъ корреспондентъ портъ-артурской газеты Янчевецкій. Онъ участвовалъ въ бояхъ подъ Тяньцзиномъ въ качествѣ добровольца и только что оправился отъ раны. На мое предложеніе войти въ домъ для большей безопасности, онъ шутливо замѣтилъ, что отъ судьбы не уйдешь.

У Ханнекена я засталъ многочисленное общество, преимущественно офицеровъ, собравшихся къ обѣду. Хозяинъ былъ настроенъ воинственно, утверждая, что боксеровъ легко уничтожить, если союзники проявятъ больше единства, зато его тесть, комиссаръ морской таможни въ Тяньцзинѣ Детрингъ былъ мраченъ и проклиналъ китайцевъ, кажется, главнымъ образомъ, за то, что боксеры сожгли его загородную виллу. Онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ, что снаряды, коими китайцы обстрѣливали Тяньцзинъ, поставлялись Ханнекеномъ, агентомъ Круппа.

Въ столовой красовалась копія съ аллегорической картины германскаго императора: Европа, поражающая китайскаго дракона—довольно горькая иронія въ этотъ моментъ, ибо происходило какъ разъ обратное. Прислушиваясь къ разговорамъ, я былъ пораженъ безпечностью присутствующихъ. Говорили о событіяхъ дня, о числѣ убитыхъ и раненыхъ, о томъ, что китайцы поставили новое орудіе, обсуждали дѣйствіе мелинитовыхъ снарядовъ и т. п. Упомянули, но какъ-то вскользь, о пекинскихъ осажденныхъ и о предстоявшемъ походѣ на столицу. Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а можетъ быть, и выпитаго вина, я какъ-то забылъ о бомбардировкѣ, которая подъ вечеръ совсѣмъ смолкла. Рѣдкіе оклики часовыхъ и шлепанье пуль въ стѣны, когда я возвращался въ банкъ, напомнили непріятную дѣйствительность. Я засталъ Тидемана за писаніемъ писемъ. Онъ обѣдалъ у Батуева и видѣлъ нашихъ раненыхъ въ устроенномъ тамъ госпиталѣ. Несмотря на свойственныя Петру Генриховичу бодрость духа и флегматичность, онъ нѣсколько пріунылъ и не безъ волненія сообщилъ свои впечатлѣнія. Въ виду моего поздняго возвращенія, онъ уже думалъ, что меня ранили, ибо въ этотъ вечеръ стрѣльба по англійской концессіи была весьма жаркая.

На другой день, 26-го іюня, послѣ довольно безпокойной ночи, ибо пальба не прекращалась, мы отправились вмѣстѣ къ французскому генеральному консулу графу Дюшеляру. Онъ принялъ насъ съ обычной французской любезностью и, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній, сталъ излагать свой взглядъ на положеніе. „Помилуйте“, сказалъ онъ: „вотъ уже три недѣли, какъ городъ обстрѣливаютъ, наша концессія въ развалинахъ, и та же судьба постигнетъ и другія, войска несутъ потери, сидя въ казармахъ или производя безплодныя демонстраціи. Китайскій городъ въ рукахъ боксеровъ, и предводитель ихъ Чжао руководитъ дѣйствіями правительственныхъ генераловъ Суна, Ніэ и Ма. Вице-король Ю-лу и чиновничество подчинились мятежникамъ и издаютъ прокламаціи объ избіеніи иностранцевъ. У китайцевъ новѣйшая артиллерія и большой запасъ снарядовъ, доставленныхъ нѣмцами, а у насъ устарѣвшія пушки. На ихъ десять выстрѣловъ мы отвѣчаемъ, какъ вы вѣрно замѣтили, однимъ. О ружьяхъ и говорить нечего: у каждаго кули есть теперь маузеръ или манлихеръ“. Малый успѣхъ союзниковъ Дюшеляръ объяснялъ соперничествомъ командующихъ и взаимнымъ недовѣріемъ—намекъ на насъ, англичанъ и японцевъ. Необходимы единовластіе и общій планъ, и онъ надѣется, что адмиралу Алексѣеву удастся объединить союзниковъ.

Несмотря на пессимизмъ, Дюшеляръ сохранилъ бодрость духа; не безъ ехидства онъ похвалилъ китайцевъ за уничтоженіе концессій, такъ какъ это позволитъ ему выстроить новый кварталъ, для чего у него уже разработанъ планъ. Кромѣ Дюшеляра, въ консульствѣ жилъ секретарь французской миссіи въ Пекинѣ баронъ Дантуаръ, съ женою. Они возвращались изъ-за границы, и перерывъ сообщеній засталъ ихъ въ Тяньцзинѣ.

Слѣдующій мой визитъ былъ къ адмиралу Сеймуру. Адмиралъ оказался типичнымъ англичаниномъ, весьма сдержаннымъ, но корректнымъ и любезнымъ. Онъ началъ съ того, что сталъ вычерчивать позиціи и батареи китайцевъ и доказывать, что съ наличными силами союзниковъ нельзя предпринимать рѣшительныхъ дѣйствій. Затѣмъ адмиралъ Сеймуръ подробно освѣдомился объ Алексѣевѣ, его чинѣ и служебномъ рангѣ. Онъ, повидимому, не согласенъ съ тѣмъ, что Алексѣевъ, имѣя чинъ вице-адмирала и состоя главнокомандующимъ нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, имѣетъ большія права на командованіе, чѣмъ онъ, и, вообще, далъ понять, что англичане не подчинятся иностранному командованію. Такъ какъ я уже слышалъ объ этомъ отъ Стесселя, то не сталъ возражать. Сеймуръ сообщилъ нѣкоторыя подробности о своемъ походѣ и похвалилъ русскій контингентъ за выносливость и дисциплину. Испытанныя имъ неудачи, кажется,

внушили ему преувеличенное понятіе о силахъ и стратегическихъ способностяхъ китайцевъ.

Въ тотъ же день мнѣ удалось повидаться съ японскимъ генераломъ Фукушима[1]). Фукушима одобрительно отозвался о дѣйствіяхъ Стесселя и намекнулъ, что опасность не въ китайцахъ, а въ союзникахъ и въ ихъ розни, и что самая интересная часть нынѣшней мелодрамы въ ея развязкѣ. Въ бесѣдѣ нашей участвовалъ начальникъ штаба полковникъ Аоки. Когда я замѣтилъ, что Сеймуръ и нѣкоторые другіе очень высокаго мнѣнія о стратегіи и доблести китайцевъ, Аоки иронически замѣтилъ: „доблесть китайцевъ состоитъ вотъ въ чемъ", и онъ положилъ руку на столъ, усѣянный мухами, которыя, конечно, улетѣли. „Видите, я снялъ руку", продолжалъ онъ, „и мухи возвратились. Боксеры—то же, что эти мухи. Они осыпаютъ насъ свинцомъ изъ-за прикрытій, а когда мы идемъ въ атаку, они скрываются, чтобы возвратиться съ новой назойливостью". Кстати, Фукушима и Аоки приняли меня въ японскихъ кимоно. Аоки, оказывается, въ эту ночь участвовалъ въ вылазкѣ и былъ раненъ пулей въ плечо. Несмотря на это, онъ говорилъ со мною, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ заключеніе Фукушима замѣтилъ, что союзники должны прежде всего сосредоточить свои усилія на взятіи Тянцзина и лишь тогда подготовиться къ походу на Пекинъ. Во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ, придется пережидать дождливый періодъ, и ранѣе августа едва ли удастся выступить.

Такъ какъ въ банкъ попало нѣсколько снарядовъ, то я переселился въ подвальный этажъ. Тамъ было прохладнѣе, меньше слышался грохотъ стрѣльбы, и можно было спокойнѣе заниматься шифрованіемъ телеграммъ.

На другой день я видѣлся съ японскимъ дипломатомъ Като, котораго командировали, вѣроятно, въ качествѣ замѣстителя японскаго посланника въ Пекинѣ барона Нисси, котораго считали убитымъ. Като служилъ въ Петербургѣ и недурно говорилъ по-русски. Въ разговорѣ со мною онъ былъ весьма сдержанъ и ограничился общими мѣстами. Като, между прочимъ, сообщилъ, что въ Токіо думаютъ, что для похода на Пекинъ нужна армія въ 25 тысячъ.

Я также познакомился съ англійскимъ консуломъ Карлсъ. Это онъ предложилъ своимъ коллегамъ пригрозить китайскому правительству разрушеніемъ могилъ царствующей династіи, если посланники не будутъ освобождены—довольно странная идея, принимая во вниманіе психологію китайскаго народа. Карлсъ былъ недоволенъ, что консульскій корпусъ устранили отъ участія въ оборонѣ и въ управленіи концессіями, и что всѣмъ распоряжались военные.

[1]) Онъ пріобрѣлъ извѣстность своей поѣздкой изъ Петербурга во Владивостокъ верхомъ.

Впрочемъ, не онъ одинъ такъ думалъ; я видѣлъ и другихъ иностранцевъ, возстававшихъ противъ военныхъ, которые якобы не понимаютъ положенія и узурпируютъ права гражданскихъ представителей. Они, напр., доказывали, что обстрѣлъ китайскаго города приноситъ вредъ, ибо еще болѣе раздражаетъ китайцевъ. Я думаю, что господа, проповѣдывавшіе уступчивость, заботились, главнымъ образомъ, о своихъ торговыхъ и банковыхъ дѣлахъ въ китайскомъ городѣ, которымъ грозила опасность.

Китайцы, конечно, прекрасно знали о томъ, что дѣлалось въ концессіяхъ. Мнѣ передавали, что были даже случаи сигнализаціи флагами съ крышъ, послѣ чего бомбардировка въ данномъ направленіи усиливалась. Полагаю, что это могло быть въ началѣ обстрѣла, когда весь лѣвый берегъ Пейхо былъ въ рукахъ непріятеля. Теперь китайцевъ всѣхъ безъ разбора стрѣляютъ, и пробраться черезъ линію заставъ стало почти невозможно. Но тянцзинцы такъ напуганы, что вѣрятъ всякой небылицѣ. Одно время подозрѣвали въ измѣнѣ Детринга и фонъ-Ханнекена только потому, что они состояли на китайской службѣ.

ГЛАВА VIII.

Осада и взятіе Тянцзина.

27-го іюня мы съ Петромъ Генриховичемъ перебрались изъ города въ русскій лагерь, чтобы отдохнуть отъ стрѣльбы. Правда, въ палаткѣ было грязно, и пришлось спать на землѣ, ибо наши походныя кровати куда-то исчезли; но зато было спокойнѣе и свѣжѣе, и не надоѣдали мухи, коихъ въ городѣ появилось очень много отъ неубранныхъ труповъ. Если бы не крайняя скудость воды для мытья, то жилось бы недурно, тѣмъ болѣе, что у Алексѣева былъ отличный столъ. Стирать было некому, и наши бѣлые кителя вскорѣ почернѣли.

Доложивъ Алексѣеву о видѣнномъ въ городѣ, я просилъ его отпустить меня въ Тонгку, такъ какъ я не военный и едва ли нуженъ. Просьбу мою, однако, онъ отклонилъ, замѣтивъ, что есть обстоятельства, когда человѣкъ долженъ жертвовать собой. Въ подтвержденіе того, что я дѣйствительно нуженъ, мнѣ поручили написать письмо генералу Фукушима, приславшему двѣ пушки, захваченныя у китайцевъ, и отвѣтить на протестъ адмирала Сеймура по поводу занятія нами Китайской Сѣверной желѣзной дороги.

Ставка Алексѣева разбита была на китайскомъ кладбищѣ. Посрединѣ возвышался большой земляной курганъ, повидимому, родоначальника семьи. Кругомъ холмики пониже—могилы его потомковъ. Около большого кургана устроена была адмиральская кухня, помѣщались клѣтки съ курами и ящики съ провизіей, коими завѣдывалъ адъютантъ Алексѣева лейтенантъ Ульяновъ Нѣсколько дальше стояли небольшія палатки адмирала и офицеровъ штаба Большая палатка была отведена подъ столовую. Сзади лагеря были развалины китайскихъ деревень. Жители разбѣжались, и среди обгорѣлыхъ стѣнъ бродили свиньи и собаки, на которыхъ иногда охотились наши солдаты. Хуже всего были собаки, питавшіяся трупами. Онѣ совершенно одичали и съ яростью бросались на проѣзжавшихъ.

Во время моего пребыванія въ лагерѣ, пріѣхали генералы Фукушима и Дорвардъ (англичанинъ) и нѣсколько другихъ союзныхъ офицеровъ, чтобы условиться относительно предстоявшей ночной атаки. Алексѣевъ долженъ былъ руководить нашими войсками изъ Восточнаго арсенала. Въ обсужденіи диспозиціи будущей атаки принималъ участіе прибывшій наканунѣ изъ Владивостока генералъ Линевичъ. Тутъ же присутствовалъ норвежскій капитанъ Мунтэ, дававшій указанія относительно мѣстности и расположенія китайскихъ силъ. Я видѣлъ Линевича впервые. Несмотря на возрастъ, онъ производилъ впечатлѣніе бодраго и энергичнаго человѣка. Мнѣ и Тидеману было разрѣшено присоединиться къ

штабу главнокомандующаго. Подкрѣпивъ себя чаемъ съ коньякомъ, мы сѣли на коней и выѣхали изъ лагеря по направленію къ арсеналу. Ночь была безлунная и благопріятствовала ночной атакѣ, которая должна была вестись одновременно съ разныхъ сторонъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ. Проѣхавъ съ версту, мы встрѣтили генерала Стесселя, который сообщилъ, что капитанъ Санниковъ не успѣлъ навести понтоны черезъ Лютайскій каналъ, и что работа будетъ закончена лишь къ разсвѣту. Такимъ образомъ, мы не могли переѣхать черезъ каналъ и присоединиться къ союзникамъ для общей операціи противъ китайскаго города. Послѣ краткаго совѣщанія со Стесселемъ, пришлось отложить атаку и вернуться въ лагерь.

На другой день мы опять вернулись въ городъ, такъ какъ предстояли военныя дѣйствія, и въ услугахъ нашихъ особенно не нуждались. На этотъ разъ я помѣстился у Ханнекена, уѣхавшаго въ Тонгку, а Тидеманъ—у русскаго коммерсанта Батуева. Въ домѣ Ханнекена я засталъ полковника Вогака и его помощниковъ Нечволодова и капитана Блонскаго, бельгійскаго консула Кетельсъ, англійскаго маіора Люкъ, австрійскаго консула Бауера и нѣсколькихъ еще. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, почти всегда были иностранные офицеры, приходившіе со свѣжими новостями. Вогакъ служилъ связующимъ звеномъ между нами и союзниками. Его тактъ помогъ улаженію многихъ недоразумѣній. Нечволодовъ былъ душой нашей маленькой коммуны, поддерживая бодрость своей неистощимою веселостью и анекдотами. Питались мы консервами, запасенными до обстрѣла, такъ какъ магазины опустѣли, или же торговали ненужными во время осады предметами, напр., дамскими шляпами, духами и мебелью. Удивительно, что водопроводъ и газъ продолжали дѣйствовать. Что касается ночевки, то каждый нашелъ себѣ безопасное мѣстечко и устраивался тамъ, какъ могъ. Я выбралъ уголъ въ столовой, куда клалъ матрацъ. Въ общемъ, было лучше, чѣмъ въ лагерѣ, можно было вымыться и заняться работой.

Во время пребыванія у Ханнекена, я какъ-то навѣстилъ нашего консула Шуйскаго, жившаго въ гостиницѣ Асторъ Хоусъ. Когда начался обстрѣлъ концессій, онъ такъ растерялся, что бросилъ консульство, которое сгорѣло, и бѣжалъ въ муниципалитетъ Гордонъ Холь. Вообще, въ первые дни бомбардировки въ Гордонъ Холь укрылось много народа, преимущественно женщинъ и дѣтей, устроивъ тамъ что-то вродѣ лагеря. Шуйскій былъ потрясенъ нравственно и физически и мечталъ объ отпускѣ, который ему, наконецъ, разрѣшили.

Китайцы начинали обстрѣлъ концессій въ опредѣленное время, обыкновенно съ 3 часовъ дня до восьми вечера, а затѣмъ отъ 2 ночи до десяти утра. Порядокъ этотъ, впрочемъ, иногда нарушался. Когда

начинали союзники, китайцы отвѣчали залпами. Я настолько прислушался къ этому непрерывному грохоту, что сталъ отличать выстрѣлы нашихъ и китайскихъ орудій и калибры послѣднихъ. Лучше всего можно было наблюдать бомбардировку съ башни Гордонъ Холь: китайцы, повидимому, хотѣли ее разрушить, снаряды пролетали очень близко, и было нѣсколько попаданій. Въ перерывы стрѣльбы, я ѣздилъ въ нашъ лагерь для доклада Алексѣеву. У нашего понтоннаго моста скопились сотни почернѣвшихъ и вздутыхъ китайскихъ труповъ; наши и японскіе солдаты купались среди этого пловучаго кладбища.

Я какъ-то завтракалъ у состоящаго при штабѣ Сеймура капитана Бикхама. Онъ также сильно критиковалъ союзниковъ и, по обыкновенію всѣхъ здѣшнихъ англичанъ, преувеличивалъ силы китайцевъ. На прощаніе Бикхамъ заявилъ, что уѣзжаетъ вмѣстѣ съ адмираломъ Сеймуромъ, такъ какъ союзникамъ съ теперешними силами Тянцзина, все равно, не взять.

Японцы ожидали пріѣзда генераловъ Тераучи и Ямагучи; первый былъ назначенъ главнокомандующимъ японскимъ отрядомъ. Я—профанъ въ военномъ дѣлѣ и не берусь судить, кто изъ союзниковъ лучше справлялся съ своей задачей. Японцы поразили меня необыкновенной дисциплиной и фаталистическимъ безстрашіемъ. Американцы, похожіе на лихихъ коубоевъ, дрались также хорошо, но дисциплиной не отличались. У англичанъ было очень мало народа, особенно вначалѣ, когда вся тяжесть легла на моряковъ, проявившихъ обычную англійскую доблесть. Затѣмъ подвезли двѣ роты китайской пѣхоты изъ Вейхайвея, подъ командой англійскихъ офицеровъ. Вейхайвейскіе солдаты держались стойко, хотя и приходилось сражаться противъ своихъ. Французы были представлены колоніальными войсками, наспѣхъ присланными изъ Индо-Китая. Это не мѣшало имъ съ честью поддерживать репутацію французской арміи, способствуя своимъ юморомъ сближенію остальныхъ союзниковъ. Нѣмцевъ было совсѣмъ мало, но проявляли они большую воинственность, вѣроятно, вслѣдствіе убійства фонъ-Кеттлера. Всѣ ожидали значительнаго увеличенія германскаго отряда. Большинство союзниковъ имѣли сѣро-желтые кителя и блузы, только русскіе и японцы были въ бѣломъ. Полковникъ Аоки приписывалъ этому большее число раненыхъ, такъ какъ бѣлый цвѣтъ облегчаетъ прицѣлъ.

ГЛАВА IX.

Военное и политическое положеніе въ Тянцзинѣ послѣ занятія города союзниками.

Тянцзинъ палъ 2 іюля, убитыхъ оказалось свыше 800 человѣкъ. Больше всѣхъ пострадали японцы, дѣйствовавшіе подъ командой генерала Фукушима. Они взорвали городскія ворота. У американцевъ былъ убитъ генералъ Бутлеръ, только что пріѣхавшій изъ Филиппинъ. Англичанами командовалъ генералъ Дорвардъ, а французами — полковникъ де-Пелако. Союзники атаковали китайскій городъ съ запада. Нашъ отрядъ дѣйствовалъ съ востока у Лютайскаго канала и овладѣлъ импанями (укрѣпленія Лихунчжана). Мы потеряли около 150 человѣкъ. Отряды китайскихъ генераловъ Ма, Ніэ и Суна частью разбѣжались, частью отошли къ Янцуну и Бейцану. Вице-король и даотай бѣжали съ войсками.

Штурмъ произошелъ на разсвѣтѣ, послѣ продолжительнаго артиллерійскаго обстрѣла китайскихъ позицій. Мы сидѣли за утреннимъ чаемъ, когда раздался громовой ударъ, потрясшій домъ до основанія. Какъ оказалось потомъ, это былъ взрывъ китайскаго порохового погреба. Послѣ взрыва канонада начала стихать, а черезъ часъ совсѣмъ замолкла.

На другой день послѣ штурма я поѣхалъ въ китайскій городъ, взявъ, на всякій случай, казака. Мы направились туда мимо земляного вала, окружающаго концессіи съ запада. Путь усѣянъ былъ трупами людей и животныхъ, оружіемъ, разбитыми телѣгами, тачками и рикшами. Подъ жаркими лучами іюльскаго солнца трупы быстро разлагались; пахло дымомъ и пригорѣлымъ жиромъ. Западныя предмѣстья города были въ развалинахъ; съ этой стороны подходили союзники, перебѣгая отъ одной фанзы къ другой, подъ пулями боксеровъ, стрѣлявшихъ съ городской стѣны. Послѣдняя уцѣлѣла, но ворота уничтожены. Вообще, западная часть города сильно пострадала, выгорѣли цѣлыя улицы. Остались дымящіяся балки и стропила и между ними обугленные трупы вперемежку съ ранеными, ожидавшими, что ихъ прикончатъ. У китайцевъ было мало вѣры въ милосердіе „заморскихъ чертей".

Изъ этихъ кварталовъ мы проѣхали въ уцѣлѣвшую часть города, занятую японцами. Впрочемъ, сначала казалось, точно весь городъ занятъ ими: дома и лавки украшены были японскими флагами, а у прохожихъ такіе же флажки въ рукахъ. Попадались и другіе флажки, но въ гораздо меньшемъ числѣ. Многіе китайцы, вмѣсто нихъ, держали

куски матеріи съ іероглифами, выражающими покорность; при видѣ европейцевъ они бросались на колѣни и дѣлали кетоу, выражая покорность.

Хотя большинство боксеровъ бѣжало съ войсками, многіе остались въ городѣ и, снявъ красные пояса, смѣшались съ населеніемъ. Произведенные союзниками розыски привели къ аресту нѣсколькихъ боксеровъ и ихъ соучастниковъ; этихъ людей, послѣ краткаго слѣдствія, разстрѣляли. Слѣдъ ружейнаго приклада на плечѣ (отъ отдачи при стрѣльбѣ) служилъ поводомъ къ казни.

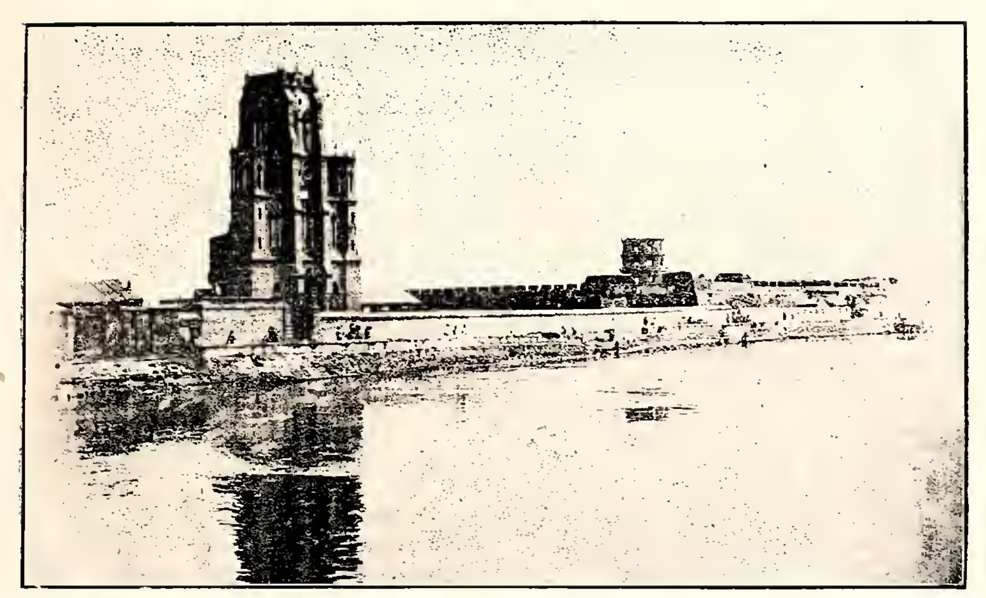
Банки и мѣняльныя лавки были разграблены самымъ основательнымъ образомъ. Сначала грабили боксеры, солдаты и сами жители; позднѣе этимъ занялись союзники и даже тянцзинскіе европейцы. Снаряжались экспедиціи для увоза всего, что имѣло хоть какую-нибудь цѣнность. Казначейство соляного даотая (завѣдующій сборомъ соляного налога) конфисковано было японцами. Всюду попадались военные и штатскіе, нагруженные награбленнымъ добромъ—мѣхами, шелками, фарфоромъ и т. п. Назначенный комендантомъ англійскій капитанъ Байли сталъ принимать суровыя мѣры противъ мародеровъ, и грабежи вскорѣ прекратились.

Ямынь вице-короля на берегу рѣки защищенъ брустверами изъ бревенъ и мѣшковъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ пулеметы. Вице-король, должно быть, не очень-то довѣрялъ боксерамъ. Въ китайскомъ городѣ господствовала все время анархія; боксеры сражались съ населеніемъ, образовавшимъ милицію для самозащиты. Трудно составить себѣ понятіе о числѣ погибшихъ въ этомъ междоусобіи; на рѣкѣ до сихъ поръ заторы отъ труповъ, скопившихся у мостовъ. Въ Тянцзинѣ осталось будто бы лишь сто тысячъ жителей, а было около милліона; большинство, конечно, разбѣжалось.

Въ самомъ ямынѣ—мерзость запустѣнія. Онъ охраняется нашими войсками. Во дворахъ сложено оружіе, частью въ ящикахъ, частью распакованное. Вмѣстѣ съ маузерами и винчестерами валяются фальконеты, кремневыя ружья, пики, сѣкиры, сабли и т. п. Канцелярія ямыня выпотрошена—полъ покрытъ пачками указовъ и правительственныхъ актовъ.

Интересное зрѣлище представляетъ также станція желѣзной дороги. Зданія разрушены, и трудно понять, какъ могли здѣсь держаться войска. Станцію отстоялъ полковникъ Анисимовъ съ 12-мъ полкомъ. Немало здѣсь полегло безвѣстныхъ героевъ, какъ нашихъ, такъ и союзниковъ. Скромный Анисимовъ здѣсь теперь очень популяренъ, и, кажется, всѣ признаютъ его доблесть.

Возвращаясь изъ города, я разговорился съ конвойнымъ казакомъ Поповымъ. Оказалось, что онъ—бурятъ, т.-е. ламаистъ, и, повидимому,

Развалины католическаго собора и черный фортъ въ Тянцзинѣ. 1900 г.

Китайскій городъ въ Тянцзинѣ послѣ бомбардировки.

мало понималъ, а, можетъ быть, и не сочувствовалъ европейцамъ-христіанамъ въ ихъ борьбѣ съ язычниками. По его опредѣленію, китайцы взбунтовались, и нашъ Царь приказалъ ихъ наказать. Онъ невысоко цѣнилъ доблесть китайскихъ солдатъ, считая, что они сильны лишь своей численностью. Грабить, по его мнѣнію, не только можно, но должно, ибо добро—непріятельское, но онъ не одобрялъ уничтоженія имущества, къ чему проявляли особую склонность наши солдаты.

ГЛАВА X.

Учрежденіе временнаго правительства въ Тянцзинѣ. Разногласія и соперничество.

На другой день послѣ занятія Тянцзина, Алексѣевъ пригласилъ командировъ союзныхъ войскъ для обсужденія мѣръ къ возстановленію порядка въ китайскомъ городѣ. Нужно было учредить какое-нибудь правительство, такъ какъ китайскія власти бѣжали.

Совѣщаніе состоялось въ домѣ упомянутаго Батуева, куда нашъ штабъ перебрался изъ лагеря. Здѣсь же помѣстились адъютанты, адмиралъ Витгефтъ, докторъ Ястребовъ и нѣкоторые другіе. Я также переѣхалъ въ домъ Старцева, стоявшій на берегу рѣки. Самъ Старцевъ находился въ то время во Владивостокѣ со своей семьей, и мое присутствіе могло только облегчить охрану дома отъ мародеровъ, иностранныхъ и китайскихъ.

Насколько я могу припомнить, на совѣщаніи этомъ присутствовали генералы Фукушима и Дорвардъ, капитанъ Байли съ англійскаго крейсера „Аврора", полковникъ Мидъ — представитель Соединенныхъ Штатовъ, полковникъ Пелако (Франція), генералъ Стессель (Россія), капитанъ фонъ-Узедомъ (Германія), лейтенантъ Индракъ (Австро-Венгрія) и лейтенантъ Спріани (Италія). Мнѣ поручено было вести протоколы засѣданія.

Я сейчасъ назвалъ адмирала Витгефта въ числѣ лицъ штаба Алексѣева. Хотя Витгефтъ занималъ видный постъ начальника морского отдѣла, но никакой роли не игралъ и имѣлъ очень мало вліянія на Алексѣева. Говорили, что онъ пріѣхалъ въ Артуръ, чтобы выслужить цензъ. Къ сожалѣнію, честность и добросовѣстность не всегда могутъ замѣнить талантъ. Судьбѣ угодно было вызвать Витгефта изъ неизвѣстности и вручить ему роль флотоводца, къ которой онъ никогда не готовился. Исполняя свой долгъ, онъ погибъ славною смертью въ 1904 году во время морского боя съ японцами около Портъ-Артура.

Открывъ совѣщаніе, Алексѣевъ объяснилъ присутствующимъ, почему необходимо установить временное правительство. Что касается формы такового, то онъ предложилъ, чтобы во главѣ управленія китайскимъ городомъ былъ поставленъ губернаторъ съ исполнительной властью. При губернаторѣ будетъ совѣтъ изъ восьми членовъ, по числу державъ, приславшихъ войска, съ совѣщательнымъ голосомъ.

Наше предложеніе вызвало оживленныя пренія. Генералъ Дорвардъ усомнился въ возможности найти подходящаго кандидата на постъ губернатора. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ быть независимъ въ отношеніи положенія и чина, долженъ имѣть постоянное жительство въ Тянцзинѣ и знать мѣстныя условія. Англійскій генералъ возражалъ, кромѣ того, противъ совѣта, который, имѣя лишь совѣщательный голосъ, окажется безполезнымъ.

Мнѣніе генерала Дорварда поддержали генералъ Фукушима и германскій капитанъ фонъ-Узедомъ, предложившій, чтобы, въ виду малочисленности контингентовъ большинства державъ, все управленіе было предоставлено Россіи и Японіи. Возражая противъ этого, Алексѣевъ сказалъ, что дѣло умиротворенія Чжили предпринято восемью державами, и что было бы несправедливо исключать одну изъ нихъ изъ участія въ управленіи. Онъ прибавилъ, что исполнительную власть желательно предоставить одному лицу, но что совѣтъ необходимъ, ибо это облегчитъ задачу губернатора. Всѣ командиры, исключая японца, англичанина и германца, согласились на такую комбинацію. Послѣ довольно продолжительныхъ разсужденій, рѣшено было отложить избраніе губернатора и совѣта до слѣдующаго совѣщанія.

Въ виду обнаружившихся разногласій, Алексѣевъ поручилъ мнѣ повидаться съ командирами и узнать, какъ они посмотрятъ на назначеніе губернаторомъ Тянцзина полковника Вогака. Изъ разговора съ генераломъ Фукушима, съ котораго я началъ свой дипломатическій обходъ, обнаружилось, что онъ уже посовѣтовался съ коллегами. Онъ говорилъ туманно о будущемъ управленіи, ссылаясь на отсутствіе инструкцій. Онъ ничего не имѣлъ противъ Вогака, но не считалъ возможнымъ подать за него голосъ. Когда я указалъ на долгое пребываніе Вогака въ Тянцзинѣ и его знакомство съ мѣстными условіями, генералъ далъ понять, что полковникъ Аоки былъ бы также подходящимъ кандидатомъ.

Капитанъ фонъ-Узедомъ не выразилъ сочувствія нашему проекту, объяснивъ, что, хотя ничего не имѣетъ противъ Вогака, но считаетъ, что будетъ политичнѣе назначить представителя державы, менѣе заинтересованной въ Китаѣ, дабы предупредить нареканія и соперничество. Было очевидно, что разсчитывать на поддержку Германіи не приходится. Фонъ-Узедомъ прибавилъ, что онъ сохраняетъ за собой и за своимъ замѣстителемъ свободу дѣйствій, относительно будущаго участія Германіи во временномъ правительствѣ.

Французскій командиръ полковникъ де-Пелако выразилъ готовность дѣйствовать съ нами въ согласіи и подать голосъ за полковника Вогака. Столь же сочувственно отнеслись къ нашему предложенію

итальянецъ—лейтенантъ Сиріани, и австріецъ—лейтенантъ Индракъ.

У генерала Дорварда я засталъ американскаго командира, полковника Мида. Заговоривъ о русскомъ губернаторѣ, я встрѣтилъ со стороны почтеннаго полковника неожиданную поддержку. Онъ заявилъ, что Вогакъ—прекрасный офицеръ, наиболѣе подходящій къ условіямъ момента. Это безхитростное мнѣніе, кажется, не понравилось Дорварду. Онъ замѣтилъ, что выборъ адмирала Алексѣева, конечно, очень хорошъ, но что, въ виду особыхъ отношеній между союзниками, лучше было бы остановиться на кандидатѣ другой національности, менѣе заинтересованной въ китайскихъ дѣлахъ. Когда я спросилъ, кто же соединяетъ требуемыя условія, Дорвардъ назвалъ капитана фонъ-Уздома. Повидимому, англійскій генералъ уже сговорился съ Уздомомъ относительно проведенія его кандидатуры.

Такимъ образомъ, выяснилось, что въ вопросѣ о временномъ правительствѣ мы могли разсчитывать лишь на поддержку Франціи и Америки, отчасти Австріи и Италіи. Уклончивые отвѣты Дорварда и фонъ-Уздома показали ихъ неодобреніе русскаго кандидата и сомнѣнія относительно британскаго или японскаго губернатора. Въ этомъ отношеніи они не ошиблись: въ разсчеты Алексѣева не входило избраніе японца или англичанина, что было бы равносильно исключенію насъ изъ управленія городомъ.

Алексѣевъ разсчитывалъ провести Вогака, и былъ, видимо, разочарованъ, узнавъ о результатѣ моихъ переговоровъ. Въ виду сего, было рѣшено не настаивать на назначеніи нашего кандидата, а предложить другую комбинацію.

Разномысліе между союзными командирами обнаружилось на слѣдующемъ совѣщаніи, 5-го іюля. Когда Алексѣевъ предложилъ назвать кандидата на постъ губернатора, то генералъ Дорвардъ заявилъ, что не вправѣ рѣшить этотъ вопросъ самолично и долженъ запросить инструкцій своего правительства. Онъ прибавилъ, что не видитъ необходимости торопиться съ этимъ вопросомъ, ибо городъ спокоенъ. Главная же задача союзниковъ сводится пока къ организаціи полиціи и санитарной части, такъ какъ улицы и рѣка запружены трупами. Генералъ Фукушима также совѣтовалъ не торопиться съ устройствомъ администраціи, говоря, что лучше оставить городъ въ военномъ управленіи, разбивъ его на участки по числу союзниковъ. Предложеніе Фукушима понятно: японцы, пользуясь знаніемъ языка и мѣстныхъ условій, заняли бы преобладающее положеніе. Фонъ-Уздомъ высказался въ томъ же смыслѣ, т.-е., что избраніе одного губернатора желательно, но что вопросъ трудно разрѣшить безъ сношенія съ центральными правительствами.

Въ пользу безотлагательнаго избранія одного губернатора высказался командиръ французскаго отряда, заявившій, что только этимъ путемъ можно обезпечить порядокъ и показать китайцамъ, что европейцы могутъ обойтись безъ китайскихъ чиновниковъ. Къ этому мнѣнію присоединились командиры американскій, итальянскій и австрійскій.

Видя, что нашъ проектъ не пройдетъ, Алексѣевъ предложилъ отказаться отъ принципа единовластія и назначить трехъ членовъ совѣта или правительства съ равными правами. Эта комбинація была принята всѣми, причемъ, по предложенію фонъ-Узедома, рѣшено, чтобы губернаторовъ или членовъ совѣта назначили державы, принявшія самое крупное участіе въ военныхъ операціяхъ, т.-е. Россія, Англія и Японія, предоставивъ отдѣльныя отрасли управленія представителямъ остальныхъ державъ. Новую администрацію рѣшено было назвать „совѣтомъ временнаго правительства города Тяньцзина".

По предложенію Алексѣева объ ассигнованіи средствъ на устройство и содержаніе правительства, было постановлено, что каждая держава, назначившая члена въ совѣтъ, должна внести 50 тысячъ мексиканскихъ долларовъ, кои будутъ впослѣдствіи возмѣщены изъ городскихъ доходовъ. Содержаніе губернаторовъ опредѣлено въ 15 тысячъ долларовъ каждому.

Предложенный Алексѣевымъ компромиссъ трехъ губернаторовъ, вмѣсто одного, удачно разрѣшилъ затрудненія, созданныя междусоюзнымъ соперничествомъ. Наше участіе въ управленіи Алексѣевъ считалъ необходимымъ какъ для поддержанія нашего вліянія на сѣверѣ Китая, такъ и по военнымъ соображеніямъ. Положеніе объ организаціи тяньцзинскаго правительства было сообщено въ Петербургъ и встрѣтило тамъ полное одобреніе какъ государя, такъ и министерства[1]).

Утвержденіе членовъ совѣта состоялось въ тотъ же день. Мы предложили полковника Вогака, японцы—полковника Аоки и англичане—

---

[1]) Секретная телеграмма адмирала Алексѣева министру иностранныхъ дѣлъ. Тяньцзинъ, 5-го іюля.

„Тотчасъ послѣ овладѣнія Тяньцзиномъ, я призналъ безотлагательнымъ собрать всѣхъ начальниковъ иностранныхъ войскъ и предложить къ обсужденію два вопроса: первый—обнародованіе объявленія къ жителямъ, обѣщая, въ случаѣ покорности, покровительство союзныхъ войскъ, а за противодѣйствіе—строгое взысканіе. Второй вопросъ заключается въ необходимости установить временное управленіе китайскимъ городомъ, дабы охранить его отъ разграбленія и возстановить нормальное теченіе жизни, что имѣетъ большое значеніе для продовольствія войскъ и предстоящаго движенія на Пекинъ. По первому вопросу состоялось соглашеніе, по второму—о назначеніи военнаго губернатора—я встрѣтилъ серьезное возраженіе со стороны представителей Англіи, Японіи и Германіи, утверждавшихъ, что быстрое возстановленіе спокойствія города не требуетъ учрежденія европейскаго управленія, и что по сему предмету надлежитъ снестись съ своими правительствами. На такое предложеніе я никакъ не могъ согласиться и, придавая большое значеніе сохраненію за нами должнаго вліянія на городскія дѣла Тяньцзина, предложилъ назначить временное управленіе изъ

полковника Бауера. Въ Петербургѣ одобрили всѣ эти мѣры, въ частности назначеніе Вогака однимъ изъ трехъ губернаторовъ. Положеніе о временномъ правительствѣ было составлено Вогакомъ, и 10 іюля Тянцзинъ получилъ новое управленіе. Оставалось подобрать подходящихъ людей для замѣщенія должностей начальниковъ отдѣльныхъ частей. Это также было успѣшно завершено, и къ концу іюля отдѣльныя управленія были организованы, устроена сухопутная и рѣчная полиція, и началось поступленіе податей и налоговъ.

Мѣстомъ пребыванія совѣта былъ избранъ ямынь вице-короля на берегу Пейхо. Китайскія зданія были приспособлены для европейцевъ, т.-е. устроены окна, двери и печи. Къ сожалѣнію, Вогакъ, истомленный осадой, заболѣлъ въ началѣ августа и отказался отъ участія въ совѣтѣ. Его обязанности перешли къ полковнику Воронову и барону Габріэлю Гинзбургу.

Временное правительство представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ управленія установленъ совѣтъ изъ трехъ равноправныхъ членовъ съ исполнительной властью. Къ совѣту, такимъ образомъ, перешли права и обязанности китайской администраціи, т.-е. вице-короля и даотая. Юрисдикція совѣта распространялась на китайскій городъ и ближайшія окрестности, исключая европейскихъ концессій, арсеналовъ, лагерей, желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и т. п.

Выражая волю всѣхъ державъ, совѣтъ пользовался полной независимостью. Въ случаѣ разногласія между совѣтомъ и военнымъ начальствомъ или консулами, вопросъ передавался третейскому разбирательству командующихъ отрядами или консульскаго корпуса. Въ случаѣ дальнѣйшихъ разногласій, вопросъ подлежалъ вѣдѣнію правительствъ. Совѣтъ имѣлъ право издавать обязательныя постановленія, взимать налоги, пользоваться всѣмъ имуществомъ китайскаго правительства и т. п. Ему была также предоставлена судебная власть, судо-

---

трехъ равноправныхъ лицъ—отъ Россіи, Англіи и Японіи. Этотъ проектъ былъ принятъ единогласно, и вчера состоялись выборы кандидатовъ: Англіи—полковникъ Бауеръ, Японіи—полковникъ Аоки, и нашъ—полковникъ Вогакъ, какъ соединяющій условія для такихъ трудныхъ обязанностей. Въ отношеніи движенія на Пекинъ и увеличенія японскихъ войскъ, продолжаю оставаться при прежнемъ мнѣніи, *что то и другое крайне нежелательно* и обѣщаетъ намъ несомнѣнныя затрудненія при разрѣшеніи настоящаго запутаннаго положенія въ Китаѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что Японія, явившись съ войсками въ Пекинъ и поддерживаемая Англіею и Америкою, будетъ противодѣйствовать русскимъ интересамъ. Мобилизація половины арміи и всего флота есть явное указаніе, что Японія имѣетъ въ виду возмѣстить то, что ей не удалось выполнить въ 1896 году и взять подъ свой контроль Пекинское правительство. Вѣсти изъ Пекина весьма разнорѣчивы. По однимъ свѣдѣніямъ, князь Туанъ объявилъ себя регентомъ и арестовалъ Императрицу, по другимъ—Императрица покинула Пекинъ и новой резиденціей избрала Баодинфу. Посланники и европейцы находятся въ безопасности. Сношенія съ Пекиномъ посредствомъ гонцовъ остаются затруднительными."

устройство и судопроизводство, наложеніе штрафовъ, присужденіе къ изгнанію и къ смертной казни.

Въ отношеніи къ иностранцамъ, совѣту предоставлены лишь полицейскія права. Иностранецъ, обвиненный въ преступленіи, передавался для суда военнымъ или консульскимъ властямъ. Въ составъ управленія входили: полиція, санитарная часть, казначейство, судебная часть, продовольственная, завѣдываніе частнымъ китайскимъ имуществомъ и т. д.

Я жилъ въ это время въ домѣ упомянутаго Старцева, но хозяйства не заводилъ, пользуясь, наряду съ офицерами штаба, гостепріимствомъ Алексѣева. Эти полуоффиціальные обѣды были довольно скучны. Разговоръ обыкновенно начиналъ Алексѣевъ, обращеніемъ къ кому-нибудь изъ гостей по служебному вопросу. Самъ Алексѣевъ не отличался разговорчивостью, предпочитая слушать, и лишь изрѣдка дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе. Въ его присутствіи всѣ держали себя весьма чинно, избѣгая какихъ-либо вольностей или грубыхъ выраженій. Настроеніе среди офицеровъ штаба было тогда довольно шовинистическое, что объясняется легкостью одержанныхъ успѣховъ. Къ союзникамъ относились съ недовѣріемъ, считая, что они преслѣдуютъ эгоистическую политику и рано или поздно обратятся противъ Россіи. По этому поводу мнѣ вспоминается разговоръ, происходившій на одномъ изъ такихъ обѣдовъ. Зашла рѣчь о назначеніи русскаго губернатора въ Тяньцзинѣ. Алексѣевъ замѣтилъ, что, въ сущности, союзники не довѣряютъ другъ другу, но что всѣ объединены общимъ недовѣріемъ къ Россіи, которой приходится разсчитывать лишь на себя. Повидимому, прибавилъ онъ, нашимъ единственнымъ союзникомъ въ будущемъ останется Франція. Большинство присутствующихъ съ нимъ согласилось; впрочемъ, нѣкоторые замѣтили, что на Дальнемъ Востокѣ нашимъ естественнымъ союзникомъ должна быть Германія. Когда я выразилъ мнѣніе, что обстоятельства влекутъ насъ къ сближенію съ Англіей, слова мои были встрѣчены общими протестами.

Вскорѣ послѣ занятія Тяньцзина Алексѣевъ далъ обѣдъ въ честь союзныхъ командировъ, на которомъ присутствовали также прибывшіе передъ тѣмъ японскіе генералы Тераучи и Ямагучи. Алексѣевъ особенно отличалъ своимъ вниманіемъ японскихъ гостей, стараясь подчеркнуть братство по оружію, установившееся во время осады.

ГЛАВА XI.

Иностранная оккупація Тянцзина. Событія въ Портъ-Артурѣ.

Во время описанныхъ событій судьба пекинскихъ осажденныхъ оставалась въ неизвѣстности. Приходившія оттуда съ китайскими курьерами извѣстія были сбивчивы. Такъ, около 10-го іюля намъ сообщили, что посланники и европейцы скрываются въ католическомъ соборѣ Бейтанъ. Это сообщеніе было получено отъ китайца, бѣжавшаго изъ окрестностей Пекина. Оно совершенно противорѣчило прежнимъ сообщеніямъ.

Считая освобожденіе посланниковъ желательнымъ, Алексѣевъ, однако, не раздѣлялъ общаго мнѣнія о необходимости немедленнаго похода на Пекинъ, по крайней мѣрѣ, участія русскихъ въ походѣ. Такое участіе и вообще враждебныя дѣйствія Россіи противъ китайской столицы онъ считалъ противными русскимъ интересамъ въ виду старой дружбы съ Китаемъ. „Наши интересы", говорилъ онъ, „— въ Маньчжуріи; тамъ нашъ политическій центръ, и всѣ наши усилія должны быть направлены къ обезпеченію нашего положенія въ этой странѣ. Обстоятельства привели насъ въ Чжили, но, чѣмъ скорѣе мы отсюда уйдемъ, тѣмъ будетъ лучше. Я скорблю о посланникахъ, но вѣдь они сами поставили себя въ такое положеніе, и жертвы, которыя несетъ теперь Россія, вызваны ихъ недальновидностью".

По мнѣнію Алексѣева, лучшимъ способомъ обезпеченія нашего положенія въ Маньчжуріи было бы соглашеніе съ Японіей, ибо лишь съ этой стороны мы встрѣтимъ серьезное противодѣйствіе. Это соглашеніе или дружественный нейтралитетъ Японіи могли бы быть достигнуты уступками въ Корейскомъ вопросѣ. Рано или поздно, говорилъ Алексѣевъ, мы эти уступки сдѣлаемъ, но это будетъ подъ давленіемъ и безъ всякой для насъ выгоды. Онъ кипятился, обвиняя Петербургъ въ сознательномъ игнорированіи фактовъ и въ пренебреженіи его мнѣніемъ.

По правдѣ сказать, телеграммы нашего министерства представляли наборъ общихъ мѣстъ о задачахъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, о двухсотлѣтней дружбѣ съ Китаемъ и о соглашеніи державъ въ поддержаніи законнаго китайскаго правительства. Всѣ эти разсужденія не давали конкрет-

Портъ-Артуръ. Набережная. Русско-Китайскій банкъ. 1900 г.

ныхъ отвѣтовъ на наши вопросы и, въ общемъ, обнаруживали непонятную самоувѣренность и предвзятость.

Покончивъ съ тянцзинскими дѣлами, адмиралъ рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ, гдѣ присутствіе его было необходимо въ виду тревожныхъ извѣстій изъ Ньючжуана (Инкоу) и Мукдена. Веденіе дальнѣйшихъ военныхъ операцій было предоставлено генералу Линевичу. Впрочемъ, одинъ вопросъ, притомъ весьма важный, оставался открытымъ—я разумѣю вопросъ о желѣзной дорогѣ. Выше было упомянуто о бесѣдѣ моей съ англійскимъ инженеромъ Киндеромъ и о предложеніи возвратить желѣзную дорогу Тянцзинъ-Тонгку китайцамъ. Нѣсколько позже просьба эта была оффиціально повторена адмираломъ Сеймуромъ. Послѣдній объяснилъ, что великобританское правительство будетъ вскорѣ въ состояніи взять на себя охрану линіи, прибавивъ, что, такъ какъ дорога построена на англійскій капиталъ, то англичане наиболѣе заинтересованы въ ея управленіи. Въ отвѣтномъ письмѣ мы заявили согласіе на переходъ линіи Тонгку-Тянцзинъ къ прежней администраціи по возстановленіи порядка, объяснивъ, что теперь, въ разгаръ кризиса, возбужденіе этого вопроса преждевременно. Состоявшееся въ началѣ іюля совѣщаніе адмираловъ постановило оставить линію въ завѣдываніи русскихъ. Работы по возстановленію дороги между тѣмъ продолжались, и вскорѣ было открыто движеніе отъ Тянцзина до Янцуна на берегу Пейхо.

Послѣ отъѣзда Алексѣева въ Портъ-Артуръ, отношенія между нашими генералами и союзниками нѣсколько охладѣли. Союзники не могли скрыть досады, что Россія сумѣла занять первенствующую роль въ Китаѣ. Безтактности Линевича и грубость Стесселя также отразились на взаимныхъ отношеніяхъ. Къ тому же, оба эти генерала не владѣли иностранными языками и дѣйствовали черезъ переводчиковъ, что мѣшало сближенію съ иностранными командирами. Въ этомъ отношеніи мы оказались ниже союзниковъ, которые почти всѣ говорили по-французски. Нѣкоторое представленіе объ отношеніяхъ между нами и союзниками даетъ слѣдующая выдержка изъ письма ко мнѣ П. Г. Тидемана, оставшагося въ Тянцзинѣ при нашемъ штабѣ: „Во время похода на Пекинъ оборона Тянцзина практически осталась въ рукахъ японцевъ (3,000) и англичанъ (1,600); американцевъ приблизительно одна тысяча, французовъ—250, нѣмцевъ—200. Русскихъ осталось 700. Генералъ Линевичъ поставилъ полковника Анисимова въ глупое положеніе, сдѣлавъ его начальникомъ соединенныхъ силъ въ Тянцзинѣ, между тѣмъ какъ есть старшій чиномъ генералъ Дорвардъ (англичанинъ), который вполнѣ располагаетъ отрядомъ, тогда какъ Анисимовъ

держитъ лишь извѣстные пункты: Восточный арсеналъ Сигу и три импани. Полковнику Анисимову едва хватаетъ оставленныхъ людей, и принять участіе въ общемъ планѣ онъ не можетъ, ибо не въ состояніи выдѣлить въ распоряженіе временнаго правительства необходимое количество людей для гарнизона и полиціи китайскаго города. Генералъ Дорвардъ на засѣданіи начальниковъ напиралъ на то, что этимъ онъ уклоняется отъ исполненія рѣшенія, къ которому пришло собраніе генераловъ подъ предсѣдательствомъ адмирала Алексѣева. Анисимовъ отвѣтилъ, что онъ донесъ объ этомъ генералу Линевичу, на что ему возразили, что это замедляетъ всякія мѣропріятія, если постоянно нужно испрашивать разрѣшенія командующаго войсками.

„Вышелъ еще инцидентъ по поводу арсенала Сигу; когда, на вопросъ Дорварда о числѣ русскихъ войскъ, занимающихъ этотъ арсеналъ, Анисимовъ сказалъ, что можетъ держать тамъ постоянно лишь 50 человѣкъ, то нашли, что этого мало, и предложили послать туда 100 англичанъ. Анисимовъ отклонилъ, находя неудобнымъ, чтобы командовали двое. Тогда ему предложили совсѣмъ снять постъ и замѣнить его англичанами; онъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ приказа. Въ дальнѣйшемъ выяснилось, что всѣ иностранцы готовы дѣйствовать совмѣстно и распредѣлить между собою оборону Тянцзина; мы же облюбовали и заняли нѣкоторые пункты, куда другихъ не допускаемъ, а отъ участія въ общемъ дѣлѣ уклоняемся. Такое положеніе дѣла обостряетъ наши отношенія съ иностранцами“.

Вскорѣ послѣ возвращенія Алексѣева въ Портъ-Артуръ, былъ разрѣшенъ довольно важный для Квантунской области вопросъ объ автономіи города Цзинчжоу и о введеніи тамъ русскаго управленія. Со времени занятія Квантуна, цзинчжоускіе чиновники, пользуясь выговоренной въ русско-китайскомъ соглашеніи 1898 года автономіей, старались присвоить себѣ нѣкоторыя права, напр., право собирать земельный налогъ и право суда надъ туземцами за предѣлами города. Они, кромѣ того, давали пріютъ бѣглымъ и хунхузамъ, переходившимъ къ нимъ изъ арендованной нами территоріи, часто послѣ совершенія преступленія.

Незадолго до начала мятежа я ѣздилъ въ Цзинчжоу съ Тидеманомъ и съ капитаномъ Россовымъ, состоявшимъ при генералѣ Субботичѣ. Нужно было выяснить накопившіяся недоразумѣнія и создать какой-нибудь „modus vivendi“. Несмотря на всѣ старанія и настойчивость Петра Генриховича, переговоры ни къ чему не привели. Китайскіе чиновники отрицали справедливость нашихъ обвиненій, ссылаясь на свое безсиліе за предѣлами городскихъ стѣнъ, гдѣ начиналась русская юрисдикція, и указывали на то, что не ихъ городъ, а скорѣе занятая русскими тер-

риторія, служитъ убѣжищемъ преступнаго сброда. Они, между прочимъ, говорили, что русская полиція, не зная ни языка ни мѣстныхъ условій, не можетъ услѣдить за китайскимъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи китайцы были правы; наша администрація и полиція были, конечно, плохо подготовлены для новыхъ своихъ обязанностей, осложненныхъ неясностью договорныхъ взаимоотношеній и юрисдикціи въ предѣлахъ арендованной и автономной областей и такъ называемой нейтральной зоны, отдѣлявшей занятую территорію отъ собственно китайской.

Въ послѣднее время, вѣроятно, подъ вліяніемъ слуховъ о мятежѣ въ Чжили, цзинчжоускіе чиновники занялись военными приготовленіями, вербовкой солдатъ и раздачей оружія. Въ виду растущаго броженія въ Маньчжуріи, подобные факты пріобрѣтали серьезное значеніе, и Алексѣевъ рѣшилъ упразднить автономію города, поручивъ это дѣло гражданскому комиссару, полковнику Громбчевскому. При нормальныхъ условіяхъ, насильственное упраздненіе автономіи было бы нарушеніемъ принятаго нами обязательства, но теперь Китай своимъ образомъ дѣйствія развязалъ намъ руки. Городскія ворота Цзинчжоу были заняты нашими войсками, китайскіе чиновники, фудутунъ (начальникъ знаменнаго населенія) и нѣсколько офицеровъ посажены въ носилки и увезены въ Портъ-Артуръ. Дѣло произошло успѣшно, благодаря энергіи и такту Громбчевскаго. Этотъ офицеръ, извѣстный своими научными путешествіями въ Средней Азіи, проявилъ недюжинныя способности въ качествѣ администратора. Онъ организовалъ управленіе занятаго нами края и сумѣлъ установить хорошія отношенія съ китайцами.

Между тѣмъ его роль, какъ гражданскаго правителя, съ широкими, но неопредѣленными функціями, была не изъ легкихъ. Приходилось ладить съ соперничающими вѣдомствами и прежде всего со всемогущей Китайской дорогой, за которой стояли наше министерство финансовъ и Витте. Финансовый комиссаръ Протасьевъ усердно разрабатывалъ бюджетъ области и налоговую систему, но не имѣлъ значенія въ вопросахъ общей политики. Главное вліяніе принадлежало, какъ сказано, желѣзнодорожной администраціи. Объектомъ этого вліянія являлся образцовый городъ Дальній, бывшій китайскій Да-лян-ванъ, созданный на мѣстѣ ничтожной рыбачьей деревушки по проекту извѣстнаго инженера Кербедза. Дальній, гдѣ распоряжался главный инженеръ Сахаровъ, сдѣлался съ самаго начала любимымъ дѣтищемъ Витте или, вѣрнѣе, группы лицъ, внушившихъ ему идею созданія русской колоніальной имперіи. Такимъ образомъ, этотъ городъ сталъ объектомъ заботъ и щедрыхъ ассигнованій правительства, между тѣмъ какъ Портъ-Артуръ, подчиненный военному вѣдомству, оставленъ былъ въ пренебреженіи, какъ неизбѣжное зло. Въ

Дальнемъ уже имѣлось городское благоустройство, дороги, канализація, водопроводъ, кажется, проектировался даже паркъ, но не было жителей, кромѣ чиновниковъ, преимущественно польской національности. Всѣ жители—русскіе и китайцы, скопились въ Артурѣ, тѣснясь въ китайскихъ фанзахъ и хибаркахъ.

Вообще, Алексѣевъ не сочувствовалъ широкимъ планамъ нашего правительства въ Квантунской области и не вѣрилъ въ просвѣтительную миссію Россіи и въ способность нашу колонизовать Маньчжурію. Такая политика встрѣчала съ его стороны рѣзкое осужденіе. Планы Витте, Романова (товарищъ министра), Кербедза, Циглера и другихъ желѣзнодорожниковъ объ экономическомъ завоеваніи страны посредствомъ промышленности и торговли казались ему утопіей, въ виду культурной слабости самой Россіи и Сибири. Онъ считалъ, что для развитія торговли достаточно желѣзной дороги и порта, при соотвѣтственной тарифной системѣ, а что слишкомъ честолюбивая программа можетъ лишь поссорить насъ и съ Японіей и съ Китаемъ. Мы должны, говорилъ онъ, сначала усилить наше военное положеніе, укрѣпить Артуръ и обезопасить сообщеніе съ Россіей, иначе мы окажемся въ западнѣ и испытаемъ военный разгромъ. Россія дѣйствовала всегда штыкомъ и, благодаря этому, имѣла успѣхъ. Онъ мало вѣрилъ въ прочность нашего положенія на Квантунѣ, считая, что желѣзную дорогу легко прервать. Занятіе Артура, и особенно основаніе Дальняго, были, по его мнѣнію, ошибкой. Россія должна была стремиться къ закрѣпленію Корейскаго побережья и Цусимскаго пролива, дабы обезпечить подступы къ Владивостоку и не разбрасываться далеко отъ своей базы. *)

---

*) Странно, что Алексѣевъ, такъ ясно рисовавшій наше положеніе въ Портъ-Артурѣ еще въ 1900 году, далъ себя увлечь агрессивной политикой и былъ застигнутъ врасплохъ войной съ Японіей. Когда я бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ впослѣдствіи, онъ ссылался на вліяніе окружавшей Государя партіи, не вѣрившей въ возможность европейской войны. Находясь въ Портъ-Артурѣ, онъ мало зналъ о политическомъ настроеніи кабинетовъ, особенно Лондонскаго и Вашингтонскаго, тѣмъ болѣе, что министерство иностранныхъ дѣлъ, обиженное его вторженіемъ въ переговоры, якобы не давало ему дѣйствительной картины положенія.

Мукденскій цзянцзюнь Цзэнъ-ци.
Портъ-Артуръ. Янв. 1901 г.

ГЛАВА XII.

Боксерскіе безпорядки въ Инкоу. Наши сношенія съ тамошнимъ консульствомъ. Занятіе города русскими войсками. Переговоры съ китайской морской таможней.

Боксерское движеніе, охвативъ Чжилійскую провинцію, быстро распространилось на сѣверъ по линіи желѣзной дороги и проникло въ южную Маньчжурію. Въ Инкоу появились боксеры и стали вербовать молодежь. Иностранцы, со своей стороны, въ видахъ самообороны, образовали милицію, предложивъ начальство командиру русской канонерки „Отважный", капитану Клапье-де-Колонгу. Русскій поселокъ также принялъ мѣры защиты, причемъ во главѣ дѣла выступилъ вышеупомянутый представитель Краснаго Креста Александровскій и консулъ Островерховъ. Мукденскій цзянцзюнь (командующій войсками), по имени Цзэн-ци, опасаясь вмѣшательства русскихъ, всячески успокаивалъ наши власти въ Портъ-Артурѣ и Харбинѣ, стараясь скрыть серьезность положенія. Онъ, видимо, очень опасался прихода нашихъ войскъ, вѣроятно, предвидя, что это поведетъ къ постоянной оккупаціи, а можетъ быть, боясь Пекина, гдѣ его считали руссофиломъ. Возможно также, что Цзэн-ци, человѣкъ мягкій и миролюбивый, искренне вѣрилъ, что волненіе уляжется и не перейдетъ въ открытый мятежъ. Во всякомъ случаѣ, его телеграммы очень расходились съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ. Въ половинѣ іюня цзянцзюнь увѣдомилъ, что въ Ньючжуанѣ появились люди съ пестрыми поясами (боксеры), которые возбуждаютъ народъ, но что намъ не слѣдуетъ тревожиться, ибо туда будутъ посланы китайскія войска.

Несмотря на успокоительныя увѣренія цзянцзюня и даотая, нашъ консулъ продолжалъ посылать тревожныя извѣстія, не совпадавшія съ оптимистическими взглядами китайскихъ мандариновъ. Онъ ожидалъ нападенія на русскій участокъ и разрушенія желѣзной дороги и просилъ о присылкѣ второй канонерской лодки или отряда. Поведеніе японцевъ казалось ему двусмысленнымъ. Японскій консулъ говорилъ, что положеніе не внушаетъ тревоги, а въ то же время распространялъ слухъ, что Японія пришлетъ свои войска, и обсуждалъ вопросъ объ учрежденіи временнаго правительства.

Въ половинѣ іюля командиръ кавалерійскаго отряда въ Инкоу генералъ Мищенко [1]), съ цѣлью разузнать силы китайцевъ, вышелъ на рекогносцировку по направленію къ Гайчжоу. Встрѣтивъ на пути укрѣпленную китайскую импань, онъ потребовалъ выдачи оружія. Когда китайцы отказались, Мищенко обстрѣлялъ импань, изъ которой солдаты бѣжали въ китайскую часть Инкоу и предались грабежу. Послѣдовавшее затѣмъ разрушеніе желѣзной дороги и телеграфа между Инкоу и Артуромъ вполнѣ обнаружило враждебныя намѣренія китайскихъ властей. Кромѣ того, съ сѣвера пришли китайскія войска и заняли угрожающее положеніе. Островерховъ, по просьбѣ консуловъ, опять обратился въ Артуръ, настаивая на присылкѣ подкрѣпленій, завѣряя, что иностранцы ничего не имѣютъ противъ занятія нами порта, и что, если мы этого не сдѣлаемъ, они обратятся къ японцамъ, у которыхъ на рѣкѣ стоятъ двѣ канонерки и транспортъ.

Я отвѣтилъ нашему консулу, что мы не можемъ послать подкрѣпленія для усиленія гарнизона Ньючжуана, въ виду недостаточнаго числа войскъ на полуостровѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я предложилъ ему объяснить японскому консулу и таможеннымъ властямъ, что русскіе интересы въ Ньючжуанѣ настолько серьезны, что не можетъ быть рѣчи о сферахъ вліянія, и что мы уже снеслись съ нашимъ посланникомъ въ Токіо, дабы онъ предупредилъ японское правительство [2]).

Вскорѣ послѣ этого обмѣна письмами изъ Инкоу были получены еще болѣе тревожныя вѣсти. На стѣнахъ города появились объявленія мукденскаго цзянцзюня съ призывомъ къ избіенію иностранцевъ, причемъ за головы послѣднихъ назначены были денежныя награды, а именно, 25 ланъ за голову европейца и 50—за русскаго. Вѣроятно, въ связи съ этимъ, населеніе стало держать себя вызывающе, а боксеры открыто совершали свои заклинанія; было ясно, что взрывъ неизбѣженъ. Дабы защитить себя отъ внезапнаго нападенія, иностранцы заградили улицы баррикадами, около которыхъ поставили русскихъ часовыхъ. Китайцы послѣдовали ихъ примѣру и также устроили загражденія.

Какъ бы въ подтвержденіе враждебныхъ намѣреній китайцевъ, цзянцзюнь потребовалъ, чтобы иностранцы, т.-е., въ сущности, русскіе, удалили свои войска изъ Ньючжуана. Это требованіе было, конечно, отклонено, а для защиты иностранцевъ изъ русскаго поселка была послана рота пѣхоты.

---

[1]) Впослѣдствіи командовалъ одной изъ нашихъ армій въ русско-японскую войну.

[2]) Нашимъ посланникомъ въ Японіи былъ А. П. Извольскій, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ.

Таково было положеніе вещей въ Инкоу, когда Алексѣевъ рѣшилъ лично посѣтить этотъ портъ и выяснить дѣло на мѣстѣ. Мы отправились туда на крейсерѣ „Забіяка", и 23 іюля вошли въ широкую и мутную Ляохэ, на которой лежитъ Инкоу. Въ составѣ штаба находился начальникъ южнаго участка Китайской дороги, инженеръ Гиршманъ. Я упоминаю о немъ потому, что этотъ Гиршманъ былъ однимъ изъ немногихъ, смотрѣвшихъ трезво и безъ иллюзій на положеніе. Зная о разгромѣ и бѣгствѣ служащихъ, онъ писалъ въ Харбинъ и предупреждалъ главнаго инженера Юговича. Послѣдній, однако, не вѣрилъ въ возможность безпорядковъ, продолжая какіе-то переговоры съ китайцами. Нѣсколько дней спустя, Юговичу и его помощникамъ пришлось спѣшно покинуть Харбинъ.

Лоцманъ, прибывшій на крейсеръ, сообщилъ намъ, что Инкоу занятъ былъ наканунѣ русскими войсками, и что столкновеніе вызвали китайцы. Начали боксеры, которые бросились на баррикады и пытались прорваться, но были отражены нашимъ дессантомъ и волонтерами. Завязалась перестрѣлка, причемъ канонерки „Гремящій", „Отважный" и „Гайдамакъ" обстрѣляли городъ, выгоняя непріятеля навстрѣчу войскамъ, высланнымъ со станціи Дашицяо. Японскія суда не приняли участія въ бомбардировкѣ, но выслали моряковъ на помощь нашимъ войскамъ. Военными дѣйствіями руководилъ генералъ Флейшеръ. Къ вечеру наши войска заняли городъ, поставили караулы и подняли военный флагъ надъ таможней и другими казенными зданіями. Китайскія власти бѣжали во время бомбардировки.

Подробности эти мы узнали отъ консула, который явился на крейсеръ въ сопровожденіи генерала Флейшера, капитана Клапьс де-Колонга и Александровскаго. Алексѣевъ былъ, видимо, доволенъ, что планъ его удался, т.-е., что мы заняли Инкоу почти мирнымъ путемъ, притомъ по желанію иностранныхъ консуловъ. „Теперь птица убита", замѣтилъ онъ, „и охотники смотрятъ, кому удастся ее поднять; мы не должны упускать этого случая". Мнѣ тутъ же было поручено составить прокламацію къ жителямъ, приглашая ихъ вернуться въ свои дома и не бояться русскихъ. Было также написано консуламъ, уже обратившимся къ намъ съ запросомъ относительно будущихъ намѣреній Россіи. Въ письмѣ говорилось, что разрушеніе желѣзной дороги и нападеніе на русскія войска, находившіяся въ городѣ по желанію консульскаго корпуса, вынудили насъ къ занятію Инкоу. Императорское правительство старалось избѣжать этой мѣры, такъ какъ Инкоу—открытый портъ. Временное управленіе, которое предполагается установить въ интересахъ иностранцевъ, а равно и китайцевъ, будетъ стремиться

къ сохраненію порядка и возстановленію торговли, не нарушая ничьихъ правъ и привилегій.

Письмо это, повидимому, успокоило консуловъ, которые, немного спустя, увѣдомили, что донесутъ о нашемъ рѣшеніи своимъ правительствамъ, и выразили готовность содѣйствовать временной администраціи. Таковъ былъ оффиціальный результатъ нашего выступленія; въ дѣйствительности же консула, особенно британскій и японскій, были недовольны создавшимся положеніемъ.

Гораздо труднѣе было установить соглашеніе съ морской таможней. Дѣло въ томъ, что, когда на таможнѣ былъ поднятъ русскій флагъ, вмѣсто китайскаго, англійскій консулъ Фульфордъ заявилъ протестъ на томъ основаніи, что таможенное зданіе зарегистрировано на имя британскаго подданнаго сэра Р. Харта, а потому экстерриторіально [1]). Къ протесту этому присоединился и таможенный комиссаръ г. Баура [2]). Въ виду важности для насъ продолженія дѣятельности морской таможни, Алексѣевъ поручилъ мнѣ переговорить съ названнымъ лицомъ. Для веденія этихъ переговоровъ и, вообще, для ближайшаго контакта съ мѣстными дѣлами, я переселился въ консульство, посѣщая „Забіяку“ лишь для доклада Алексѣеву.

Я видѣлся съ г. Баура нѣсколько разъ. Сначала онъ отнесся отрицательно къ нашему предложенію остаться во главѣ таможни и продолжать работу подъ русскимъ контролемъ. Онъ заявилъ, что нашъ планъ трудно осуществимъ, и что лучше намъ самимъ вступить въ завѣдываніе таможней, какъ то сдѣлали японцы въ 1894 году во время войны съ Китаемъ. Я возразилъ, что японцы тогда завоевали Инкоу, между тѣмъ какъ наша оккупація произошла съ согласія иностранцевъ. Къ тому же, у насъ нѣтъ подходящаго персонала для завѣдыванія столь сложнымъ дѣломъ, и, въ случаѣ удаленія нынѣшнихъ служащихъ, мы будемъ поставлены въ трудное положеніе. Прекращеніе же дѣятельности таможни повредитъ интересамъ какъ иностранцевъ, такъ и китайцевъ, и начальство его врядъ ли одобритъ такое рѣшеніе. Въ виду сего, я выразилъ надежду, что онъ сохранитъ свой постъ подъ номинальнымъ русскимъ контролемъ. Въ концѣ концовъ, г. Баура согласился на это предложеніе, подъ условіемъ нашего невмѣшательства въ внутреннюю организацію и въ вопросы личнаго состава. Онъ поставилъ, кромѣ того, свое согласіе въ зависимость отъ рѣшенія начальства, т.-е. г. Тейлора, замѣщавшаго сэра Р. Харта, запертаго въ Пекинѣ.

---

[1]) Главный директоръ таможенъ, сэръ Робертъ Хартъ.

[2]) Начальники таможенъ въ открытыхъ портахъ называются таможенными комиссарами.

Для лучшаго контроля надъ денежной отчетностью и надъ дѣятельностью таможни, мы предложили назначить русскаго товарища комиссара, возложивъ эти обязанности на служащаго Русско-Китайскаго банка Шмита. Таможенные доходы рѣшено было вносить въ названный банкъ особымъ депозитомъ. При китайской администраціи таможенныя поступленія вносились въ Хайгуанскій, т. е. таможенный, банкъ и расходовались по распоряженію даотая. Такъ какъ Хайгуанскій банкъ закрылся съ уходомъ китайцевъ, мы предложили замѣнить его Русско-Китайскимъ.

Этотъ проектъ вызвалъ новыя возраженія со стороны г. Баура, не соглашавшагося на назначеніе русскаго товарища и предложившаго представлять денежную отчетность непосредственно временной администраціи. Послѣ дальнѣйшихъ препирательствъ, намъ удалось убѣдить г. Баура въ цѣлесообразности предложенной комбинаціи. Такъ какъ мы рѣшили взять въ свое завѣдываніе джоночную таможню— эта таможня, взимавшая пошлину съ телѣгъ и джонокъ на Ляохэ, находилась въ китайскомъ управленіи,—Баура обѣщалъ свое содѣйствіе, вѣрно, въ надеждѣ, что туземная таможня останется, такимъ образомъ, въ рукахъ иностранцевъ. Подробности новой организаціи были закрѣплены обмѣномъ писемъ между нимъ и Алексѣевымъ.

По вопросу о поднятіи на таможнѣ русскаго флага, было написано англійскому консулу, что мы не видимъ въ этомъ фактѣ нарушенія частныхъ британскихъ правъ, ибо таможня является китайскимъ правительственнымъ учрежденіемъ, и бѣгство даотая дало намъ право замѣнить китайскій флагъ русскимъ. Объясненіе это, повидимому, удовлетворило г. Фульфорда.

Одновременно съ этими переговорами составлено было „Положеніе объ управленіи Инкоу“. Согласно Положенію, во главѣ гражданскаго управленія поставленъ градоначальникъ, а военная охрана ввѣрена гарнизону съ комендантомъ во главѣ. При градоначальникѣ учрежденъ совѣтъ съ совѣщательнымъ голосомъ, въ составѣ коменданта и представителей консульскаго корпуса, иностранныхъ торговыхъ фирмъ, китайской торговой палаты, таможеннаго комиссара и завѣдующаго санитарной частью. Кромѣ того, въ составъ совѣта градоначальника входили полицеймейстеръ, казначей и городской судья. Градоначальнику предоставлено было право издавать обязательныя постановленія, облагать налогами туземцевъ и распоряжаться китайскимъ имуществомъ, представляя отчеты по управленію главному начальнику Квантунской области.

Китайская морская таможня, поступивъ въ вѣдѣніе русскихъ, сохранила, какъ сейчасъ сказано, прежнее устройство съ прибавкою

товарища комиссара, какъ представителя русскихъ интересовъ. При таможнѣ, кромѣ того, было учреждено китайское отдѣленіе для завѣдыванія сборами съ джонокъ и телѣгъ, причемъ доходъ этотъ, однако, не подлежалъ вѣдѣнію градоначальника.

Судебная часть была организована слѣдующимъ образомъ. Для разбора дѣлъ между туземцами назначили особаго судью, который долженъ былъ руководствоваться узаконеніями и практикой смѣшанныхъ судовъ въ Китаѣ [1]). Его же вѣдѣнію подлежали дѣла, возникавшія по обвиненію полиціи, а равно дѣла между туземцами и русскими или между иностранцами, лишенными консульской защиты. Дѣла между иностранцами, имѣвшими консуловъ, подлежали разбору послѣднихъ. Дѣла по обвиненію иностранцевъ туземцами разбирались консулами, дѣла же по обвиненію туземцевъ иностранцами — городскимъ судьей. Туземцы, обвиняемые въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, подлежали вѣдѣнію военнаго суда. Русскій поселокъ и желѣзная дорога оставлены были внѣ этой юрисдикціи.

---

[1]) Впослѣдствіи это Положеніе было измѣнено, и въ руководство приняты были нашъ Мировой Уставъ и Уголовное Уложеніе.

ГЛАВА XIII.

Инкоу подъ русской властью. Свѣдѣнія изъ Пекина.

При обсужденіи вопроса объ установленіи русской администраціи, я посѣтилъ консуловъ, чтобы позондировать почву и узнать, какъ они относятся къ новому порядку вещей. Англійскій консулъ не скрылъ своего раздраженія; онъ съ горечью отозвался объ адмиралѣ, не приславшемъ въ свое время англійскаго судна, что, вѣроятно, замѣтилъ онъ, дало бы дѣлу другой оборотъ. Японскій консулъ Танабэ, со свойственной японцамъ ласковостью, задалъ мнѣ нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ, какъ-то: долго ли продлится оккупація, на какихъ основаніяхъ мы будемъ управлять, какія права мы себѣ присвоимъ и т. п. Американскій консулъ Бавдинель принялъ меня очень любезно и даже далъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ относительно управленія таможней. Мнѣнія этихъ лицъ не могли, конечно, имѣть большого значенія, но я увидѣлъ, что они, по крайней мѣрѣ, не собираются открыто намъ противодѣйствовать.

Всѣ эти хлопоты и переписка поглощали много времени, приходилось работать по ночамъ, притомъ въ довольно скверныхъ условіяхъ, вслѣдствіе жары, комаровъ и мухъ, расплодившихся невѣроятно, благодаря грязи и трупамъ. Обѣдалъ я въ консульствѣ, гдѣ, кромѣ меня, пріютилось нѣсколько офицеровъ, привлеченныхъ гостепріимнымъ Островерховымъ. Для охраны консульства были отряжены казаки, расположившіеся во дворѣ.

Алексѣевъ колебался относительно выбора градоначальника, склоняясь, однако, въ пользу нашего консула, столь успѣшно поработавшаго для улаженія ньючжуанскаго кризиса. Единственнымъ возраженіемъ могло быть неудовольствіе иностранныхъ консуловъ, такъ какъ, ставъ градоначальникомъ, нашъ консулъ изъ равнаго дѣлался какъ бы ихъ начальникомъ. Во время этихъ колебаній на „Забіяку“ явилась депутація иностранныхъ купцовъ съ директоромъ Русско-Китайскаго банка. Поблагодаривъ Алексѣева за возстановленіе порядка, депутація просила его назначить градоначальникомъ Александровскаго. Это выступленіе положило конецъ колебаніямъ Алексѣева, и Островерховъ былъ назначенъ градоначальникомъ, а управленіе консульствомъ было поручено секретарю Кристи. Продолженіе дѣятельности русскаго консульства явилось нагляднымъ опроверженіемъ слуховъ, пущенныхъ нашими противниками, что Россія окончательно присоединила Инкоу.

Передъ отъѣздомъ изъ Инкоу я отправился взглянуть, что дѣлается въ китайскомъ городѣ, и какъ наши представители справляются съ своей задачей. Инкоу походитъ на большую деревню. Сходство это еще усугубляется, благодаря отсутствію стѣны, обычно окружающей всѣ китайскіе города. Постройки безпорядочно разбросаны на большомъ пространствѣ, прерываясь пустырями, кладбищами и прудами съ загнившей водой, что придаетъ городу безотрадный видъ. Дома одноэтажные, обычнаго типа, съ глухой стѣной на улицу. На нѣкоторыхъ воротахъ я замѣтилъ русскіе флаги. Туземцы при нашемъ приближеніи не проявляли того подобострастія, которое наблюдалось въ Тянцзинѣ послѣ оккупаціи. Здѣсь также трудно было установить контроль надъ жителями, въ виду невозможности отличить мирныхъ обывателей отъ боксеровъ и хунхузовъ. Китайскіе купцы, которымъ послѣдніе особенно насолили, открыто перешли на нашу сторону. Они даже стали выдавать предводителей шаекъ и, вообще, способствовали ихъ поимкѣ. Однажды, напримѣръ, явилось въ консульство нѣсколько купцовъ въ сопровожденіи десятка связанныхъ хунхузовъ, уличенныхъ въ грабежахъ. Купцы просили консула предать ихъ казни для острастки. Это казалось имъ весьма естественнымъ. Консулъ благоразумно ограничился тѣмъ, что приказалъ хунхузовъ высѣчь, что и было исполнено тутъ же на площади нашими казаками, послѣ чего имъ отрѣзали косы.

Такія экзекуціи, однако, не помогали. Несмотря на установленіе полицейскихъ постовъ и конныхъ объѣздовъ, грабежи и нападенія продолжались, и наши власти рѣшили обезоружить населеніе. Мнѣ пришлось присутствовать вмѣстѣ съ градоначальникомъ при конфискаціи оружія, и я убѣдился въ безполезности этой мѣры. Подъ предлогомъ розыска оружія, солдаты наши стали производить поборы и насилія не хуже хунхузовъ. Что касается оружія, то въ осмотрѣнныхъ нами домахъ добыли лишь нѣсколько заржавленныхъ кремневыхъ ружей. Современное же оружіе было припрятано. При всемъ томъ, китайское купечество осталось довольно принятыми мѣрами, и старшины явились на крейсеръ благодарить за установленіе русской власти.

Наканунѣ отъѣзда Алексѣевъ сдѣлалъ обѣдъ на „Забіякѣ", пригласивъ консуловъ, служащихъ въ таможнѣ и командировъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ командира американскаго крейсера „Ниваркъ", вошедшаго въ Ляохэ уже послѣ оккупаціи Инкоу. Обѣдъ прошелъ оживленно, несмотря на оффиціальный характеръ. Иностранцы, кажется, еще не опомнившіеся отъ совершившихся перемѣнъ, держали себя съ большимъ тактомъ, не показывая вида, что недовольны нашимъ появленіемъ въ Инкоу. Алексѣевъ, съ своей стороны, старательно избѣгалъ

разговоровъ на политическія темы, удовольствовавшись тостомъ за процвѣтаніе Инкоу и за благоденствіе иностранной колоніи.

Такъ совершилось это памятное событіе, успѣхомъ коего мы обязаны не столько дипломатическому искусству Алексѣева, сколько благопріятно сложившимся обстоятельствамъ. На другой день мы ушли въ Портъ-Артуръ. Хотя шанхайскія газеты критически отнеслись къ дѣйствіямъ нашимъ въ Инкоу, говоря, что мы одурачили китайцевъ, заставивъ ихъ покинуть городъ, но все же признали цѣлесообразность принятыхъ русскими мѣръ.

Вопросъ о соглашеніи нашемъ съ китайской таможней былъ вновь возбужденъ уже въ августѣ помощникомъ главнаго инспектора г. Робертомъ Бридономъ. Послѣдній одобрилъ наше соглашеніе, и оно было подтверждено формальнымъ актомъ. Вообще, изъ разговора съ Бридономъ я вынесъ впечатлѣніе, что центральное таможенное управленіе въ Пекинѣ ожидало съ нашей стороны болѣе рѣшительнаго вмѣшательства въ дѣла Инкоуской таможни, а можетъ быть, предвидѣло полный переходъ ея въ русскія руки. Хотя наша умѣренность произвела успокоительное впечатлѣніе на иностранцевъ, это не помѣшало имъ начать агитацію, чтобы совсѣмъ отстранить насъ отъ таможни. Съ этой цѣлью были сдѣланы дипломатическія попытки въ Лондонѣ и Петербургѣ, но, повидимому, безуспѣшно.

Въ Портъ-Артурѣ, куда мы вернулись въ концѣ іюля, уже имѣлись извѣстія о быстромъ движеніи союзниковъ, въ томъ числѣ и русскихъ, подъ командой Линевича, къ Пекину. Это обстоятельство ускорило нашъ отъѣздъ. Мы отплыли на „Петропавловскѣ“ и, прибывъ въ Таку, узнали, что атака Пекина ожидается съ минуты на минуту. Алексѣевъ, конечно, зналъ о движеніи союзныхъ отрядовъ къ столицѣ, но почему-то медлилъ. Когда я какъ-то замѣтилъ, что мы можемъ опоздать къ занятію Пекина, Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ и не собирается принимать въ этомъ участія, и что это—дѣло генераловъ. Онъ, кажется, не ожидалъ столь быстрыхъ дѣйствій союзниковъ, а можетъ быть, какъ главнокомандующій, не хотѣлъ играть второстепенной роли рядомъ съ Линевичемъ.

Во время трехдневнаго пребыванія въ Портъ-Артурѣ, получены были довольно интересныя извѣстія. Одно сообщеніе было изъ Токіо отъ нашего посланника Извольскаго и касалось намѣренія японскаго императора поставить свой контингентъ въ Китаѣ подъ начальство вновь назначеннаго германскаго главнокомандующаго графа Вальдерзэ. Другое сообщеніе, полученное отъ нашего консула въ Чифу г. Грос-

се, было не что иное, какъ подлинникъ телеграммы русскаго посланника въ Пекинѣ нашему министру иностранныхъ дѣлъ [1]). Телеграмма эта была послана изъ Пекина въ городъ Цзинаньфу въ Шандунѣ и передана въ наше консульство тамошнимъ губернаторомъ Юаньшикаемъ, въ доказательство того, что посланникъ живъ и здоровъ. Подобныя же телеграммы, какъ мы потомъ узнали, были отправлены и товарищами г. Гирса.

Вотъ этотъ любопытный документъ: „Осадное положеніе продолжается. Провизіи очень мало. Правительство предложило намъ сегодня передать телеграммы. Оно настаиваетъ на нашемъ выѣздѣ изъ Пекина. Въ виду невозможности и отсутствія гарантій, отвѣтили, что на выѣздъ должны получить разрѣшеніе нашихъ правительствъ.“

Это было не первое извѣстіе о посланникахъ, полученное при посредствѣ Гроссе. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ губернаторомъ Шандуна Юаньшикаемъ, освѣдомлявшимъ его о пекинскихъ событіяхъ. Юаньшикай проявилъ въ настоящемъ случаѣ обычную дальновидность и осторожность, искусно лавируя между китайскимъ Дворомъ и иностранцами. Обѣ стороны старались привлечь его къ себѣ, ибо онъ располагалъ хорошо обученной регулярной арміей. Говорили, что правительство уже приказывало ему привести войска въ Пекинъ, но онъ отъ этого уклонился, вѣроятно, выжидая развязки событій.

---

[1]) Г. Гроссе состоитъ нынѣ комиссаромъ по русскимъ дѣламъ въ Шанхаѣ.

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе наше въ Тянцзинъ. Мы застаемъ новое положеніе вещей.

По возвращеніи въ Тянцзинъ, я опять помѣстился въ домѣ Старцева, рѣшивъ занять его подъ консульство. Старое консульство сгорѣло, и мнѣ поручено было пріискать новое и вступить въ управленіе, вмѣсто уѣхавшаго въ Россію Шуйскаго. Какъ разъ въ это время пришло извѣстіе о смерти владѣльца дома. Приходилось охранять оставшееся имущество, что было легче исполнить подъ охраной консульскаго флага. Къ тому же, послѣ Старцева осталась богатая коллекція китайскихъ рѣдкостей, и охраненіе ея было хлопотливо, особенно въ виду появленія множества мародеровъ всѣхъ національностей. Недавно передъ тѣмъ были ограблены подвалы Русско-Китайскаго банка, и я опасался той же участи для консульства.

Хотя я оффиціально считался управляющимъ консульствомъ, мнѣ приходилось исполнять прежнія обязанности при Алексѣевѣ, у котораго всегда имѣлась какая-нибудь работа. Немало оказалось также консульскихъ дѣлъ, главную часть коихъ, впрочемъ, взялъ на себя секретарь Поппе, энергичный и способный молодой человѣкъ. Особенно много хлопотъ причиняли намъ военныя власти со своими, часто неисполнимыми приказами и требованіями. Не могу не вспомнить при этомъ курьезнаго разговора съ интендантскимъ полковникомъ К. Отрекомендовавшись и узнавъ, что я управляю консульствомъ, полковникъ потребовалъ, чтобы я выстиралъ его бѣлье, такъ какъ солдаты плохо стираютъ, а китайцы разбѣжались. Я объяснилъ милому полковнику, что судьба его лучше моей, ибо у него есть хоть вѣстовые я же самъ стираю свои кителя, что имѣетъ мало общаго съ дипломатіей. Я прибавилъ, что я и секретарь очень заняты, и что ему придется обратиться къ комунибудь другому. „Въ такомъ случаѣ", продолжалъ полковникъ, „найдите мнѣ рикшу" (китайскій извозчикъ). Послѣдніе разбѣжались во время осады и теперь приходилось вербовать охотниковъ. Когда я и тутъ отказалъ, полковникъ пожалъ плечами, пробурчавъ, что русскіе никогда не получаютъ помощи со стороны своихъ консуловъ.

Осматривая окрестности, я какъ-то забрелъ въ Восточный арсеналъ. Тамъ стояли наши войска, и былъ устроенъ госпиталь. На валу развѣвались русскіе флаги и одинъ англійскій. Кромѣ мастерскихъ, имѣлись склады всевозможныхъ металловъ, много

орудій, снарядовъ и патроновъ. Все это было свалено въ большомъ безпорядкѣ. Арсеналъ якобы находился подъ русской охраной, но мнѣ сообщили, что имущество расхищается и продается за безцѣнокъ. При насъ производились раскопки на мѣстѣ, гдѣ находился монетный дворъ, и хранилась мѣдная монета. Постройки сгорѣли, и теперь оттуда выбирали уцѣлѣвшую монету, предназначенную для продажи. Часть монетъ расплавилась, образовавъ причудливые слитки. Въ арсеналѣ имѣлось также и серебро, но китайцы его такъ запрятали, что поиски нашихъ золотоискателей ни къ чему не привели.

Пока мы медлили въ Тяньцзинѣ, обсуждая положеніе и готовясь къ походу, пришло извѣстіе о паденіи китайской столицы. Союзники вступили въ Пекинъ 1/13 августа. Далѣе мы узнали, что бывшіе въ Пекинѣ европейцы остались въ живыхъ. Алексѣевъ удивлялся быстрому успѣху союзниковъ, но продолжалъ твердить, что русскимъ не слѣдовало принимать участія въ экспедиціи, которая могла лишь помѣшать ихъ политическимъ задачамъ въ Маньчжуріи.

Какъ бы то ни было, эти событія заставили насъ измѣнить наши планы и остаться пока въ Тяньцзинѣ. Послѣ взятія Пекина всѣ поняли, что военныя дѣйствія, въ сущности, закончены. Правительство и Дворъ бѣжали изъ столицы. Китайцы были деморализованы, ихъ войска разсѣяны, а боксеры утратили прежній фанатизмъ и вѣру въ возможность изгнанія „заморскихъ чертей". Между тѣмъ обширныя военныя приготовленія, начатыя въ Европѣ, особенно въ Германіи, при первыхъ извѣстіяхъ о мятежѣ, продолжались, выражаясь въ прибытіи новыхъ отрядовъ. Въ началѣ августа высадился крупный германскій контингентъ подъ начальствомъ генерала Гепфнера. Ожидались также отряды французовъ и англичанъ.

Алексѣевъ чествовалъ вновь прибывшихъ нѣмецкихъ офицеровъ обѣдомъ. Хотя наши гости выпили изрядное количество шампанскаго, но держались непроницаемо, несмотря на всѣ дипломатическіе подходы Алексѣева, старавшагося вывѣдать намѣренія графа Вальдерзэ. Вѣроятно, чтобы поблагодарить за хлѣбъ-соль, Гепфнеръ устроилъ для насъ смотръ своему отряду. Мы любовались маршировкой и выправкой нѣмцевъ съ крыльца гостиницы Асторъ Хоузъ. Впереди солдатъ, одѣтыхъ въ сѣро-желтые мундиры и соломенныя шляпы, шагалъ статный тамбуръ-мажоръ, потрясая блестящей булавой.

Нѣмцы, кажется, собрались воевать не на шутку и не давать пощады Китаю. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, вынесенное мною изъ бесѣды съ Гепфнеромъ, который заявилъ, что германцы должны отомстить за смерть барона Кеттлера и дать урокъ желтымъ. Настроеніе остальныхъ союзниковъ, особенно русскихъ, гораздо менѣе

Семья М. Н. Гирса, В. Н. Крупенскій и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса.

воинственное, и, если бы не взаимное соперничество и не призывы къ оружію изъ Берлина, мы, конечно, удовольствовались бы добытыми лаврами и такъ называемой военной добычей.

Между тѣмъ стратегическіе планы союзниковъ, а главное, необходимость участія въ нихъ Россіи (наши войска въ оперативномъ отношеніи должны были находиться подъ командой графа Вальдерзэ), смущали Алексѣева. Онъ по-прежнему отстаивалъ идею самостоятельныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи, находя, что Россіи надлежитъ быть первой въ начатіи мирныхъ переговоровъ и въ облегченіи Китаю его задачи. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ сочувствовало этимъ соображеніямъ, причемъ остановилось на Лихунчжанѣ, какъ на единственномъ лицѣ, съ коимъ при теперешнихъ обстоятельствахъ возможно вести переговоры.[1]) Въ данномъ случаѣ мнѣніе наше совпадало съ намѣреніями китайцевъ, ибо вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ Императорскій декретъ о назначеніи Лихунчжана уполномоченнымъ для веденія переговоровъ о мирѣ, а нѣсколько времени спустя, пришло извѣстіе о пріѣздѣ названнаго сановника въ Шанхай.

Назначеніе Лихунчжана встрѣчено было съ явнымъ недоброжелательствомъ всѣми союзниками. Послѣдніе не довѣряли китайскому правительству, полагая, что это новая уловка, чтобы выиграть время и усыпить ихъ бдительность. Они, во всякомъ случаѣ, хотѣли имѣть болѣе солидныя гарантіи миролюбивыхъ завѣреній китайскаго правительства, особенно въ виду сдѣланныхъ въ Европѣ военныхъ приготовленій. Настроеніе европейскихъ кабинетовъ отразилось, конечно, на пріемѣ, оказанномъ Лихунчжану въ Шанхаѣ. Высокомѣрному мандарину, избалованному лестью иностранцевъ, пришлось на этотъ разъ испытать горечь

---

[1]) Секретная телеграмма графа Ламздорфа адмиралу Алексѣеву. Петербургъ, 16-го іюля 1900 года.

„О желательности вступленія въ переговоры съ Ли, въ случаѣ прибытія его въ Тянцзинъ, уже сообщено было вамъ телеграммой 12 іюля. Ли—безспорно выдающійся государственный дѣятель и пользуется большимъ авторитетомъ и вліяніемъ въ Китаѣ. Питая лично дружественныя чувства къ Россіи, доброжелательность коей является его прямымъ интересомъ, Ли можетъ дѣйствительно оказаться полезнымъ для нея посредникомъ при настоящихъ затрудненіяхъ. А посему было бы желательно, чтобы, помимо офиціальныхъ съ нимъ переговоровъ при участіи другихъ адмираловъ, вы попытались войти съ нимъ въ совершенно довѣрительныя объясненія, поставивъ ему на видъ, насколько было бы въ интересахъ Китая возстановить возможно скорѣе исключительныя добрососѣдскія отношенія съ Россіей, устранивъ нынѣ же всякіе поводы къ неудовольствію Императорскаго Правительства. Однако, не теряйте изъ виду, что Ли—въ высшей степени лукавый человѣкъ, и что съ нимъ надлежитъ соблюдать всяческую осторожность, не довольствоваться его многорѣчивыми обѣщаніями, а побудить его представить положительное доказательство готовности его удовлетворить всѣмъ требованіямъ настоящаго исключительнаго положенія“.

непопулярности [1]). Союзные адмиралы въ Таку, считая Лихунчжана оффиціально причастнымъ къ мятежу, какъ вице-короля Чжили и командующаго войсками, постановили не допускать его высадки. [2])

Бесѣдуя со мной, Алексѣевъ неоднократно выражалъ мнѣніе, что бѣгство китайскаго Двора и несостоятельность, обнаруженная Пекинскимъ правительствомъ, должны были усилить положеніе и вліяніе южныхъ вице-королей. Онъ считалъ желательнымъ при предстоящихъ переговорахъ имѣть ихъ на нашей сторонѣ, чтобы воздѣйствовать через нихъ на центральное правительство. Положеніе Лихунчжана могло лишь выиграть, если бы къ нему присоединились такіе крупные сановники, какъ Хугуанскій и Нанкинскій вице-короли Чжанчжидунъ и Льюгуньи. Мы также думали, что весьма полезнымъ посредникомъ при переговорахъ окажется Юаньшикій, извѣстный своимъ вліяніемъ на вдовствующую Императрицу. Это мнѣніе раздѣлялось, какъ я могъ заключить изъ бесѣдъ съ японцами, также правительствомъ Микадо.

---

[1]) Лихунчжану, вѣрно, вспомнилось его тріумфальное путешествіе по Европѣ въ 1896 году и оказанный ему повсюду почетный пріемъ, особенно въ Германіи. Тамошніе заводчики, агенты Круппа и штетинскихъ верфей, заискивали въ китайскомъ послѣ, надѣясь на заказы.

[1]) Секретная телеграмма адмирала Алексѣева министру иностранныхъ дѣлъ. Портъ-Артуръ, 20-го іюля 1900 г.

„По донесенію нашего начальника эскадры, при занятіи портовъ Таку найденъ японцами Императорскій указъ о назначеніи Лихунчжана вице-королемъ Чжили, что доказываетъ, что назначеніе его состоялось до этого событія и не соотвѣтствуетъ времени объявленія того же указа въ газетахъ. Въ виду сего, адмиралы постановили, въ случаѣ прибытія Ли въ Таку, не допускать его сношенія съ берегомъ и просить у правительства инструкцій. Къ сожалѣнію, рекомендуемая вами необходимость сохранить въ тайнѣ предполагаемые переговоры съ Ли не можетъ быть соблюдена, тѣмъ болѣе, что, находясь въ Шанхаѣ, онъ открыто принимаетъ всѣхъ для сообщенія взглядовъ на положеніе и сносится съ Пекиномъ. Въ случаѣ начатія переговоровъ съ Лихунчжаномъ, полагалъ бы предварительными условіями поставить: прекращеніе всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, полное обезпеченіе жизни посланниковъ и всѣхъ европейцевъ въ Пекинѣ, изданіе указа законнымъ правительствомъ о назначеніи уполномоченныхъ для переговоровъ съ европейскими державами“.

ГЛАВА XV.

Поѣздка Алексѣева въ Пекинъ. Впечатлѣнія пути. Свиданіе съ осажденными. Видъ столицы.

Тотчасъ послѣ взятія Пекина мы вступили въ оживленную переписку съ нашей дипломатической миссіей, пользуясь для этого американскимъ и японскимъ полевымъ телеграфомъ. Алексѣевъ представилъ посланнику отчетъ о событіяхъ, бывшихъ во время осады, и о принятыхъ имъ политическихъ и военныхъ мѣрахъ. Г. Гирсъ отвѣтилъ любезнымъ, хотя нѣсколько ироническимъ письмомъ, благодаря за освобожденіе; въ Пекинѣ уже знали, что Алексѣевъ относился отрицательно къ освободительной экспедиціи.

Вскорѣ затѣмъ мы узнали о предстоящемъ пріѣздѣ нѣсколькихъ членовъ миссіи и семьи посланника. Для встрѣчи Маріи Николаевны Гирсъ я отправился на станцію Янцунъ, конечный пунктъ возстановленной нами желѣзной дороги. Янцунъ, гдѣ происходилъ бой, былъ въ развалинахъ. Около станціи расположился бивакъ союзниковъ. Оказалось, что лодки съ русскими бѣженцами еще не пришли. Между тѣмъ офицеры нашего отряда пригласили меня раздѣлить ихъ трапезу въ столовой, устроенной на вагонной платформѣ. За обѣдомъ говорили о взятіи Пекина и о послѣднихъ событіяхъ. Офицеровъ больше всего интересовалъ вопросъ о томъ, будемъ ли мы достраивать дорогу до Пекина, т.-е. долго ли имъ придется стоять въ ужасномъ Янцунѣ. Слухи ходили самые разнорѣчивые, но преобладала увѣренность, что дорога останется за нами до заключенія мира. Офицеры, вернувшіеся изъ Пекина, критиковали посланника и секретарей, обвиняя ихъ въ неблагодарности. Обвиненія эти вызваны были тѣмъ, что посланникъ не предложилъ нашимъ раненымъ помѣщенія въ миссіи и не далъ обѣда въ честь своихъ избавителей. Я замѣтилъ, что Гирсу, выдержавшему осаду, вѣроятно, было не до обѣдовъ. Вообще, о пекинскихъ дипломатахъ судили и вкривь и вкось, высмѣивая серьезность вынесенныхъ ими невзгодъ и опасностей.

Марія Николаевна Гирсъ съ дочерью и сыномъ пріѣхала въ Тянцзинъ на другой день. Во время краткой остановки поѣзда, Алексѣевъ вошелъ со мной въ вагонъ, чтобы привѣтствовать путешественниковъ. Свиданіе вышло пикантнымъ. Марія Николаевна напустилась на Алексѣева за то, что онъ будто бы не

хотѣлъ идти на освобожденіе посланниковъ и готовъ былъ отдать русскихъ въ жертву китайцамъ. „Мы—дѣти одного царя!“ патетически воскликнула посланница: „а вы, адмиралъ, отнеслись къ намъ, какъ къ чужимъ“. Алексѣевъ, смущенный этимъ лиризмомъ, ретировался на платформу. Здѣсь выстроился прибывшій изъ Пекина конвой, къ которому онъ обратился съ благодарностію за славную оборону миссій. Паровозъ свистнулъ, и пекинскіе осажденные отправились дальше въ Таку, а затѣмъ въ Японію.

Хотя Алексѣевъ хотѣлъ повидаться съ посланникомъ, но не рѣшался ѣхать въ Пекинъ, считая—по крайней мѣрѣ, онъ такъ говорилъ,—что его дипломатическая задача окончена, и что дальнѣйшее вмѣшательство въ чужую сферу неумѣстно. Между тѣмъ посланникъ продолжалъ настаивать на его пріѣздѣ, который якобы необходимъ для пользы дѣла. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ въ это время г. Гирсомъ получено было Высочайшее повелѣніе выѣхать изъ Пекина, вызванное его собственной просьбой. Такъ какъ онъ отложилъ отъѣздъ, то отправиться пришлось Алексѣеву, что онъ исполнилъ довольно охотно, ибо хотѣлъ повидать китайскую столицу, особенно въ такой интересный моментъ.

Незадолго до нашей поѣздки въ Пекинъ, Алексѣевъ, узнавъ, что во дворцѣ Лихунчжана [1]) имѣются художественные предметы, поручилъ мнѣ ихъ осмотрѣть. Онъ хотѣлъ отправить предметы, имѣющіе историческую цѣнность, въ Петербургъ, для помѣщенія въ музей императора Александра III или Эрмитажъ. Когда я явился во дворецъ, квартировавшій тамъ генералъ Церпицкій принялъ меня весьма любезно и самъ повелъ осматривать вещи. Послѣднія сложены были въ особомъ опечатанномъ помѣщеніи и охранялись бравымъ часовымъ, но, кажется, больше для декорума, ибо дверь открылась безъ нарушенія цѣлости печати. Коллекція состояла изъ фарфоровыхъ и бронзовыхъ вазъ, курильницъ, инкрустированныхъ цѣнными камнями картинъ и т. п. Вещи были новыя и не представляли историческаго интереса. Выбравъ десять лучшихъ предметовъ, я указалъ на нихъ генералу, который обѣщалъ отложить ихъ для Алексѣева. Не знаю, какая судьба постигла выбранныя вещи, но думаю, что онѣ въ музей все же не попали.

Алексѣевъ, казачій конвой и небольшая свита, въ составъ которой входилъ и я, выѣхали въ Пекинъ 22 августа. До Янцуна ѣхали по желѣзной дорогѣ. Отсюда Алексѣевъ съ полковникомъ Флугомъ и нѣкоторыми офицерами продолжали путь въ колясках, запряженныхъ тройками. Я присоединился къ казакамъ, которые шли подъ командой сотника Круцкаго. Со мной поѣхалъ полковникъ

[1]) Дворецъ Хайфангуисо, построенный Лихунчжаномъ для вдовствующей Императрицы.

генеральнаго штаба Агапѣевъ—онъ недавно передъ тѣмъ прибылъ въ Китай вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, въ числѣ коихъ были полковникъ Кондратовичъ и князь Волконскій.

Несмотря на ужасное состояніе дорогъ, мы ѣхали быстро, останавливаясь всего на нѣсколько минутъ, чтобы дать передохнуть лошадямъ. Первый большой привалъ для обѣда былъ сдѣланъ въ Хосиву, гдѣ стоялъ нашъ эшелонъ. Перепрягши лошадей, мы продолжали путь и къ ночи прибыли въ Матоу, гдѣ находились отряды союзниковъ. Весь день погода простояла прекрасная, и ѣзда среди полей гаоляна и кукурузы доставила намъ много удовольствія. Ночью начался дождь, вскорѣ превратившійся въ тропическій ливень. Палатка изъ циновокъ, въ которой мы помѣщались съ полковникомъ Агапѣевымъ, промокла черезъ нѣсколько минутъ, и на насъ полились холодные ручьи. Мы, конечно, промокли насквозь. Наконецъ, насталъ разсвѣтъ, и мы поспѣшили выбраться изъ палатки, чтобы размять онѣмѣвшіе члены. Выйдя на лагерную площадку, я увидѣлъ Алексѣева, завтракавшаго подъ навѣсомъ; онъ былъ мраченъ, ибо провелъ ночь на стулѣ—кровать его пропала. Освѣдомившись, какъ я себя чувствую, онъ предложилъ мнѣ стаканъ кофе—сердобольный жестъ, который я тогда очень оцѣнилъ.

Мы вскорѣ сѣли на коней и двинулись дальше. Дороги расползлись и превратились въ потоки и болота. Тройки поминутно увязали и останавливались, и нашимъ путникамъ приходилось идти пѣшкомъ. Такъ какъ мы съ Агапѣевымъ не могли оказать помощи, то опередили экипажи и пустились рысью. Кругомъ—погорѣлыя деревни, вытоптанныя нивы, разоренные сады. Дорогу указывали трупы людей и животныхъ, преимущественно лошадей японскаго обоза. Жители исчезли; иногда мелькала синяя фигура китайца, скрываясь при нашемъ приближеніи въ гаолянъ.

Городъ Тунчжоу, въ 30 верстахъ отъ столицы, куда мы пріѣхали около полудня, поразилъ насъ своимъ разгромленнымъ видомъ и почти полнымъ отсутствіемъ туземцевъ. Уцѣлѣвшіе дома были заняты союзниками. На улицахъ царилъ безпорядокъ, и валялись товары и вещи, брошенныя при грабежѣ или поспѣшномъ бѣгствѣ. Штабъ нашего отряда занималъ буддійскую кумирню, среди коей возвышается древняя пагода, главная достопримѣчательность города. Сдѣлавъ привалъ для обѣда, мы покинули Императорскую дорогу и продолжали путь проселками, по которымъ прошли наши войска. Наши изнуренные кони съ трудомъ пробирались по размытой дорогѣ. Заросли гаоляна закрывали горизонтъ и мѣшали оріентироваться. Вдобавокъ, лошадь моя захромала. Наконецъ, проплутавъ нѣсколько часовъ, мы увидѣли передъ собой

высокую зубчатую стѣну, а черезъ четверть часа въѣхали въ городъ черезъ юго-восточныя ворота, Дунбянмынь, гдѣ за три недѣли передъ этимъ сражались русскія войска. Ворота были разбиты, но стѣны не носили слѣдовъ бомбардировки. Обогнувъ маньчжурскій городъ, мы въѣхали въ ворота Хатамынь и попали въ дипломатическій кварталъ, въ самый центръ развалинъ, баррикадъ, обломковъ и грудъ всякаго мусора. Здѣсь мы узнали, что Алексѣевъ насъ опередилъ, и уже находится въ миссіи. Его ожидали лишь на другой день, и внезапное появленіе русской тройки удивило нашихъ дипломатовъ. Весь пробѣгъ въ 120 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ въ 36 часовъ—необычная скорость для экипажа, притомъ въ дождливое время года. М. Н. Гирсъ встрѣтилъ насъ съ обычнымъ радушіемъ и предложилъ помѣститься у него въ домѣ.

Я съ особеннымъ интересомъ осматривалъ нашу миссію, въ которой былъ такъ недавно. Домъ посланника уцѣлѣлъ. Нѣсколько снарядовъ попало въ крышу, причемъ одинъ разорвался въ кабинетѣ. Обстрѣломъ были повреждены церковь и древняя колокольня. Дома секретарей и другихъ служащихъ не пострадали, зато наружныя стѣны были полуразрушены и пробиты бойницами, такъ же, какъ прилегавшія къ миссіи китайскія фанзы. Отъ Русско-Китайскаго банка осталось нѣсколько маленькихъ фанзъ, въ которыхъ жили директоръ Покотиловъ, Робертъ Ивановичъ Барбье и Брахманъ, принявшіе дѣятельное участіе въ оборонѣ квартала и теперь отдыхавшіе на лаврахъ.

За доброй бутылкой шампанскаго, предложенной хлѣбосольнымъ хозяиномъ, мы обмѣнялись впечатлѣніями по поводу осады. Покотиловъ сознался, что событія застали его врасплохъ, и теперь онъ мечталъ о томъ, чтобы выбраться изъ постылаго Пекина и пожить человѣческою жизнью. Настроенъ онъ былъ, впрочемъ, оптимистично, считая, что разгромъ окажетъ благотворное вліяніе на китайцевъ, что теперь настанетъ періодъ преобразованій и усиленія европейскаго и американскаго вліянія. Россія, замѣтилъ онъ, едва ли отъ этого выиграетъ; ей, при ея некультурности, невыгодно имѣть черезчуръ прогрессивнаго сосѣда, притомъ руководимаго нашими соперниками. Въ общемъ, его оцѣнка положенія сводилась къ тому, что Китай пережилъ серьезный кризисъ, который отразится на его будущемъ политическомъ и соціальномъ строѣ.

Алексѣевъ, адъютанты и я обѣдали у посланника вмѣстѣ съ генераломъ Линевичемъ. Жившій въ миссіи генералъ Василевскій къ обѣду не вышелъ, еще не оправившись отъ тяжелой раны, полученной имъ при взятіи восточныхъ воротъ. Линевичъ, какъ я замѣтилъ, очень популяренъ въ войскахъ, особенно среди солдатъ, прозвавшихъ

его папашей за простоту и вниманіе къ ихъ нуждамъ. Подъ внѣшней простотой и угловатостью скрывался проницательный умъ и несомнѣнное военное дарованіе. Во время обѣда Линевичъ остроумно подтрунивалъ надъ недостатками союзныхъ войскъ и описывалъ, какъ онъ и японскій генералъ старались перехитрить другъ друга, чтобы первыми подойти къ Пекину. По словамъ Линевича, отрядъ нашъ двигался быстрѣе японскаго, благодаря удачному выбору пути, а также совѣтамъ и указаніямъ капитана Мунтэ, знакомаго съ языкомъ и мѣстными условіями[1]).

---

[1]) Генералъ Мунтэ состоялъ впослѣдствіи совѣтникомъ по политическимъ и военнымъ дѣламъ при президентѣ Юаньшикаѣ. Послѣдній пользовался имъ при переговорахъ съ иностранными правительствами по дѣламъ довѣрительнаго характера.

ГЛАВА XVI.

Описаніе осады со словъ осажденныхъ.

Теперь вернемся немного назадъ и посмотримъ, какъ развивались событія послѣ начала мятежа, и что дѣлалось въ Пекинѣ. Обращенія посланниковъ къ китайскому правительству, съ требованіемъ положить конецъ насиліямъ надъ миссіонерами и христіанами, оказались съ самаго начала безплодными. Въ началѣ мая французскій и англійскій посланники г. Пишовъ и сэръ Клодъ Макдональдъ узнали, главнымъ образомъ, черезъ миссіонеровъ, что боксеры, уже проникшіе въ столицу, намѣрены напасть на дипломатическій кварталъ и перебить иностранцевъ. Несмотря на столь угрожающія свѣдѣнія, посланники не могли прійти къ единогласному рѣшенію и ограничивались предостереженіями по адресу цзунлиямыня и маньчжурскихъ сановниковъ. Въ результатѣ такой нерѣшительности, боксеры сожгли станцію Фынтай, узловой пунктъ Тянцзинской и Луханской линій, и разрушили желѣзную дорогу въ Тянцзинъ. Одновременно было произведено нападеніе на бельгійскихъ инженеровъ, служившихъ на дорогѣ, которые едва спаслись бѣгствомъ.

Видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, посланники обратились за помощью къ адмираламъ въ Таку. Послѣдніе проявили похвальную поспѣшность, и вскорѣ за симъ международный отрядъ, состоявшій изъ русскихъ, американскихъ, французскихъ, англійскихъ, японскихъ и итальянскихъ матросовъ, силою въ 400 человѣкъ, двинулся къ Пекину. Нѣсколько позднѣе къ нимъ присоединилось нѣсколько десятковъ нѣмцевъ и австрійцевъ.

Въ концѣ мая началось повсемѣстное возстаніе противъ христіанъ, и въ Пекинъ стали стекаться миссіонеры и путешественники, находившіеся внутри страны, ища убѣжища отъ боксеровъ. Въ виду новыхъ протестовъ англійскаго посланника по поводу убійства двухъ миссіонеровъ вблизи Пекина, князь Цинъ завѣрилъ дипломатическій корпусъ, что само китайское правительство озабочено оборотомъ, который приняли событія, и приказало отряду генерала Ніэ охранять желѣзную дорогу; кстати, послѣдняя была уже разрушена. Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, что войска этого генерала побратались съ боксерскими шайками и затѣмъ отошли къ Лутаю. Попытка посланниковъ воздѣйствовать непосредственно на вдовствующую Императрицу также не удалась, и имъ было отказано въ аудіенціи. Въ то же время они узнали, что войскамъ

Вдовствующая Китайская Императрица
Цы-си.

генерала Дунфусяна, извѣстнаго своей ненавистью къ европейцамъ, поручено изгнать ихъ изъ столицы. Эти факты побудили посланниковъ проявить больше энергіи, и они вновь обратились къ адмираламъ соединенной эскадры. Крикъ отчаянія пекинскихъ дипломатовъ былъ услышанъ, и вскорѣ затѣмъ экспедиція, силою въ 2000 человѣкъ разныхъ національностей, подъ командою англійскаго адмирала Сеймура и американскаго капитана Макъ Калла, выступила изъ Тянцзина. Мы уже знаемъ печальную судьбу этой экспедиціи; неуспѣхъ ея лишь ободрилъ мятежниковъ.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ столицѣ настолько ухудшилось, что иностранцы начали покидать свои дома и съѣзжаться въ дипломатическій кварталъ, гдѣ рѣшено было сосредоточить оборону. Впрочемъ, несмотря на раскаты надвигавшейся грозы, многіе продолжали думать, что это обычное антимиссіонерское движеніе, которое можетъ быть уничтожено дипломатическими протестами. Убійство китайскими солдатами секретаря японской миссіи Сугіяма, происшедшее на глазахъ у всѣхъ, разсѣяло этотъ оптимизмъ. Иностранцы поняли, что имъ всѣмъ грозитъ такая же участь, и что дальнѣйшія насилія неизбѣжны. Убійство японца сопровождалось нападеніями на духовныя миссіи, причемъ погибли протестантскія церкви и католическіе соборы, сооруженные при прежнихъ Богдыханахъ. Миссіонеры, монахини и китайскіе христіане спѣшно покинули свои дома и также скрылись въ дипломатическомъ кварталѣ. Часть ихъ, впрочемъ, бѣжала въ кварталъ Бейтана (Сѣверный католическій соборъ), куда былъ отряженъ небольшой отрядъ изъ состава прибывшихъ въ Пекинъ дессантовъ.

Въ то же время китайское правительство продолжало давать успокоительныя завѣренія, говоря, что все происходитъ помимо него, и что оно само ведетъ борьбу съ боксерами. Въ подтвержденіе своихъ завѣреній, цзунліямынь предложилъ дипломатическому корпусу покинуть Пекинъ подъ охраной китайскихъ войскъ, коими командовалъ Жун-лу. Послѣдній извѣстенъ былъ, какъ врагъ иностранцевъ, и предложеніе это было, конечно, отвергнуто. Впрочемъ, въ средѣ самого китайскаго правительства существовали разногласія относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, что, между прочимъ, подтверждается происходившими тогда совѣщаніями верховнаго совѣта. Китайскіе члены совѣта были противъ агрессивной политики, указывая на опасность возбужденія противъ Китая всѣхъ державъ. Такъ, рѣшительными противниками разрыва съ иностранцами выступилъ бывшій посланникъ въ Петербургѣ Сюй-цзин-чэнъ [1]). Но большинство маньчжуровъ съ вдовствующей Императрицей Цы-си высказались

[1]) Состоя посланникомъ въ Россіи, Сюй-цзин-чэнъ подписалъ въ сентябрѣ 1896 года контрактъ съ Русско-Китайскимъ банкомъ (князь Ухтомскій и Ротштейнъ) о сооруженіи Китайской Восточной желѣзной дороги. Контрактъ былъ подписанъ въ Берлинѣ, ибо Сюй-цзин-чэнъ былъ аккредитованъ и въ Германіи. Въ 1898 году онъ

за изгнаніе европейцевъ, дабы создать громоотводъ противъ возникшаго антидинастическаго движенія. Особенно непримиримо держали себя принцъ Дуанъ и генералъ Дунфусянъ, обвинявшіе болѣе умѣренныхъ китайцевъ въ измѣнѣ отечеству. Хотя Богдыханъ въ засѣданіяхъ не участвовалъ, но, узнавъ, что рѣшено вести войну съ державами, преодолѣлъ свою робость и умолялъ Императрицу измѣнить рѣшеніе, грозящее гибелью родинѣ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, одной изъ главныхъ причинъ столь безумнаго шага было поразительное невѣжество китайцевъ, даже высшаго класса. Такъ, князь Дуанъ убѣжденъ былъ, что, уничтоживъ дипломатическій кварталъ и находившуюся въ Пекинѣ горсть чужеземцевъ, онъ нанесетъ смертельный ударъ европейскимъ державамъ и заставитъ ихъ подчиниться требованіямъ Китая. Повидимому, и сама грозная Цы-си имѣла довольно смутное представленіе о силахъ и средствахъ другихъ государствъ.

Результатомъ дворцовыхъ совѣщаній явилась нота, адресованная посланникамъ, въ которой правительство, ссылаясь на рѣшеніе союзниковъ занять форты Таку, снова предложило иностранцамъ покинуть Пекинъ. Китайскій ультиматумъ смутилъ посланниковъ, мнѣнія коихъ раздѣлились. Одни совѣтовали подчиниться приказу и бѣжать въ Тяньцзинъ, большинство же настаивало на продолженіи переговоровъ въ виду трудностей и опасностей пути. Послѣ жаркихъ споровъ сторонники отъѣзда взяли верхъ, и начались лихорадочные сборы къ путешествію. Нужно было ѣхать въ телѣгахъ, ибо желѣзная дорога была разрушена.

Желая выяснить положеніе, германскій посланникъ баронъ фонъ-Кеттлеръ предложилъ коллегамъ съѣздить въ цзунлиямынь и лично переговорить съ китайскими министрами, указавъ имъ на опасность для Китая антиевропейской политики. Слѣдуетъ замѣтить, что баронъ Кеттлеръ съ самаго начала держалъ себя весьма рѣзко съ китайцами и требовалъ принятія рѣшительныхъ мѣръ. Подъѣзжая въ носилкахъ къ цзунлиямыню, германскій посланникъ былъ убитъ китайскими солдатами. Сопровождавшіе барона Кеттлера мафу (китайскіе конюхи) прискакали въ кварталъ и сообщили о видѣнномъ. Событіе это вызвало панику, и мысль объ отъѣздѣ была оставлена. Иностранцы рѣшили защищаться въ дипломатическомъ кварталѣ и занялись устройствомъ баррикадъ, закупкой провіанта и фуражировкой. Китайцы этому не противились, вѣроятно, не намѣтивъ еще дальнѣйшаго образа дѣйствія или не допуская возможности сопротивленія. Великобританская миссія была выбрана центромъ обороны,

---

подписалъ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Муравьевымъ дополнительный протоколъ о проведеніи Южно-Маньчжурской желѣзной дороги къ Портъ-Артуру и объ урегулированіи положенія Россіи въ Квантунской области. Въ представленіи китайцевъ имя его связывалось съ мыслью о національномъ униженіи Китая, и противники Сюй-цзин-чэна воспользовались боксерской анархіей, чтобы сдѣлать его козломъ отпущенія за ошибки и слабости Пекинскаго правительства.

въ виду ея удобнаго стратегическаго положенія и нѣкоторой отдаленности отъ городской стѣны, откуда можно было ожидать нападенія.

Дипломатическій кварталъ представлялъ и представляетъ еще и теперь продолговатый четырехъугольникъ, прилегающій южной стороной къ городской стѣнѣ. Высота ея равна приблизительно трехъэтажному дому; она отдѣляетъ маньчжурскій городъ отъ китайскаго. Въ этой части стѣны имѣется двое воротъ—Цзянмынь, т.-е. средніе, и Хатамынь—юговосточные. Вѣнчающія ихъ монументальныя башни и почернѣвшія отъ времени зубчатыя стѣны придаютъ городу своеобразный отпечатокъ старины.

Чаомыньсянъ, или улица Миссій, проходитъ между названными воротами параллельно стѣнѣ. Она пересѣчена почти посрединѣ яшмовымъ каналомъ, вытекающимъ изъ запрещеннаго, или дворцоваго, города и выходящимъ затѣмъ подъ стѣной въ китайскій городъ. Такимъ образомъ, дипломатическій кварталъ ограниченъ съ юга городской стѣной, съ сѣвера—улицей Вѣчнаго Мира, Хатамынемъ—на востокѣ, военнымъ министерствомъ и запрещеннымъ городомъ—на западѣ. Въ этомъ же кварталѣ находились управленія морской таможни и почты, банки, клубъ и гостиницы. Среди европейскихъ построекъ вкраплено было нѣсколько китайскихъ особняковъ и мелкихъ лавчонокъ. Итальянская миссія занимала крайнее мѣсто въ восточномъ концѣ квартала, затѣмъ шли французская, австрійская, японская и испанская и дворецъ князя Су, такъ называемый Су-ван-фу, съ большимъ садомъ. На другой сторонѣ улицы находились германская миссія и Гонконгъ-Шанхайскій банкъ, а за каналомъ—русская, американская и англійская, самая крупная по занимаемой площади. Рядомъ съ ней—экипажный паркъ дворцоваго вѣдомства и Ханлинская академія, гдѣ собрано было много цѣнныхъ книгъ и рукописей. Противъ русской миссіи находился Русско-Китайскій банкъ.

Осада иностраннаго квартала началась 8/20 іюня съ обстрѣла австрійской миссіи. Незадолго передъ тѣмъ цзуплиямынь обратился къ старшинѣ дипломатическаго корпуса испанскому посланнику Де-Кологану съ предложеніемъ покинуть Пекинъ. Въ то же время, однако, китайцы выражали готовность продолжать переговоры, причемъ справлялись о намѣреніяхъ иностранныхъ правительствъ относительно Китая. Посланники отвѣтили, что намѣренія эти по-прежнему благожелательны, и выразили удивленіе по поводу враждебныхъ дѣйствій китайцевъ.

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ дипломатическихъ любезностей, прерываемый перестрѣлкой, маньчжурская партія продолжала свою агитацію и добилась обнародованія новаго декрета противъ иностранцевъ. Декретъ послужилъ сигналомъ для убійствъ, грабежей и насилій. Жертвами таковыхъ сдѣлались сначала китайскіе христіане, но затѣмъ разбушевавшаяся чернь обратилась противъ всѣхъ, находившихся въ сноше-

ніяхъ съ иностранцами. Особенную ярость проявили прибывшіе изъ Ганьсу банды Дунфусяна и Жун-лу, грабившія и убивавшія безъ разбора, не отличая реакціонеровъ отъ либераловъ и язычниковъ отъ христіанъ, лишь бы было чѣмъ поживиться. Столицу и ближнія окрестности охватила анархія. Началось повальное бѣгство всѣхъ, имѣвшихъ возможность уѣхать. Такъ какъ дорога къ морю была отрѣзана войсками союзниковъ, то большинство бѣглецовъ направилось на югъ, вдоль Императорскаго канала, и на западъ.

Между тѣмъ европейцы, запертые въ своемъ кварталѣ и окруженные фанатичной и озлобленной толпой, рѣшили защищаться до послѣдней крайности, предпринявъ сооруженіе баррикадъ и окоповъ, раздачу оружія и т. д. Организація обороны была поручена особому комитету, причемъ въ работѣ приняли участіе какъ дипломаты, такъ и миссіонеры, показавшіе много безстрашія и самоотверженія. Линія обороны была разбита на участки, распредѣленные между отрядами гарнизона, усиленнаго образованіемъ особаго корпуса. Укрѣпленія возводились подъ руководствомъ американскаго миссіонера Гемвеля, которому помогали служащіе миссіи, таможни, почты и банковъ, независимо отъ ранга и возраста [1]. Женщины не отставали отъ мужчинъ, не брезгая самой тяжелой работой. Онѣ шили мѣшки для баррикадъ, ухаживали за ранеными и работали въ комитетахъ. Марію Николаевну Гирсъ, жену американскаго посланника Конджеръ и г-жу Ростхорнъ, вѣроятно, еще помнятъ въ Пекинѣ. Для завѣдыванія продовольствіемъ также былъ образованъ комитетъ, который распредѣлялъ скотъ, зерно и консервы. Въ одной изъ китайскихъ лавокъ квартала былъ найденъ запасъ пшеницы, что значительно облегчило продовольствіе. Подсчетъ осажденныхъ, сдѣланный въ началѣ обороны, показалъ, что въ дипломатическомъ кварталѣ находилось около 500 европейцевъ и японцевъ и до 2000 китайцевъ, преимущественно христіанъ-католиковъ.

---

[1]) Въ мою задачу не входитъ перечисленіе всѣхъ участниковъ обороны; списокъ вышелъ бы слишкомъ длинный и, конечно, не полный. Я ограничусь нѣсколькими именами, кои пришлось услышать во время пребыванія въ Пекинѣ. Изъ русскихъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ оборонѣ, слѣдуетъ назвать нашихъ офицеровъ: барона Радена, Врублевскаго и лейтенанта Дэна, командовавшихъ казаками и матросами преимущественно съ броненосца „Сисой Великій“. Въ защитѣ баррикадъ принимали участіе чины миссіи: Крупенскій, Колесовъ, Поповъ, Бѣльченко, Евреиновъ, Покотиловъ, Позднѣевъ, Барбье, Брауисъ, Хитрово, убитый на баррикадѣ, студентъ миссіи Вольфъ, Васильевъ, Мирный, Пискуновъ, Полуяновъ, Осиповъ, урядникъ Батуринъ, почтмейстеръ Гомбоевъ, Коноваловъ, Орловскій, Бракманъ, Александровъ, Келеръ, Рейтенфельдъ и докторъ Корсаковъ, описавшій осаду въ изданной имъ впослѣдствіи книгѣ. Среди французовъ мнѣ назвали капитана Лябрюса, доктора Матиньонъ, Лорю, Парро, Демейеръ, Лафрансъ, Берто, лейтенантовъ Дарси и Флиша, Морисса, Берудара, Сосинъ, Киліердъ, Бюро, патера Адосіо и самого посланника Пишона. Англичане были самые многочисленные. Прежде всего сэръ Клодъ Макдональдъ, избранный начальникомъ обороны, затѣмъ Коберпъ, Симпсонъ—авторъ книги съ описаніемъ осады, Дирингъ, Кэръ, Фергюсонъ, Кларкъ Торнхиль, Рессель, Керкъ, Хапковъ, Турсъ, Хюлитъ, Твидъ, Брентъ, Бристо, Инглисъ, Пуль, офицеръ Страутсъ, павшій въ бою, Перси Смитъ, Флахерти, Рэ, Холидей, пасторъ Франкъ Норисъ, корреспондентъ газеты Таймсъ Моррисонъ, профессоръ Джемсъ и неутомимый предсѣ-

Китайцы обстрѣливали кварталъ не только изъ ружей, но и изъ орудій. У осажденныхъ же оказалось только нѣсколько пулеметовъ, и лишь впослѣдствіи удалось обзавестись собственной артиллеріей въ видѣ чугунной пушки, найденной въ китайской кузницѣ среди стараго лома, которую моряки окрестили именемъ Бетси. Впрочемъ, небольшое полевое орудіе имѣлось у итальянскаго дессанта. Вскорѣ послѣ начала бомбардировки, китайцамъ удалось сжечь итальянскую и голландскую миссіи. Дабы создать открытое пространство вокругъ квартала, пришлось разрушить прилегавшія китайскія фанзы, мѣшавшія стрѣльбѣ. Такую очистку сдѣлали въ западномъ секторѣ со стороны монгольской площади и русской миссіи на сѣверѣ, со стороны Ханлинской академіи, и отчасти на востокѣ. Что касается южнаго фронта, то боксеры едва не овладѣли городской стѣной, господствующей надъ кварталомъ. Обороняющіе во-время поняли опасность, и, благодаря смѣлой вылазкѣ нѣмцевъ и американцевъ, стѣна была отбита и укрѣплена баррикадами. Если бы этого не случилось, то дипломатическій кварталъ былъ бы разгромленъ, или осажденнымъ пришлось бы капитулировать. Китайцы дрались храбро, но безъ стратегическаго плана, хотя въ осадѣ участвовали разнообразныя знаменныя войска; артиллерія ихъ стрѣляла плохо и безпорядочно. Подчасъ, обыкновенно ночью, начиналась яростная стрѣльба, китайцы бросались въ атаку, но, встрѣтивъ сопротивленіе, отступали. Атаки сопровождались дикимъ ревомъ нападавшихъ, грохотомъ барабановъ и трещотокъ. Потери ихъ, благодаря огню осажденныхъ, стрѣлявшихъ изъ бойницъ, значительно превосходили потери иностранцевъ. Не довольствуясь обстрѣломъ, китайцы повели подъ кварталъ подкопы или сапы, которые затѣмъ взрывали. Осажденные отвѣчали тѣмъ же, и подземная борьба приняла крупные размѣры. Вообще, будь у осаждавшихъ лучшее командованіе и организація, они, конечно, овладѣли бы кварталомъ, особенно внача-

---

датель комитета снабженій и заготовокъ Тюксберп. Среди американцевъ фигурировали посланникъ Конджеръ, секретарь Сквайрсъ, служившій прежде въ кавалеріи, Чешеръ, капитанъ Мирсъ, Холь, Лоури, Станлей, Колтманъ, врачъ дессанта Липпетъ и секретарь Лихунчжана Петикъ. Австрійцы были представлены повѣреннымъ въ дѣлахъ Ростхорномъ, офицеромъ Винтерхальтеромъ, Колларомъ, Вильфартомъ, Мейеромъ, Боинбергомъ и командиромъ канонерки „Зента" капитаномъ Томаномъ, погибшимъ во время обороны. Нѣмцы—барономъ фонъ-Соденомъ, фонъ-деръ-Гольцемъ, Бисмаркомъ и докторомъ Вельдэ. Бельгійцы—Мергелинекомъ, Іостеномъ, Ролавомъ, Демелотомъ, Дювіесаромъ. Въ числѣ другихъ защитниковъ нужно упомянуть итальянцевъ Гаэтани, Бенвенути, лейтенанта Оливіери, де-Лука и Паолини; японцевъ—полковника Шиба, капитана Андо и лейтенанта Хара; голландцевъ—посланника Кнобеля и драгомана Дэйсберга; служащихъ морской таможни и почты Бридона, Бульяра, Пири, Пикаръ-Дестелена, фонъ-Штрауха, Пеліо, Вагнера, Бразіе и содержателя гостинницы швейцарца Шамо, сумѣвшаго запастись продовольствіемъ передъ самой осадой. Въ числѣ осажденныхъ оказались, какъ упоминалось раньше, десятки методистскихъ и англиканскихъ миссіонеровъ съ женами и дѣтьми. Господа Гемвель, Хобартъ, Мартинъ, Аментъ и Дедженъ много способствовали успѣху обороны.

лѣ, когда оборона еще не была налажена. Впрочемъ, несмотря на ошибки и внутреннюю рознь, китайцы постепенно приближались, заставляя европейцевъ сокращать линію обороны. Одновременно съ осадой дипломатическаго квартала китайцы вели атаки противъ Бейтана, служившаго резиденціей епископа Фавіэ. Туда скрылись китайскіе католики, свыше трехъ тысячъ, и десятка три монаховъ и сестеръ. Несмотря на ничтожность средствъ обороны—около сорока французскихъ и итальянскихъ моряковъ,—Бейтанъ удержался до прихода союзниковъ. Въ кварталѣ ничего не знали о судьбѣ Бейтана и судили о происходившемъ тамъ лишь по доносившейся перестрѣлкѣ.

Въ началѣ іюля осажденные получили письмо, подписанное „князь Цинъ съ товарищами", съ предложеніемъ покинуть кварталъ и перейти подъ охрану цзунлиямыня. Не зная, чѣмъ объяснить это предложеніе, и подозрѣвая вѣроломство, посланники отвѣтили въ уклончивой формѣ о согласіи прекратить военныя дѣйствія и начать переговоры, причемъ повторили просьбу о разрѣшеніи снестись со своими правительствами. До тѣхъ поръ просьбы ихъ оставлялись безъ вниманія, и въ Европѣ и Америкѣ не были освѣдомлены о судьбѣ Пекинскаго дипломатическаго корпуса. Какъ извѣстно, китайское правительство, опасаясь возмездія державъ и желая показать, что оно само борется съ мятежомъ, приказало своимъ представителямъ заграницей продолжать поддерживать дружественныя отношенія съ правительствами, при коихъ они были аккредитованы. Оффиціальныя сношенія осажденныхъ съ китайскимъ правительствомъ и съ Дворомъ продолжались все время. При обмѣнѣ письмами между посланниками и китайскими сановниками, устанавливалось перемиріе, и противники переговаривались другъ съ другомъ, обмѣниваясь новостями, что облегчалось близостью окоповъ и баррикадъ. Были даже случаи покупки у китайскихъ разносчиковъ фруктовъ и льда, что особенно цѣнилось при царившемъ тогда зноѣ. Послѣ окончанія такихъ перемирій, бомбардировка и взаимныя атаки возобновлялись съ прежней яростью. По словамъ участниковъ сидѣнія, нравственное самочувствіе большинства было довольно бодрое: страдали скорѣе отъ физическихъ причинъ, скученности, тяжелаго воздуха, отсутствія свѣжей провизіи и хорошей воды.

Предвидя моментъ истощенія продовольствія и патроновъ, осажденные, конечно, съ трепетомъ ожидали прибытія экспедиціи адмирала Сеймура. Но надежда эта постепенно исчезла, и тогда стали дѣлать догадки и разсчитывать, когда и въ какой формѣ явится освобожденіе. Съ самаго начала осады были сдѣланы попытки установить сношенія съ Тянцзиномъ путемъ посылки курьеровъ. Большинство послѣднихъ,

замаскированныхъ нищими или монахами, было захвачено боксерами, но нѣсколько писемъ все же дошло по назначенію. Сидѣвшіе въ осадѣ получали также свѣдѣнія отъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ боксеровъ, а иногда изъ „Пекинскаго Столичнаго Вѣстника,“ номера коего, какъ это ни странно, доставлялись цзунлиямынемъ. Самыя точныя свѣдѣнія получались обыкновенно японцами, которые пользовались особыми курьерами и информаторами. Первое достовѣрное сообщеніе, полученное обороняющимися, былъ отвѣтъ на письмо, посланное японцами въ половинѣ іюня. Въ отвѣтѣ сообщалось о взятіи фортовъ Таку, объ осадѣ Тянцзина и объ отправленіи въ близкомъ будущемъ въ Пекинъ смѣшаннаго отряда, силою въ одиннадцать тысячъ человѣкъ. Послѣ этого нетерпѣніе осажденныхъ еще усилилось; всѣ лихорадочно ждали пушечныхъ выстрѣловъ и сигнальныхъ ракетъ, коими освободители должны были предупредить о своемъ прибытіи.

Взятіе Тянцзина, пораженіе китайскихъ войскъ и высадка новыхъ европейскихъ отрядовъ смутили Пекинское правительство и Дворъ, показавъ рискъ затѣянной ими авантюры. По крайней мѣрѣ, во второй половинѣ іюля китайцы стали дѣлать попытки къ примиренію съ посланниками, стараясь въ то же время снять съ себя отвѣтственность за прошлое. Попытки эти выразились въ курьезныхъ, съ европейской точки зрѣнія, выступленіяхъ. Такъ, въ своихъ письмахъ китайскіе министры спрашивали о здоровьи осажденныхъ, выражали сожалѣніе по поводу испытываемыхъ ими лишеній, сообщали о событіяхъ въ Европѣ и т. п. Осажденные получили, между прочимъ, нѣсколько возовъ съ фруктами и овощами въ подарокъ отъ Императрицы и князей.

Въ концѣ іюля стали приходить извѣстія о движеніи освободительнаго отряда, выступившаго изъ Тянцзина 17/29 числа. Китайскій курьеръ изъ Тянцзина, тайно пробравшійся въ кварталъ, принесъ письмо тамошняго англійскаго консула, изъ котораго осажденные узнали, что въ Тянцзинѣ сосредоточено до 30 тысячъ иностранныхъ войскъ, что боксеры бѣжали, и что освободительный отрядъ выступаетъ. Между тѣмъ въ запрещенномъ городѣ дѣлались приготовленія къ отъѣзду Богдыханской семьи. Около этого времени появился указъ, внушенный, какъ говорятъ, бывшимъ Шаньдунскимъ губернаторомъ Ли-бин-сяномъ. Въ указѣ обличалась измѣна вышеупомянутаго Сюй-цзин-чэна, якобы предавшаго свое отечество русскимъ, и другого члена цзунлиямыня, Юан-чана. Главная же вина ихъ заключалась въ порицаніи боксеризма и въ томъ, что они тайно похоронили тѣло убитаго германскаго посланника. Названные патріоты, дерзнувшіе предостеречь правительство и поднять голосъ въ защиту иностранцевъ, были принесены въ жертву слѣпому фанатизму и казнены.

Получивъ извѣстіе о выступленіи своднаго отряда, англійскій посланникъ отправилъ китайскаго курьера съ порученіемъ указать англичанамъ лучшій путь въ дипломатическій кварталъ, минуя укрѣпленный раіонъ. Англійскій главнокомандующій, генералъ Гезли, воспользовался предупрежденіемъ и, проведя свои войска черезъ китайскій городъ (черезъ ворота Шавомынь) безъ выстрѣла, вступилъ въ европейскій кварталъ черезъ водостокъ у подножья маньчжурской стѣны. Въ это время японцы и русскіе дрались у восточныхъ воротъ, гдѣ наткнулись на упорное сопротивленіе. Англійскія войска (Бенгальскіе уланы, Сики и Валійскіе стрѣлки), встрѣченные восторженнымъ ликованіемъ пекинскихъ заключенныхъ, тотчасъ же заняли караулы на баррикадахъ и вступили въ перестрѣлку съ осаждавшими. Стрѣльба послѣ этого продолжалась недолго. Китайцы поняли, что дѣло проиграно. Было видно, какъ войска ихъ убираютъ палатки, складываютъ имущество и покидаютъ свои позиціи. Освобожденіе европейцевъ произошло 1/13 августа. Вдовствующая Императрица, Богдыханъ и Богдыханша покинули городъ передъ самымъ вступленіемъ въ него союзниковъ. Они бѣжали въ телѣгахъ, переодѣвшись въ платье простолюдиновъ.

Князь Цинъ, главный уполномоченный Китая для переговоровъ съ державами.

ГЛАВА XVII.

Что мы видѣли и слышали въ дипломатическомъ кварталѣ. Подробности пекинскаго сидѣнія.

На другой день по пріѣздѣ, я отправился съ докторомъ Ястребовымъ осматривать дипломатическій кварталъ. Въ англійской миссіи нашимъ чичероне взялся быть самъ посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ. Онъ съ понятной гордостью показалъ намъ фортификаціонныя работы, исполненныя подъ руководствомъ миссіонеровъ. Укрѣпленія—траншеи для предупрежденія подкоповъ, массивныя стѣны изъ камня, бревенъ и мѣшковъ, стѣны съ бойницами для стрѣльбы—поражали своей величиною. Мѣшки—разноцвѣтные, сшитые, повидимому, изъ разныхъ матерій, даже парчевые. Изъ-за баррикадъ видна монгольская площадь[1]) и укрѣпленія китайцевъ; площадь была нейтральной зоной. Изъ англійской миссіи можно было пройти въ русскую закоулками и по узкимъ ходамъ, устроеннымъ уже во время осады.

Сэръ Клодъ живыми красками описалъ ходъ обороны и указалъ опасныя мѣста, гдѣ конвой и волонтеры несли сторожевую и охранную службу. По его словамъ, присутствіе китайскихъ христіанъ способствовало спасенію европейцевъ. Люди эти проявили большое усердіе и безстрашіе; они участвовали во всѣхъ перипетіяхъ обороны и безропотно исполняли самыя тяжелыя работы, преимущественно земляныя. Настроеніе китайцевъ, впрочемъ, понятно: они знали, что, въ случаѣ захвата квартала, ихъ ожидаетъ неминуемая смерть, ибо боксеры были особенно возбуждены противъ соотечественниковъ, перешедшихъ къ европейцамъ. Миссіонеры же много помогли дѣлу обороны своей неутомимой энергіей и умѣніемъ организовать китайцевъ.

Въ самый опасный періодъ осады русскіе жили у англичанъ, помѣщаясь въ домѣ перваго секретаря англійской миссіи. По мнѣнію сэра Клода, кварталъ былъ бы взятъ, если бы союзныя войска хоть немного опоздали. Къ тому же, провизія истощалась, и въ моментъ освобожденія оставалось всего 11 лошадей, остальныя были съѣдены. Не взирая на обстрѣлъ, большая часть англійскихъ зданій уцѣлѣла. Кстати, въ Пекинѣ китайцы стрѣляли изъ довольно устарѣвшихъ орудій, между тѣмъ какъ въ Тянцзинѣ пользовались современной артиллеріей. Рядомъ съ англійской миссіей

[1]) Мѣсто сборища монголъ, пріѣзжавшихъ въ Пекинъ изъ Монголіи.

находились дворцовыя конюшни съ парадными телѣгами, носилками, сбруей и прочими принадлежностями придворныхъ передвиженій. Конюшни были разрушены, а въ паркѣ суетились черномазые Сики (индійскій полкъ), съ интересомъ разсматривая уцѣлѣвшія вещи. Отъ Ханлинской академіи, книжной сокровищницы Пекина, остались груды развалинъ, а сочиненія китайскихъ классиковъ служили для растопки костровъ.

Французская миссія была уничтожена до-тла. Натискъ боксеровъ былъ здѣсь особенно энергиченъ; имъ удалось устроить нѣсколько подкоповъ, сохранившихся въ видѣ большихъ воронокъ. Здѣсь наглядно видно, какъ велся бой, и какъ близко, отъ 10 до 15 шаговъ, находились противники, стрѣлявшіе изъ бойницъ или изъ-за прикрытій. Послѣ удачнаго взрыва мины, китайцамъ удалось укрѣпиться въ одной половинѣ миссіи, а французы удержались въ другой. Здѣсь еще и теперь сохранились слѣды недавней борьбы въ видѣ палатокъ, знаменъ, тюфяковъ, домашней утвари и массы ружейныхъ патроновъ въ пачкахъ. Французскій посланникъ г. Пишонъ[1]) показалъ намъ самые важные пункты обороны и объяснилъ тактику нападавшихъ. Онъ, должно быть, еще не совсѣмъ оправился отъ пережитыхъ волненій. Однако, въ словахъ его незамѣтно было озлобленія противъ китайцевъ, а скорѣе чувствовалось сожалѣніе. Какъ онъ, такъ и англійскій посланникъ говорили о происшедшихъ событіяхъ въ примирительномъ тонѣ, приписывая ихъ не столько злобѣ китайцевъ, сколько ихъ невѣжеству и ошибкамъ европейцевъ.

Въ японской миссіи, куда я затѣмъ заглянулъ, слѣдовъ разрушеній почти не оказалось. Баронъ Нисси встрѣтилъ меня весьма радушно и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ вспоминать о Россіи, гдѣ онъ бывалъ раньше. Онъ почти ежедневно заходилъ въ русскую миссію сообщать новости нашему посланнику. Японцы были, какъ всегда, лучше всѣхъ освѣдомлены. Японскій полковникъ Шиба завѣдывалъ обороной княжескаго дворца Су-ван-фу, занятаго японцами при началѣ осады. По отзывамъ осажденныхъ, Шиба выказалъ большую храбрость и находчивость.

Мнѣ также удалось повидаться съ испанскимъ посланникомъ Де-Кологаномъ и съ американскимъ—Конджеромъ. Въ домѣ Де-Кологана нашли пріютъ итальянскій посланникъ маркизъ Сальваго и французскій—Пишонъ. Дома ихъ были сожжены въ началѣ осады. Хозяинъ разсказалъ нѣсколько пикантныхъ подробностей пережитаго сидѣнія, самъ подтрунивая надъ дипломатической наивностью посланниковъ, увѣренныхъ въ своей неприкосновенности и не допускавшихъ мысли, что цѣ-

[1]) Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ.

лый народъ можетъ дойти до помѣшательства. Впрочемъ, г. Пишонъ съ самаго начала не раздѣлялъ оптимизма своихъ коллегъ, считая, что, въ случаѣ мятежа, иностранцамъ не сдобровать. Мнѣніе это отчасти раздѣлялось маркизомъ Сальваго. Названные посланники черпали свои свѣдѣнія у миссіонеровъ, обыкновенно хорошо освѣдомленныхъ о настроеніи туземцевъ. Голландскаго посланника г. Кнобеля я не видѣлъ; онъ былъ раненъ въ самый день освобожденія миссій.

Слѣдующій визитъ мой былъ къ начальнику китайской морской таможни сэру Роберту Харту. Его домъ былъ сожженъ въ началѣ осады, и онъ, по примѣру другихъ, перекочевалъ къ англичанамъ, а затѣмъ переѣхалъ въ гостиницу Кирульфа. Сэръ Робертъ сознался, что мятежъ засталъ его врасплохъ, и что онъ не думалъ, что дѣло зайдетъ такъ далеко. „Но теперь," замѣтилъ онъ, „иностранцы начинаютъ превосходить китайцевъ, и я предвижу, что карательныя экспедиціи союзниковъ еще уронятъ нашъ престижъ, особенно въ виду допускаемыхъ грабежей. Что касается меня," продолжалъ онъ, „то единственная вещь, взятая мною у китайцевъ—это пуля, попавшая въ мой письменный столъ. Кромѣ того, осада показала мнѣ тщету всего земного, и я убѣдился въ справедливости французской поговорки, гласящей, что нѣтъ незамѣнимыхъ людей. Я просидѣлъ два мѣсяца взаперти, между тѣмъ дѣятельность таможни продолжалась по-прежнему, и отсутствіе мое не отразилось на ходѣ дѣла". Сэръ Робертъ одобрилъ распоряженіе Алексѣева относительно таможни въ Инкоу и далъ понять, что не ожидалъ отъ насъ подобной умѣренности. Несмотря на это, англійское правительство обратилось къ намъ впослѣдствіи съ протестомъ по поводу занятія названной таможни и задержанія таможенныхъ поступленій.

Покотиловъ показалъ мнѣ оборонительныя работы на маньчжурской стѣнѣ. Обѣ башни, Хатамынская и Цзянмынская, остававшіяся все время въ рукахъ китайцевъ, возвышаются надъ стѣной, и недоумѣваешь, какъ европейцамъ удалось ее удержать. Между тѣмъ стѣна господствуетъ надъ кварталомъ, и переходъ ея въ руки китайцевъ повелъ бы къ захвату послѣдняго. На стѣнѣ были каменныя баррикады, прикрытыя мѣшками, ложементы, крытые ходы и т. п. Мнѣ показали уголъ стѣны, гдѣ на веревкѣ спускали курьеровъ, отправляемыхъ въ Тянцзинъ съ мольбой о помощи. Трудно понять, какъ они могли обмануть бдительность боксеровъ, сторожившихъ у подножія.

ГЛАВА XVIII.

Осмотръ Алексѣевымъ и Линевичемъ Императорскихъ дворцовъ. Русскіе и союзники въ Пекинѣ.

Третій день пребыванія нашего въ Пекинѣ посвященъ былъ осмотру Императорскаго дворца. Для осмотра — что здѣсь, повидимому, модное развлеченіе—собралось около ста человѣкъ, преимущественно офицеровъ Изъ миссіи явились секретарь Евреиновъ и Н. Ф. Колесовъ, приглашенный Линевичемъ для объясненій съ китайцами. Колесовъ— выдающійся синологъ и хорошо знакомъ съ политическимъ положеніемъ. При занятіи Портъ-Артура ему пришлось вести переговоры съ китайскими чиновниками и сглаживать шероховатости довольно деликатнаго свойства. Я былъ въ запрещенномъ городѣ во время первой аудіенціи, данной иностраннымъ дипломатамъ Богдыханомъ Гуан-сюй въ началѣ 1891 года. Китайское правительство тогда еще не испытало ударовъ бронированнаго кулака и не особенно считалось съ протестами державъ. Такое настроеніе, конечно, отразилось на пріемѣ посланниковъ, которыхъ заставили выйти изъ носилокъ у наружныхъ воротъ запрещеннаго города и пройти пѣшкомъ до павильона, Цзэгуанко, предназначеннаго для вассаловъ. Давая аудіенцію въ этомъ павильонѣ, правительство приравняло европейцевъ къ собственнымъ инородцамъ—монголамъ, тибетцамъ и пр., платившимъ дань Пекину. Богдыханъ принялъ насъ, т.-е. посланниковъ, всѣхъ вмѣстѣ, сидя на тронѣ, и отвѣтилъ на наши многократные поклоны кивкомъ головы.*)

Какая разница по сравненію съ прошлымъ! Заморскіе варвары, какъ насъ тогда называли, входятъ въ священныя залы, оскверняютъ своимъ прикосновеніемъ троны, печати, императорскія таблицы и жертвенники.

Сначала осмотрѣли главныя зданія и прежде всего Тайходянь, т. е. тронный залъ, съ золоченымъ сѣдалищемъ. Отдѣльные павильоны или дворцы подходятъ подъ общій типъ китайскихъ построекъ, отличаясь отъ нихъ лишь массивностью желтыхъ черепичныхъ крышъ, поддерживаемыхъ колоннами пунцоваго цвѣта и вычурными мраморными баллюстрадами и лѣстницами съ аллегорическими изваяніями львовъ и драконовъ. Мы прошли около десятка большихъ мощеныхъ плитами

*) Старшиной дипломатическаго корпуса состоялъ тогда германскій посланникъ фонъ-Брандтъ. Русскихъ, кромѣ меня, было трое: повѣренный въ дѣлахъ Клейменовъ, драгоманъ П. С. Поповъ и военный агентъ Путята.

Н. Ф. Колесовъ.

дворовъ, перегороженныхъ высокими стѣнами. Дворы перемежаются садами съ бѣлостволыми соснами, съ гранатовыми и кипарисовыми деревьями, съ бассейнами, затѣйливыми мостиками, гротами и прочими китайскими украшеніями. Вмѣстѣ съ нами шли придворные евнухи, оставшіеся во дворцѣ для охраны Богдыханскаго гарема. Они торопили насъ впередъ, быть можетъ, опасаясь, что мы захотимъ заглянуть въ это сокровенное мѣсто. Около озера мы увидѣли игрушечный поѣздъ—забава Богдыхана и его Двора; такъ какъ паровоза не было, то въ поѣздъ впрягались кули.

Внутренніе покои Богдыхана и Богдыханши расположены въ одноэтажныхъ зданіяхъ. Полы мраморные, выложенные въ шахматномъ порядкѣ черными и бѣлыми плитками. Стѣны обтянуты шелковой матеріей и обвѣшаны свитками съ начертанными на нихъ Конфуціанскими изреченіями, нѣкоторыя изъ нихъ—рукой Императрицы. Вдоль стѣнъ—диваны изъ чернаго и орѣховаго дерева, нѣсколько тяжелыхъ рѣзныхъ креселъ, табуретовъ и столовъ съ инкрустаціями. Европейской мебели я не видѣлъ.

Мы быстро проходили, обмѣниваясь мыслями, черезъ пустыя залы, Алексѣевъ съ генералами впереди, за ними Колесовъ и чиновники, дававшіе объясненія. На столахъ стояли пустыя коробки, колпаки и подставки, самыя же вещи исчезли. Комната, гдѣ хранились Богдыханскія регаліи, печати, ордена, подарки иностранныхъ монарховъ и т. п., подверглась основательному разгрому: на полу валялись футляры всѣхъ формъ и величинъ. Я замѣтилъ, что карманы моихъ спутниковъ замѣтно оттопырились—недаромъ нѣкоторые изъ нихъ надѣли пальто и плащи, несмотря на жаркую погоду.

Въ помѣщеніи Императрицы Линевичъ обратилъ вниманіе своихъ спутниковъ на витрину, въ которой уцѣлѣло нѣсколько десятковъ художественныхъ вещицъ изъ золота и цѣнныхъ камней, и въ числѣ ихъ чашечки изъ розоваго коралла съ золотой отдѣлкой. Повидимому, вещи эти оставлены были нарочно, чтобы показать, что дворецъ охраняется. Однако, не успѣли генералы выйти изъ комнаты, какъ витрина была опустошена посѣтителями. Кто-то, повидимому, доложилъ объ этомъ генералу Стесселю, который, внезапно остановившись, обратился къ окружающимъ: „кто, господа, взялъ коралловыя чашки?“ Такъ какъ всѣ переглядывались, затрудняясь отвѣтить на столь щекотливый вопросъ, Стессель пригрозилъ обыскомъ. Опять молчаніе и переглядываніе. Къ счастью, начальникъ караула доложилъ, что чашки вернулись въ витрину. Инцидентъ былъ улаженъ, и мы продолжали прогулку. „Представьте себѣ,“ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ: „я третій разъ посѣщаю дворецъ, и всегда повторяется исторія съ

чашками; ужъ не облюбовалъ ли ихъ кто-нибудь изъ начальства?“ Въ другомъ залѣ Линевичъ подвелъ насъ къ столику, на которомъ лежали китайскіе жуй, или скипетры, украшенные жемчугами, причемъ объяснилъ, что самые крупные исчезли. Алексѣевъ покачалъ головой. „Какъ же такъ, ваше превосходительство?“ замѣтилъ онъ: „нужно принять мѣры“. Линевичъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ.

Во дворцѣ имѣлась псарня, гдѣ разводились такъ называемыя пекинскія собачки. Собачекъ отнесли къ категоріи военной добычи, и онѣ быстро разошлись по рукамъ. Наши воины, впрочемъ, интересовались болѣе вещественными предметами, вродѣ часовъ, мѣховъ и т. п. Китайцы, какъ извѣстно, большіе любители часовъ, хотя пунктуальностью не отличаются. Особенно цѣнятъ часы съ какимъ-нибудь замысловатымъ механизмомъ, съ музыкой, будильникомъ, украшенные эмалью или цѣнными камнями. Во дворцѣ оказались цѣлыя коллекціи такихъ часовъ, которыми я любовался уже у новыхъ обладателей. Не понимая толку въ художественной китайщинѣ, наши солдаты, если имъ попадала такая вещь, спѣшили уступить ее за безцѣнокъ кому-нибудь изъ иностранцевъ. Я какъ-то завтракалъ у капитана Вершинина, батарея котораго стояла въ Императорскомъ городѣ. Закуску подавали на тарелкахъ эпохи Богдыхановъ Кан-си и Цян-луня, причемъ Вершининъ признался, что денщики перебили много старой посуды.

Идя вдоль дворцоваго озера, мы осмотрѣли павильонъ, гдѣ въ послѣдніе годы былъ заточенъ богдыханъ Гуан-сюй. Это небольшое зданіе на островкѣ, отдѣленномъ отъ берега мраморнымъ мостикомъ. Въ павильонѣ обстановка еще проще, чѣмъ въ большомъ дворцѣ. Богдыханъ Гуан-сюй былъ поселенъ здѣсь въ 1898 году, послѣ неудавшагося заговора противъ вдовствующей Императрицы и дворцовой камарильи. Какъ извѣстно, младокитайская партія, руководимая реформаторомъ Кан-ю-веемъ, пыталась ввести въ Китаѣ конституціонный строй, пользуясь поддержкой Богдыхана, который хотѣлъ освободиться отъ опеки черезчуръ властной Императрицы Цы-си. Попытка эта не удалась, встрѣтивъ противодѣйствіе Императрицы, поддержанной Юаньшикаемъ. Съ мраморной террасы, окружающей павильонъ, открывается видъ на озеро, покрытое бѣлыми и розовыми лотосами, и на противоположные дворцы. Но какой узкій горизонтъ для монарха этого многомилліоннаго народа!

Наши войска устроили лагерь у подножія извѣстной Мэйшань, т.-е. Угольной горы. Солдаты, видно, успѣли заглянуть въ лавки и теперь щеголяли въ яркихъ шелковыхъ рубахахъ. У нихъ можно было пріобрѣсти кое-что за сходную цѣну; соотечественникамъ они, впрочемъ, не продавали, боясь своихъ офицеровъ, ибо продажа награбленнаго запрещена. Изъ лагеря Вершининъ повелъ меня въ ламайскую кумирню.

Сувшусы, находящуюся въ дворцовомъ городѣ. Въ кумирнѣ квартировали наши драгуны, а послѣ ихъ ухода поставили караулъ, якобы для охраны отъ мародеровъ. Монахи разбѣжались, или притаились въ разныхъ закоулкахъ. Уже при входѣ было видно, что здѣсь произошла, какъ теперь говорятъ, конфискація. Во дворахъ валялись желтыя одѣянія ламъ, запачканныя вышивки, клочья священныхъ книгъ, мѣха, бронзовыя курильницы и бурханы всѣхъ формъ и величинъ. Посреди перваго дворца стояли двѣ большія голубыя вазы и фарфоровая пагода съ обломанными краями. Ее, вѣроятно, хотѣли унести, но затѣмъ, въ виду трудности, бросили. Во внутреннихъ дняхъ кумирни картина разрушенія была еще печальнѣе. Двѣ большія статуи буддійской троицы, свергнутыя со своихъ троновъ, лежали на полу со сломанными членами. Ихъ стащили съ пьедесталовъ при помощи веревокъ. Мнѣ объяснили, что внутри искали золото, такъ какъ таковое оказалось въ одномъ изъ бурхановъ. Полъ былъ усыпанъ самыми невѣроятными предметами—жертвенными сосудами, молитвенными колесами и другими принадлежностями культа, перемѣшанными съ курительными палочками, битымъ стекломъ, священными свитками, четками и обрывками матерій, образуя высокую кучу, черезъ которую трудно было пробраться. Больше всего оказалось бурхановъ, т. е. бронзовыхъ статуэтокъ Будды. Тысячи послѣднихъ стояли на полкахъ высокихъ шкаповъ и валялись на полу. Сидѣвшій тутъ же солдатъ вскрывалъ бурхановъ стамеской и, осмотрѣвъ внутренности, бросалъ въ сторону. Онъ объяснилъ, что ему поручено осмотрѣть идоловъ и отыскать каменья и золото, но пока онъ нашелъ одну жемчужину и нѣсколько коралловъ, а то все больше бумажки съ молитвами. Нѣсколько часовыхъ охраняли кумирню отъ дальнѣйшаго ограбленія. Отъ нихъ я узналъ, что по ночамъ приходятъ монахи, собираютъ уцѣлѣвшія вещи и уносятъ съ собою.

Я сообщилъ о видѣнномъ Алексѣеву, который отнесся къ моему разсказу недовѣрчиво, замѣтивъ, что иностранцы ведутъ себя такимъ же образомъ, но болѣе практично, ибо не уничтожаютъ, а присваиваютъ. Ему, между прочимъ, очень хотѣлось взять стоявшіе на городской стѣнѣ астрономическіе инструменты художественной работы—произведенія іезуитскихъ мастеровъ. Онъ собирался подарить ихъ нашей Академіи Наукъ. Однако, въ виду приказа Петербурга—ничего не брать въ Пекинѣ,—онъ отказался отъ этой мысли. Инструменты были впослѣдствіи конфискованы графомъ Вальдерзэ.

На слѣдующій день я поѣхалъ съ Колесовымъ въ сѣверо-восточную часть Пекина, взглянуть на развалины Бейгуаня—такъ называется Русская Духовная Миссія. Бейгуань подвергся нападенію боксеровъ въ самомъ началѣ возстанія, тотчасъ же послѣ переѣзда архимандрита

Иннокентія въ дипломатическую миссію. Не довольствуясь разрушеніемъ и сожженіемъ церкви и монастыря, боксеры перебили почти всю православную китайскую паству и многихъ христіанъ-албазинцевъ, какъ въ самой Миссіи, такъ и въ окрестностяхъ. [1]) Трупы нашихъ христіанъ были брошены ими въ колодцы, причемъ вмѣстѣ съ мертвыми бросали и живыхъ. Вообще, боксеры поработали здѣсь на чистоту. На мѣстѣ Бейгуаня — церкви и жилищъ нашихъ миссіонеровъ, я увидѣлъ развалины; даже деревья были спилены. Боксеры разрушили также русское кладбище за городской стѣной, уничтожили надгробные памятники и выбросили кости погребенныхъ. [2])

Мы застали архимандрита Иннокентія въ сосѣдней ламайской кумирнѣ, Юнхогунь. Начальникъ этой кумирни, опасаясь насилій со стороны союзниковъ, обратился къ намъ за защитой. Чтобы оказать таковую, архимандритъ переѣхалъ въ кумирню, гдѣ ему отвели отдѣльное зданіе. Здѣсь онъ устроилъ временную церковь и понемногу собралъ вокругъ себя уцѣлѣвшихъ православныхъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Юнхогунь считался наиболѣе фанатичнымъ языческимъ монастыремъ, теперь же ламы употребляли всѣ старанія, чтобы удержать нашихъ миссіонеровъ, въ надеждѣ, что послѣдніе спасутъ ихъ отъ разгрома. Архимандритъ угостилъ насъ чаемъ и разсказалъ нѣсколько эпизодовъ осады. Это человѣкъ выдающагося ума и энергіи. Онъ нисколько не упалъ духомъ и смотрѣлъ на будущее Китая, а въ частности на наши духовныя и матеріальныя задачи, оптимистично. По его мнѣнію, боксерское возстаніе должно было дать толчокъ распространенію христіанства, т. е. какъ разъ обратный результатъ тому, какого ожидали изувѣры, ставшіе во главѣ движенія.

---

[1]) Албазинцы—потомки русскихъ казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ крѣпости Албазинъ на Амурѣ. Послѣ занятія въ 1685 году крѣпости китайцами, часть гарнизона, вмѣстѣ съ воеводой Толбузинымъ, уѣхала въ Нерчинскъ. Нѣсколько десятковъ казаковъ переселилось въ Пекинъ, и на содержаніе ихъ отпущены изъ китайской казны особыя средства. Впослѣдствіи Петромъ Великимъ была учреждена въ Пекинѣ Духовная Миссія для наблюденія и покровительства надъ албазинцами.

[2]) Духовная Миссія стараніями Высокопреосвященнаго Иннокентія была впослѣдствіи возстановлена и значительно расширена. На мѣстѣ мученической смерти христіанъ сооруженъ храмъ.

ГЛАВА XIX.

Впечатлѣнія оккупаціи Пекина союзниками. Германскій секторъ.

Къ концу августа число войскъ въ Пекинѣ достигало 30 тысячъ; кромѣ того, небольшой русскій отрядъ стоялъ въ лѣтнемъ дворцѣ Юань-минь-юань. Хотя военныя дѣйствія прекратились, но развѣдки въ окрестностяхъ продолжались, и почти ежедневно происходили стычки съ непріятелемъ. Боксеры разсѣялись, но, повидимому, не отказались отъ борьбы. Много боксеровъ и переодѣтыхъ солдатъ осталось въ столицѣ. Дабы усыпить подозрѣнія, китайцы стали выдавать себя за христіанъ и даже надѣвали кресты, на домахъ же вывѣсили иностранные флаги и дощечки съ надписями. Пекинъ раздѣленъ на секторы: русскій, англо-американскій, французскій, германскій и японскій. Союзники организовали свою администрацію и полицію. Больше всего порядка наблюдалось у японцевъ. Въ ихъ секторѣ мало признаковъ военной оккупаціи; лавки открыты, и на улицахъ уже виденъ народъ. Говорили, что у нихъ меньше насилій. Кстати, вступивъ въ городъ, японское военное начальство поспѣшило конфисковать серебро, хранившееся въ китайскомъ казначействѣ. Вообще, всѣ дѣйствія японцевъ отличались гораздо большею планомѣрностью, что, впрочемъ, довольно естественно, въ виду ихъ лучшей освѣдомленности.

Несмотря на присутствіе иностранной полиціи, грабежи и реквизиціи не прекращались. Дѣлалось это подъ видомъ репрессалій за грабежи боксеровъ. Этимъ занятіемъ не брезговали будто бы и дипломаты, успѣвшіе составить довольно цѣнныя коллекціи. Мнѣ называли нѣкоторыхъ изъ нихъ, но „nomina sunt odiosa". Впрочемъ, я слышалъ, что нѣкоторые работали съ научной цѣлью и собирали вещи для музеевъ. Наши военные изъ Никольска-Уссурійскаго и Хабаровска не знали толка въ художественныхъ вещахъ и сбывали попадавшія къ нимъ рѣдкости за безцѣнокъ иностранцамъ. Китайцы, особенно просидѣвшіе въ осадѣ, не отставали отъ союзниковъ, но съ ними поступали весьма сурово: пойманныхъ на мѣстѣ преступленія разстрѣливали. Быть можетъ, это было несправедливо. Но что же дѣлать: quod licet Jovi, non licet bovi.

У англичанъ и американцевъ экспропріація организована была иначе: все захваченное регистрировалось и распродавалось на публичныхъ аукціонахъ, устраиваемыхъ въ великобританской миссіи. Вырученныя

деньги раздѣлялись поровну между солдатами. Я однажды былъ на такомъ аукціонѣ. Присутствовалъ почти весь дипломатическій корпусъ и много офицеровъ. Я хотѣлъ купить коверъ и мѣха, но цѣны такъ набили, что пришлось отказаться. Хотя въ русскомъ лагерѣ это дѣло поставлено проще, но мнѣ и тамъ ничего не пришлось купить. Всему виною былъ мой китель: солдаты принимали меня за офицера, отвѣчая на всѣ мои подходы сакраментальными: „никакъ нѣтъ" и „не могу знать".

Во время прогулокъ по Пекину, я зашелъ вмѣстѣ съ Колесовымъ въ германскій секторъ, гдѣ распоряжался нашъ знакомый, г. Кордесъ, исполнявшій обязанности судьи и гражданскаго губернатора. Г. Кордесъ сопровождалъ посланника барона Кеттлера, когда послѣдній подвергся нападенію солдатъ вблизи цзунлиямыня. По словамъ Кордеса, разсказавшаго намъ подробности происшествія, онъ былъ раненъ и бросился бѣжать, причемъ вдогонку ему было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Пробѣжавъ немного, онъ такъ ослабѣлъ отъ потери крови, что присѣлъ на землю. Его, вѣроятно, скоро добили бы, если бы какой-то сердобольный разносчикъ не указалъ ему дороги въ европейскій кварталъ, куда онъ съ трудомъ доползъ. Бѣдный китаецъ не побоялся рискнуть жизнью, чтобы спасти ненавистнаго иностранца.

Наша бесѣда въ дворикѣ дома гражданскаго управленія прервана была появленіемъ унтеръ-офицера, доложившаго, что арестованъ китаецъ, грабившій вмѣстѣ съ иностранными солдатами. На мой вопросъ, что дѣлаютъ съ такими китайцами, Кордесъ отвѣтилъ, что, въ случаѣ виновности, ихъ разстрѣливаютъ. „Конечно, бываютъ прискорбныя ошибки", прибавилъ онъ. „Такъ, недавно привели двухъ китайцевъ, захваченныхъ въ домѣ, гдѣ они, повидимому, грабили. Я приговорилъ ихъ къ разстрѣлу на основаніи показаній свидѣтелей, но въ послѣднюю минуту оказалось, что американскіе солдаты принудили ихъ указать домъ, гдѣ можно поживиться. Солдаты занялись грабежомъ, а китайцевъ заставили сторожить. Когда явился германскій патруль, американцы скрылись, а тѣхъ захватили и привели ко мнѣ. Какъ видите", замѣтилъ Кордесъ, „совершается много несправедливаго, и мнѣ подчасъ жалко китайцевъ. Несмотря на страданіе, причиняемое мнѣ раною, не могу имъ мстить". О миссіи графа Вальдерзэ Кордесъ отозвался довольно сдержанно. Онъ думаетъ, что крупные размѣры германской экспедиціи, о которой говорятъ газеты, объясняются преувеличенными слухами о важности китайскаго мятежа; возможно также, что экспедиціонный корпусъ послужитъ ядромъ колоніальной арміи, въ которой нѣмцы очень нуждаются въ Кіаочжоу.

Какъ обыкновенно бываетъ въ моменты серьезныхъ кризисовъ и потрясеній, нравственные принципы бѣдныхъ осажденныхъ нѣсколько

пошатнулись, обнаруживъ некрасивыя черты человѣческой природы, главнымъ образомъ, эгоизмъ и жестокость. Мнѣ передавали о случаяхъ высокой доблести и трогательнаго самоотверженія, а также невѣроятной трусости и пошлости. Но большинство ко дню нашего пріѣзда настроено было все же воинственно, мечтало о мести и не допускало снисхожденія къ злосчастнымъ побѣжденнымъ. Подобно тому, какъ краснокожіе индѣйцы когда-то гордились добытыми скальпами, такъ пекинскіе заключенные хвастались числомъ своихъ жертвъ и потрясали оружіемъ. Кстати, почти у каждаго имѣлось нѣсколько винтовокъ и револьверовъ и разныхъ средневѣковыхъ аллебардъ и пикъ, взятыхъ у боксеровъ. Страсть къ коллекціонированію не ограничивалась, однако, оружіемъ, и у нѣкоторыхъ оказались собранія цѣнныхъ вещицъ, конфискованныхъ якобы у боксерскихъ министровъ.

Сослуживцы мои еще какъ будто бы не оправились отъ пережитыхъ испытаній, хотя были полны самодовольствія и, видимо, гордились тѣмъ, что вся Европа узнала ихъ имена. Но общее несчастіе ихъ мало сблизило, а, наоборотъ, повело къ ссорамъ, взаимному охлажденію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ упадку дисциплины. Такъ, директоръ банка Покотиловъ поссорился съ младшими служащими, не захотѣвшими подчиняться его приказаніямъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что служащіе обратились къ посланнику, который предложилъ имъ перебраться въ миссію. Самъ Покотиловъ, послѣ уничтоженія банка, переѣхалъ въ англійскую миссію, гдѣ устроились и остальные наши соотечественники. Среди спасенныхъ русскихъ, мужественно перенесшихъ осаду, находился служащій китайской таможни Н. А. Коноваловъ. Онъ состоялъ личнымъ секретаремъ сэра Р. Харта и пользовался исключительнымъ довѣріемъ и расположеніемъ своего шефа.

Матеріальныя условія жизни были, несмотря на освобожденіе, довольно неблагопріятны—провизію всю пріѣли, а свѣжая подвозилась по рѣкѣ и достигала Пекина на 10-й день, такъ какъ джонки реквизированы для военныхъ надобностей. Вина, впрочемъ, осталось довольно, такъ какъ запасы были значительные. Мнѣ жаловались также на отсутствіе китайскихъ слугъ. Большинство разбѣжалось въ самомъ началѣ осады, въ убѣжденіи, что боксеры возьмутъ верхъ. Нѣкоторые кули изъ миссіи служили у боксеровъ и, конечно, боялись вернуться въ кварталъ.

О бѣжавшемъ китайскомъ Дворѣ имѣлись сбивчивыя свѣдѣнія. По одной версіи, Дворъ уѣхалъ на сѣверъ черезъ городъ Хуайлай, по другой—Императрица и Императоръ бѣжали въ Баодинфу. Говорили, что конечнымъ пунктомъ путешествія Двора является Сианьфу въ провинціи Шэнси. Во всякомъ случаѣ, удаленіе правительства поста-

вило союзниковъ въ затруднительное положеніе, лишивъ ихъ средствъ воздѣйствія на китайцевъ. Конечно, многіе предвидѣли, что китайское правительство не станетъ дожидаться иностранныхъ войскъ; къ тому же, былъ прецедентъ войны 1860 г., когда Богдыханъ Сян-фынь, при наступленіи французовъ и англичанъ, бѣжалъ въ Жохэ. Въ пекинскомъ обществѣ во время моего пребыванія ходили самые невѣроятные слухи. Измышляли разныя фантастическія комбинаціи, причемъ, по смѣлости замысла, посланники занимали не послѣднее мѣсто. Одни предлагали погоню за Дворомъ и возвращеніе его силою въ Пекинъ. Другіе, болѣе радикальные, настаивали на отреченіи Императора и Богдыханши и на назначеніи регента, причемъ указывали на князя Цина, на князя Су, на Лихунчжана и на Юаньшикая, какъ на подходящихъ кандидатовъ. Были сторонники полнаго упраздненія китайскаго правительства и раздѣла Китая между державами. Даже такой китаефилъ, какъ нашъ генеральный консулъ П. С. Поповъ, стоялъ за самыя радикальныя мѣры, вродѣ отреченія Богдыхана и контроля Европы. Дипломаты были особенно возбуждены противъ вдовствующей Императрицы, которую не безъ основанія считали главною виновницей катастрофы. Всѣ единодушно твердили, что ее ужъ никакъ нельзя допустить водвориться въ Пекинѣ. Наибольшее озлобленіе проявляли перенесшіе осаду, такъ что военнымъ приходилось сдерживать кровожадныя стремленія штатскихъ. Было извѣстно, что въ окрестностяхъ находятся нѣкоторые китайскіе сановники, въ числѣ ихъ князь Цинъ и Лян-фанъ, и дипломаты надѣялись войти черезъ нихъ въ сношенія съ Дворомъ.

Лица, знакомыя съ положеніемъ дѣлъ, разсчитывали на Лихунчжана, уже выручавшаго правительство изъ бѣды, да и мнѣ казалось, что дѣло безъ него не обойдется. Военные были иного мнѣнія и не видѣли необходимости въ переговорахъ—Тяньцзиномъ вѣдь управляли трое полковниковъ, и справлялись недурно. Пекинъ также былъ подъ военнымъ управленіемъ: здѣсь распоряжались генералы Гезли, Фрей, Фукушима, Линевичъ и Чаффи. Почему не сохранить такой порядокъ въ будущемъ? Дипломаты, конечно, не раздѣляли этой точки зрѣнія. Они, впрочемъ, уже отошли на второй планъ и начинали роптать на своихъ спасителей. Кромѣ того, въ Пекинѣ были смущены предстоявшимъ пріѣздомъ графа Вальдерзэ и его намѣреніями. Думали, что нѣмцы захотятъ продолжать кампанію, чтобы оправдать посылку экспедиціи, и что это задержитъ улаженіе кризиса. Предвидѣли также, что Германія захочетъ играть первую роль и попытается использовать моментъ, чтобы занять преобладающее положеніе на Дальнемъ Востокѣ, подобно тому, какъ она это сдѣлала на Ближнемъ.

Во время нѣсколькихъ дней пребыванія Алексѣева въ Пекинѣ,

между нимъ и посланникомъ происходилъ неоднократный обмѣнъ мыслей касательно общаго положенія и предстоявшихъ переговоровъ. Не скажу, чтобы болѣе близкое знакомство этихъ лицъ способствовало ихъ сближенію, по крайней мѣрѣ, судя по слышаннымъ мною отрывочнымъ сужденіямъ.

Посланникъ отнесся критически къ политической дѣятельности адмирала. Такъ, онъ не одобрилъ его распоряженія касательно устройства временныхъ правительствъ въ Тянцзинѣ и въ Инкоу. Взятіе Таку, по его мнѣнію, повело къ пекинской осадѣ. Военные и моряки будто бы добивались въ данномъ случаѣ не столько освобожденія попавшихъ въ плѣнъ, сколько отличій. Что касается Алексѣева, то онъ охарактеризовалъ посланника, какъ человѣка нерѣшительнаго и недальновиднаго, не сумѣвшаго предусмотрѣть событій.

Узнавъ о прибытіи князя Цина въ Пекинъ, посланникъ рѣшилъ вступить съ нимъ въ переговоры. Для веденія таковыхъ нужно было остаться въ Пекинѣ, между тѣмъ, въ виду бѣгства китайскаго правительства, посланнику повелѣвалось выѣхать въ Тянцзинъ. Какъ уже было сказано, г. Гирсъ отложилъ отъѣздъ, чтобы повидаться съ княземъ Циномъ, съ коимъ удалось установить конфиденціальныя сношенія, при посредствѣ Колесова, отправленнаго на развѣдки. Цинъ пріѣхалъ въ миссію инкогнито, въ закрытой телѣгѣ, вѣрно, опасаясь союзниковъ. Онъ сообщилъ, что назначенъ уполномоченнымъ, и что ему дано право остановить враждебныя дѣйствія; онъ уже вызвалъ Лихунчжана, который назначенъ вторымъ уполномоченнымъ. Цинъ просилъ Гирса не уѣзжать, ибо въ его отсутствіи трудно начать переговоры. Вообще, китайцы были смущены рѣшеніемъ нашего правительства отозвать миссію. Багажъ, между тѣмъ, былъ уложенъ, во дворѣ стояли военныя двуколки, въ Тунчжоу заготовлены были лодки, а отъѣздъ откладывался со дня на день. Секретари и члены миссіи не раздѣляли нерѣшительности начальства и рвались вонъ изъ опостылѣвшей китайской столицы.

Видя, что такое выжидательное состояніе можетъ затянуться, я простился съ посланникомъ и выѣхалъ 31-го августа. Вмѣстѣ со мной отправился учитель русскаго языка въ китайскомъ университетѣ Бородавкинъ. Мы добрались верхомъ до Тунчжоу, гдѣ пришлось остановиться для закупки провизіи и для снаряженія лодки. Въ городѣ стояли французы, японцы и небольшіе отряды прочихъ союзниковъ. У еврея-маркитанта мы достали жестянку съ консервами и пива. Французы снабдили насъ хлѣбомъ, а матросъ, который долженъ былъ плыть съ нами, раздобылъ курицу. Путешествіе по Пейхо совершилось безъ приключеній. На рѣкѣ было сильное движеніе лодокъ, занятыхъ военными

грузами. Лодки шли на бичевѣ, которую тянули кули. Китайцы исполняли эту работу весьма неохотно и при первомъ недосмотрѣ обращались въ бѣгство, оставляя лодку на произволъ судьбы. Солдаты ихъ ловили и опять принуждали къ работѣ. Мнѣ пришлось видѣть довольно-таки жестокую сцену, какъ нѣсколько лодочниковъ, пытавшихся бѣжать, было разстрѣляно. На другой день мы добрались до Янцуна, гдѣ остановились на ночлегъ. Здѣсь я встрѣтилъ чиновника нашего министерства Рудановскаго, только что прибывшаго изъ Петербурга. Онъ объяснилъ, что присланъ къ Алексѣеву, но что послѣдній посовѣтовалъ ему ѣхать въ Пекинъ, гдѣ недостатокъ рабочихъ рукъ.

Пріѣхавъ въ Тянцзинъ, я вступилъ въ управленіе консульствомъ. Управлять, однако, пришлось недолго, ибо вскорѣ получено было извѣстіе о выѣздѣ Лихунчжана изъ Шанхая, и Алексѣевъ поручилъ мнѣ приготовиться къ встрѣчѣ этого сановника и къ пріисканію для него подходящаго помѣщенія. Такъ какъ кумирни и правительственныя зданія въ Тяпцзинѣ были разрушены, или же находились подъ юрисдикціей временнаго правительства, то я обратился къ генералу Церпицкому, квартировавшему со своимъ штабомъ во дворцѣ Хайфангунсо. Генералъ согласился отдѣлить для китайцевъ нѣсколько павильоновъ.*)

Я уже упоминалъ о Церпицкомъ. Придя въ Таншань, этотъ генералъ началъ съ того, что арестовалъ китайскихъ инженеровъ, завѣдывавшихъ эксплоатаціей копей, и подвергъ ихъ тѣлесному наказанію, по подозрѣнію въ приверженности къ боксерамъ.

---

*) Дворецъ былъ построенъ для вдовствующей Императрицы Лихунчжаномъ.

ГЛАВА XX.

Прiѣздъ Лихунчжана. Его свиданiе съ адмираломъ Алексѣевымъ.

Лихунчжанъ долженъ былъ выѣхать изъ Шанхая еще въ августѣ, но медлилъ съ отъѣздомъ, не зная, какой прiемъ будетъ ему оказанъ со стороны державъ, и въ особенности Германiи. Шанхайская пресса, подражая оффицiальнымъ сферамъ, отнеслась къ Лихунчжану и къ возложенной на него миссiи довольно холодно. Новый посланникъ Германiи баронъ фонъ-Муммъ, хотя и принялъ китайскаго сановника, но убѣждалъ его отложить отъѣздъ до прибытiя фельдмаршала графа Вальдерзэ.

Между тѣмъ, въ виду неудачи переговоровъ о сдачѣ Бейтанскихъ фортовъ, Алексѣевъ отправился изъ Тянцзина въ Тонгку, чтобы лично руководить операцiями противъ этой крѣпости, поручивъ мнѣ встрѣтить Лихунчжана и сговориться съ нимъ относительно дальнѣйшихъ его намѣренiй. Я завтракалъ на броненосцѣ „Сисой Великiй" у адмирала Веселаго, когда показался пароходъ „Анпинъ", на которомъ находилась китайская делегацiя. „Анпинъ" прошелъ мимо союзной эскадры и бросилъ якорь недалеко отъ нашего броненосца. Я сѣлъ съ капитаномъ Брусиловымъ на катеръ, который подвезъ насъ къ трапу китайскаго парохода. Лихунчжанъ принялъ насъ въ салонѣ, окруженный чиновниками въ парадныхъ курмахъ и въ шапкахъ, украшенныхъ синими и бѣлыми шариками.

Я не видѣлъ Лихунчжана съ 1891 года и нашелъ его сильно одряхлѣвшимъ. [1]) Онъ выглядѣлъ апатичнымъ и держалъ себя безъ свойственнаго ему высокомѣрiя. Поблагодаривъ за привѣтствiе, Ли спросилъ, извѣстно ли мнѣ, что русское правительство обѣщало ему покровительство и защиту. Я заявилъ, что командированъ адмираломъ Алексѣевымъ, чтобы помочь ему при высадкѣ и дальнѣйшемъ слѣдованiи въ Тянцзинъ, и что наши военныя власти сдѣлаютъ все, чтобы

---

[1]) Въ 1891 году Лихунчжанъ занималъ постъ Чжилiйскаго вице-короля и пользовался большимъ влiянiемъ на тогдашнее правительство вдовствующей Императрицы и молодого Богдыхана. Я встрѣтилъ его у нашего консула въ Тянцзинѣ, съ которымъ онъ велъ переговоры по порученiю нашей дипломатической миссiи. Онъ уже тогда былъ немолодъ, но поразилъ меня своимъ живымъ умомъ и умѣнiемъ подмѣтить слабыя стороны противника.

облегчить ему его миссію. Затѣмъ Ли поинтересовался узнать, дѣйствуетъ ли Алексѣевъ по соглашенію союзныхъ державъ, или же по приказанію лишь нашего правительства. Ли, видимо, побаивался союзниковъ и пріема, который ему будетъ оказанъ въ Тянцзинѣ. Пришлось отвѣтить, что по этому вопросу не могло быть особаго соглашенія, но что мы, распоряжаясь дорогой, беремъ на себя доставленіе его въ Тянцзинъ, гдѣ помѣстимъ его и его свиту во дворцѣ Хайфангунсо. На вопросъ Ли, кто, кромѣ русскихъ, занимаетъ дворецъ, и есть ли мебель и вещи, я заявилъ, что никого, кромѣ русскихъ, нѣтъ; что же касается мебели и вещей, то ему, вѣрно, извѣстно, что боксеры много разграбили.

Узнавъ, что мы дадимъ ему конвой изъ 30 казаковъ при двухъ офицерахъ, Ли выразилъ опасеніе, что этого недостаточно. Онъ спросилъ также, будутъ ли казаки охранять его имущество, такъ какъ онъ слыхалъ, что это народъ ненадежный въ отношеніи чужой собственности. Онъ поинтересовался, также, гдѣ находится посланникъ, намѣренъ ли онъ остаться въ Пекинѣ, и видѣлся ли онъ съ княземъ Циномъ. Онъ-де знакомъ съ г. Гирсомъ и радъ возобновить съ нимъ переговоры.

Въ салонѣ присутствовали состоявшій при Ли докторъ Маркъ изъ Кантона и секретарь Цзэнъ, племянникъ извѣстнаго дипломата, маркиза Цзэнъ. Въ заключеніе Ли спросилъ, можетъ ли онъ везти съ собою свиту и багажъ, причемъ передалъ списокъ того и другого. Оказалось, что съ Ли ѣдетъ всего около 300 человѣкъ офицеровъ, солдатъ и секретарей, 30 поваровъ и 70 слугъ. Что касается багажа, то въ числѣ таковаго имѣлось оружіе и двѣ пушки.

Вскорѣ послѣ моего визита, „Анпивъ" направился въ Тонгку и остановился у пристани, недалеко отъ адмиральской яхты „Богатырь". Рано поутру я навѣстилъ Алексѣева, у котораго засталъ Покотилова, пріѣхавшаго изъ Тянцзина. Онъ уже успѣлъ повидаться съ Лихунчжаномъ и собирался ѣхать въ Шанхай. Свиданіе Лихунчжана съ Алексѣевымъ состоялось въ тотъ же день на канонеркѣ „Маньчжуръ". Лихунчжанъ проѣхалъ въ носилкахъ до пристани, гдѣ его встрѣтили наши моряки подъ начальствомъ барона Шиллинга и доставили къ „Маньчжуру" на катерѣ. На берегу толпились только что высадившіеся германскіе солдаты, которые съ интересомъ смотрѣли на невиданную процессію китайскихъ мандариновъ и сопровождавшихъ ихъ въ яркихъ нарядахъ тѣлохранителей. Нѣмцы удивились, почему нами оказывается китайцамъ такой почетъ. Нѣмецкій лейтенантъ, стоявшій на пристани, довольно грубо выразилъ свое недоумѣніе по поводу того, что наши офицеры надѣли парадную форму для встрѣчи такого субъекта.

Лихунчжанъ и его сынъ Ли, во дворцѣ Хайфангунсо.

Алексѣевъ, капитанъ Эбергардъ, Тидеманъ и я встрѣтили Лихунчжана на палубѣ. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы пригласили китайцевъ въ капитанскую рубку, гдѣ было предложено угощеніе. Разговоръ зашелъ о событіяхъ, вызвавшихъ назначеніе Ли на прежній генералъ-губернаторскій постъ въ Тянцзинѣ. Ли, не стѣсняясь, осуждалъ китайское правительство и бранилъ вожаковъ движенія—князей Дуана, Лана, Цзяошуцзяо и другихъ „безумцевъ и дураковъ", какъ онъ ихъ назвалъ, навлекшихъ анархію на страну. Онъ сообщилъ, что на улучшеніе нынѣшнихъ обстоятельствъ мало надежды, ибо весьма немногіе изъ высшихъ сановниковъ понимаютъ истинное положеніе Китая среди другихъ державъ. Онъ находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Дворомъ, который пока поселился въ Тайюаньфу, но, вѣрно, отправится дальше. Издаваемые тамъ указы показываютъ, что настроеніе правительства мало измѣнилось. Зачинщики безпорядковъ продолжаютъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ, и ничто не даетъ повода думать, что такой порядокъ улучшится. Ли прибавилъ, что онъ представилъ докладъ о необходимости наказать виновниковъ смуты, но отвѣта не получилъ[1]).

Затѣмъ Ли попросилъ Алексѣева повліять на союзниковъ, дабы они отказались отъ намѣренія атаковать Бейтанъ, который готовъ сдаться на капитуляцію. Адмиралъ возразилъ, что переговоры съ комендантомъ Бейтава ни къ чему не привели, что занятіе этой крѣпости находится въ связи съ прочими военными операціями, и что, если мы откажемся отъ участія въ занятіи, то крѣпость все же будетъ взята союзниками. Ли просилъ не начинать атаки, пока онъ не пришлетъ коменданту приказа о сдачѣ, что будетъ сдѣлано въ тотъ же день. Адмиралъ согласился на эту просьбу.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на маньчжурскія дѣла. Лихунчжанъ рѣзко порицалъ образъ дѣйствія китайскихъ властей, не сумѣвшихъ сохранить порядокъ и защитить желѣзную дорогу отъ разрушенія. Ли, повидимому, не былъ освѣдомленъ о послѣднихъ событіяхъ въ Маньчжуріи, и наши извѣстія были болѣе свѣжія. Говоря о предстоящемъ походѣ на Мукденъ, Ли настойчиво просилъ не занимать этого города, „имѣющаго священное значеніе въ глазахъ китайцевъ, подобное тому, какое Москва имѣетъ для русскихъ". Алексѣевъ объяснилъ, что наше правительство вовсе не желаетъ оскорблять національныхъ чувствъ китайцевъ, и что, конечно, Мукденъ не будетъ занятъ силою, если

[1]) Тайюаньфу, столица провинціи Шанси, лежащей на западъ отъ Чжили. Здѣсь произошло главное избіеніе миссіонеровъ по приказу губернатора Ю-сяня. Казнено было, послѣ предварительныхъ пытокъ, нѣсколько десятковъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Число казненныхъ китайцевъ-христіанъ неизвѣстно.

цзянцзюнь исполнитъ требованія военныхъ властей. Ли все же просилъ передать его просьбу относительно Мукдена въ Петербургъ. Съ своей стороны, адмиралъ спросилъ, имѣютъ ли маньчжурскіе цзянцзюни самостоятельное право вести переговоры о сдачѣ стратегическихъ пунктовъ и вообще заключать военно-политическія соглашенія. Ли отвѣтилъ въ положительномъ смыслѣ, заявивъ, что цзянцзюни уполномочены вести переговоры съ русскими, и что соглашенія ихъ будутъ признаны китайскимъ правительствомъ[1]). Разставаясь съ китайцами, Алексѣевъ предупредилъ, что на другой день Ли и его свита будутъ доставлены въ экстренномъ поѣздѣ въ Тянцзинъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, завѣренія Лихунчжана не были закрѣплены на письмѣ, и онъ впослѣдствіи отъ нихъ отрекся.

ГЛАВА XXI.

Взятіе фортовъ Бейтана. Я сопровождаю Лихунчжана въ Тянцзинъ.

Въ этотъ день на „Богатырѣ“ собралось многочисленное общество. Кромѣ офицеровъ полевого штаба, были генералы Церпицкій, Келлеръ, Волковъ и Штакельбергъ, полковники Флугъ, Борисовъ, Агапѣевъ, Генкэ, Самойловъ, капитанъ Доможировъ и нѣсколько моряковъ. Предстояла атака Бейтана, и наши стратеги составляли диспозицію боя. Было какъ-то странно слушать эти разсужденія послѣ обѣщанія Лихунчжану не атаковать Бейтанъ. Часовъ въ 10 я ушелъ вмѣстѣ съ Тидеманомъ ночевать на пароходъ „Викторія“, стоявшій у пристани рядомъ съ „Богатыремъ“. Меня разбудилъ гулъ близкой канонады; стрѣляли, какъ оказалось, въ Бейтанѣ. Канонада то ослабѣвала, то усиливалась. Часовъ въ пять утра матросъ принесъ записку отъ Алексѣева съ сообщеніемъ, что стрѣльба открыта была китайцами, принявшими движеніе германскаго отряда за атаку. Адмиралъ поручилъ мнѣ скорѣе увезти Ли изъ Тонгку, такъ какъ пребываніе его здѣсь, въ виду возобновленія военныхъ дѣйствій, неудобно.

Немного погодя, я явился на „Анпинъ“, гдѣ былъ встрѣченъ тревожными разспросами по поводу Бейтана. Лихунчжанъ, видимо, раздраженный, сталъ говорить, что имъ уже было приказано коменданту Бейтана сдать крѣпость безъ боя, и что онъ удивляется, что мы нарушили свое обѣщаніе.

Взятіе Бейтана послужило поводомъ къ сочиненію офицерами полевого штаба юмористической поэмы, которая ходила по рукамъ въ Портъ-Артурѣ*). Однимъ изъ авторовъ поэмы считался помощникъ полков-

---

*) Бейтаніада.

Алексѣевъ замотался,
По дорогѣ задержался,
Въ Пекинъ опоздалъ,
И взяла его досада—
Что-нибудь да взять-то надо,
А не то скандалъ.
Онъ къ Самойлову съ вопросомъ.
Тотъ въ отвѣтъ: „Бейтанъ подъ носомъ,
Что жъ, возьмемъ его.
Всѣмъ намъ надо отличиться
И къ наградамъ примоститься;
Нѣтъ вѣдь ничего...

Къ намъ наѣхало не мало,
Вплоть до чина генерала—
Всѣмъ вѣдь надо дать.
Коль Бейтанъ теперь пропустимъ,
То награды всѣ упустимъ:
Надо его взять.“
Цѣлы ночи всѣ не спали,
Диспозиціи писали,
Какъ бы поумнѣй,
Всѣ совѣты подавали,
О Георгіяхъ мечтали,
Мало имъ мечей.

ника Флуга, подполковникъ Самойловъ. Этотъ офицеръ выдѣлялся на довольно сѣромъ фонѣ алексѣевскаго штаба, благодаря живому уму и независимости сужденій. Несмотря на невысокій чинъ, съ нимъ считались не только сослуживцы, но и высшее начальство, которое, кажется, побаивалось его шутокъ и мѣткой критики. Если Самойловъ былъ цѣннымъ человѣкомъ въ будничной, часто пошловатой атмосферѣ Артура, то мы еще больше оцѣнили его простоту и искренность въ обстановкѣ походной жизни.

Я успокоилъ Ли и предложилъ ему ѣхать. Посадка китайцевъ прошла не безъ хлопотъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе любопытства нѣмецкихъ и американскихъ солдатъ, державшихъ себя довольно нахально; американскій унтеръ-офицеръ даже занялся фотографированіемъ, причемъ вошелъ въ вагонъ и всталъ съ аппаратомъ прямо передъ Ли, сидѣвшимъ въ креслѣ. Хотя около поѣзда стоялъ нашъ караулъ, но онъ не могъ помѣшать любопытнымъ солдатамъ глазѣть на китайцевъ, которые жались по угламъ и, видимо, робѣли. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда поѣздъ тронулся. Въ вагонѣ, кромѣ членовъ китайскаго посольства, оказался директоръ общества Кайпинскихъ угольныхъ копей Чжанимао и комиссаръ морской таможни въ Цинвандао Детрингъ, которые просили меня разрѣшить имъ сопровождать Лихунчжана.

Высадка въ Тянцзинѣ прошла гладко, несмотря на то, что станція была запружена толпой европейцевъ и китайцевъ, пришедшихъ

Наконецъ, приказъ отдали
И по пунктамъ расписали,
Кто куда идетъ:
Адмиралъ лишь руководитъ,
Штакельбергъ же полководитъ,
А Церпицкій претъ.
Доможировъ обстрѣляетъ,
Флугъ пусть съ тыла налетаетъ
И беретъ Лутай.
Тахателовъ ставитъ пушки,
А Самойловъ для игрушки
Связью заправляй.
Келлеръ роетъ кучу шанцевъ,
Генкэ водитъ иностранцевъ,
Хоть въ нихъ пользы нѣтъ.
А „моментовъ", что тутъ были,
По колоннамъ разсадили,
Пусть даютъ совѣтъ. . .
Былъ Борисовъ данъ барону
(Штакельбергъ. *Авт.*)
Провести его колонну
Прямо на Бейтанъ.
Но историкъ растерялся
По дорогѣ заплутался,
Хоть и не былъ пьянъ.
А вѣдь мужъ-то онъ ученый
И въ стратегіяхъ смышленый,
Тутъ же маху далъ.
Не случись тутъ Ознобишинъ,
Хоть и былъ онъ, въ общемъ, лишенъ—
Былъ бы „гроссъ-скандалъ."
. . . .
. . . .
Претенденту жъ на корону,
Принцу Донъ Хаймэ Бурбону,
Тоже дали роль;
Хоть онъ принцъ полуночтенный,
Все же Донъ-Кихотъ отмѣнный,
Шалый, ma parole.
Ночью сунулись безъ броду
И попали или въ воду,
Или на фугасъ—
А китайцы ждали, ждали
И съ Бейтана убѣжали,
Не дождавшись насъ...
Вотъ какъ взятъ Бейтанъ былъ нами,
Портъ-артурскими орлами!
Такъ же палъ Лутай.
А въ реляціи о боѣ
Оказались всѣ герои—
Всѣмъ Егорья дай.

взглянуть на Лихунчжана. Я поручилъ китайцевъ консулу Поппе и нашимъ офицерамъ Григорьеву и Родкевичу, командовавшимъ конвоемъ, а самъ занялся ящиками съ серебряными слитками. Ихъ было на нѣсколько сотъ тысячъ ланъ, и Лихунчжанъ боялся за ихъ цѣлость. Благодаря распорядительности ротмистра князя Волконскаго, состоявшаго при генералѣ Линевичѣ, удалось найти часовыхъ. Для охраненія китайскихъ солдатъ при слѣдованіи черезъ городъ, я приставилъ къ нимъ русскихъ стрѣлковъ. Самъ я былъ такъ измученъ хлопотами, что отправился въ консульство перекусить и отдохнуть. Когда я къ вечеру пріѣхалъ въ Хайфангунсо—взглянуть, какъ устроился Лихунчжанъ, то засталъ тамъ полную анархію. Китайцы оглушили меня жалобами, что имъ отведено слишкомъ мало мѣста, что ихъ окружили часовыми и никуда не выпускаютъ, что нѣтъ ни постелей, ни топлива, ни воды, ни пищи. Больше всѣхъ бушевалъ маленькій Цзэнъ, о которомъ я уже упоминалъ. Наши офицеры также были недовольны, заявивъ, что за китайцами не услѣдишь, ибо они поминутно выходятъ и принимаютъ много постороннихъ, и что при такихъ условіяхъ нельзя производить охраны. Я просилъ коменданта полковника Бема отвести Лихунчжану еще нѣсколько зданій, такъ какъ двухъ домовъ для 300 человѣкъ было дѣйствительно недостаточно. Бемъ заартачился, говоря, что помѣщеніе отведено генераломъ Церпицкимъ, и что онъ не можетъ нарушить его распоряженій. Онъ смотрѣлъ на Лихунчжана, какъ на военноплѣннаго, и не могъ понять, почему я хлопочу объ его комфортѣ. Потребовались долгія препирательства, чтобы добиться открытія еще двухъ дворовъ. Устроивъ это дѣло, мы отправились на ближайшій дровяной складъ, гдѣ достали досокъ и козелъ для устройства кроватей и угля для варки пищи. Я просилъ нашихъ офицеровъ не слишкомъ строго слѣдить за китайцами и дать имъ возможность устроиться.

Дворецъ, гдѣ помѣстился Лихунчжанъ, состоялъ изъ множества отдѣльныхъ павильоновъ, одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ корпусовъ, съ цвѣтными черепичными крышами, колоннадами и галлереями. Посрединѣ этого лабиринта павильоновъ и дворовъ возвышался большой раскрашенный полуевропейскій театръ. Отдѣльныя помѣщенія, или „дяни“, раздѣлены были мощеными дворами, корридорами и крытыми проходами. Дворецъ мало пострадалъ отъ бомбардировки. Къ сожалѣнію, боксеры и союзники успѣли похозяйничать. Изъ мебели уцѣлѣли лишь рѣзные диваны, изъ которыхъ наши солдаты кое-гдѣ выколупали инкрустаціи. Слуги разбѣжались, исключая стараго привратника. Поблагодаривъ меня за хлопоты, Лихунчжанъ захотѣлъ осмотрѣть дворецъ. Мы обошли всѣ дворы; Лихунчжана несли въ носилкахъ, останавливаясь передъ запертыми дверями, ибо ключей не оказалось. Ли съ добро-

душной иронiей замѣтилъ, что онъ видитъ, что дворецъ хорошо охраняется, и убѣжденъ, что его вещи уцѣлѣли.

На другой день Алексѣевъ прiѣхалъ съ отвѣтнымъ визитомъ къ Лихунчжану. Въ разговорѣ онъ сообщилъ о рѣшенiи нашего правительства отозвать русскiя войска изъ Чжили. Ли не скрылъ своего удовольствiя, заявивъ, что телеграфируетъ Богдыхану столь радостную новость. „Я доволенъ", замѣтилъ онъ, „что переговорилъ съ вами, адмиралъ; вы такъ вѣрно оцѣниваете положенiе вещей и такъ благожелательны къ Китаю. Хорошо было бы, если бы вы могли принять участiе въ дальнѣйшихъ переговорахъ". Адмиралъ скромно отвѣтилъ, что его роль—военное командованiе, но что онъ желалъ бы содѣйствовать возстановленiю русско-китайской дружбы.

Послѣ объясненiй по поводу бейтанскаго инцидента, зашла рѣчь о желѣзной дорогѣ Тонгку-Шанхайгуань. Лихунчжанъ просилъ Алексѣева объ оставленiи линiи въ рукахъ китайцевъ, хотя бы подъ русскимъ контролемъ, и о принятiи мѣръ къ охранѣ угольныхъ копей въ Таншанѣ. Алексѣевъ отвѣтилъ, что, такъ какъ дорога нужна для военныхъ цѣлей, то не можетъ быть рѣчи о сохраненiи китайской администрацiи, но что по возстановленiи порядка дорогу возвратятъ Китаю. Что касается Таншаня, то адмиралъ обѣщалъ распорядиться, чтобы наши войска, буде они первыми достигнутъ этого мѣста, не трогали копей и частнаго имущества. Ли, съ своей стороны, далъ обѣщанiе, что сами китайцы будутъ охранять дорогу и копи. Заявленiе Алексѣева подѣйствовало успокоительно на Ли, и въ особенности на Чжанимао, принимавшаго участiе въ разговорѣ. Названныя лица заинтересованы были въ копяхъ, въ копхъ помѣщены крупные китайскiе капиталы. Пробывъ у Лихунчжана около часа, Алексѣевъ уѣхалъ въ Таку, оставивъ меня въ качествѣ комиссара при этомъ сановникѣ.

По поводу дороги слѣдуетъ замѣтить, что китайцы да и иностранцы были, повидимому, убѣждены, что мы захотимъ удержатъ ее за собою. Такъ, начальникъ эксплоатацiи англiйскiй инженеръ Фоли просилъ меня рекомендовать его Алексѣеву для поступленiя на русскую службу, такъ какъ дорога, вѣроятно, останется за Россiей, причемъ заявилъ, что готовъ подчиниться всѣмъ нашимъ требованiямъ. Между тѣмъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ считало, что мы не имѣемъ па дорогу ни малѣйшаго права и должны возвратить ее Китаю, т.-е., въ сущности, англичанамъ.

Обсуждая занятую нами позицiю, особенно въ такой моментъ, когда у Россiи были всѣ козыри въ рукахъ, Алексѣевъ приписывалъ ее малодушiю нашихъ дипломатовъ. По его мнѣнiю, Англiя протестовала больше для формы, чѣмъ по существу, и, если бы мы проявили

твердость, она пошла бы на компромиссъ по всѣмъ вопросамъ, въ частности и по вопросу о дорогѣ. Алексѣевъ также негодовалъ по поводу нашего правительственнаго сообщенія отъ 19-го августа, гдѣ давалось обѣщаніе не присоединять къ Россіи какой-либо части китайской территоріи и вывести войска изъ Маньчжуріи [1]). При этомъ Алексѣеву вмѣнялось въ обязанность возстановить порядокъ, дабы обезпечить окончаніе желѣзной дороги, и предписывалось не вводить русскаго управленія въ занятой нами области. Въ Тяньцзинѣ русское сообщеніе вызвало недоумѣніе, смѣшанное съ недовѣріемъ, особенно среди иностранцевъ. Наши военные отнеслись къ нему недоброжелательно. „Зачѣмъ", говорили они, „брать на себя обязательство, котораго никто не требуетъ, и связывать свою свободу дѣйствій? Вѣдь всѣ убѣждены, что Россія этого обѣщанія не сдержитъ, даже если бы этого желала". Нѣкоторые иностранные дипломаты сравнивали рѣшеніе русскаго правительства эвакуировать Маньчжурію съ обѣщаніемъ Англіи очистить Египетъ. Въ Петербургѣ въ это время уже сказывался тотъ антагонизмъ во взглядахъ на наши задачи въ Китаѣ, въ Кореѣ и, въ частности, въ Маньчжуріи, который навлекъ на насъ впослѣдствіи войну съ Японіей.

Свиданіе съ Алексѣевымъ произвело хорошее впечатлѣніе на Лихунчжана. На другой день онъ спросилъ меня, будетъ ли адмиралъ принимать участіе въ общихъ переговорахъ о мирѣ. Я отвѣтилъ, что виды нашего правительства мнѣ неизвѣстны, но что переговоры будутъ вестись посланникомъ. Ли опять повторилъ, что участіе адмирала въ переговорахъ желательно въ обоюдныхъ интересахъ какъ Китая, такъ и Россіи, „ибо этотъ человѣкъ вѣрно понимаетъ положеніе, стоитъ за умѣренную политику и можетъ, кромѣ того, составить противовѣсъ фельдмаршалу Вальдерзэ". Онъ прибавилъ, что хочетъ

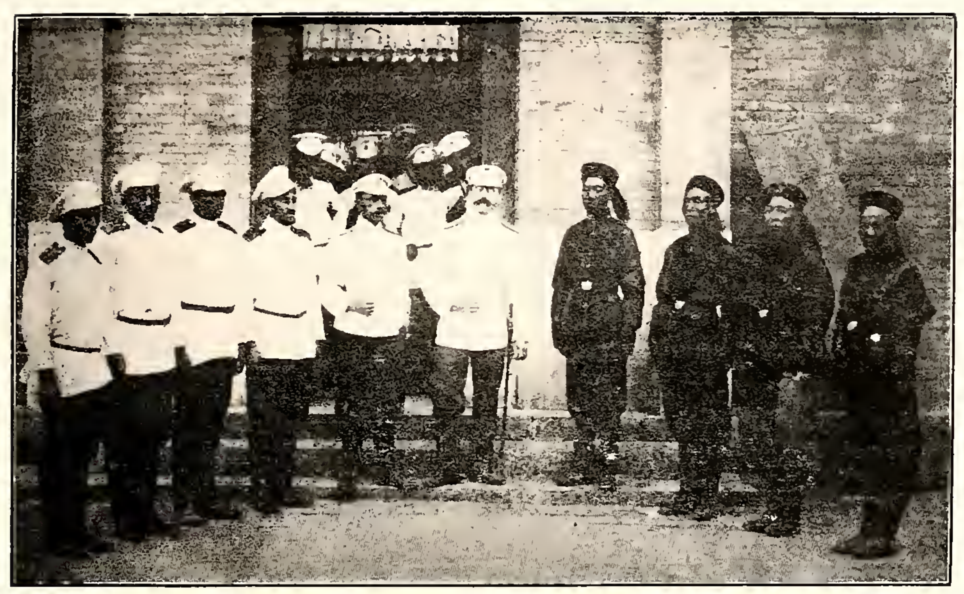
[1]) Секретная телеграмма военнаго министра адмиралу Алексѣеву. Получена въ Тяньцзинѣ 31 августа.

„Государь Императоръ приказалъ телеграфировать вамъ слѣдующее: согласно Высочайшей волѣ, мы не только не будемъ присоединять къ Россіи какой-либо части Китайской территоріи, но въ обнародованномъ 19-го августа правительствомъ сообщеніи сдѣлано заявленіе о выводѣ со временемъ нашихъ войскъ изъ Маньчжуріи, если образъ дѣйствія другихъ державъ не послужитъ къ тому препятствіемъ. Сообразно таковымъ Высочайшимъ рѣшеніямъ, вы должны направлять всѣ усилія къ скорѣйшему окончанію военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи и къ скорѣйшему возстановленію въ этой части Китая порядка и спокойствія. Главною задачею Россіи въ настоящее время въ Маньчжуріи становится продолженіе и окончаніе строющихся нами желѣзныхъ дорогъ; усилія ваши и ввѣренныхъ вамъ чиновъ должны быть направлены къ тому, чтобы обезпечить возстановленіе работъ и затѣмъ охранять производимыя работы. Пользуйтесь вашимъ правомъ предъявленія по военнымъ сообщеніямъ тѣхъ или иныхъ требованій къ строителямъ дороги съ большой осторожностью, чтобы не замедлить хода постройки. Русское управленіе въ занятыхъ нами мѣстностяхъ не должно быть вводимо. Успокаивайте и направляйте населеніе къ возобновленію мирнаго труда, наблюдайте, чтобы войска не допускали никакихъ насилій надъ населеніемъ. Съ послѣднимъ боевымъ выстрѣломъ жизнь туземцевъ, ихъ честь, имущество и обычаи должны быть неприкосновенны для нашихъ войскъ".

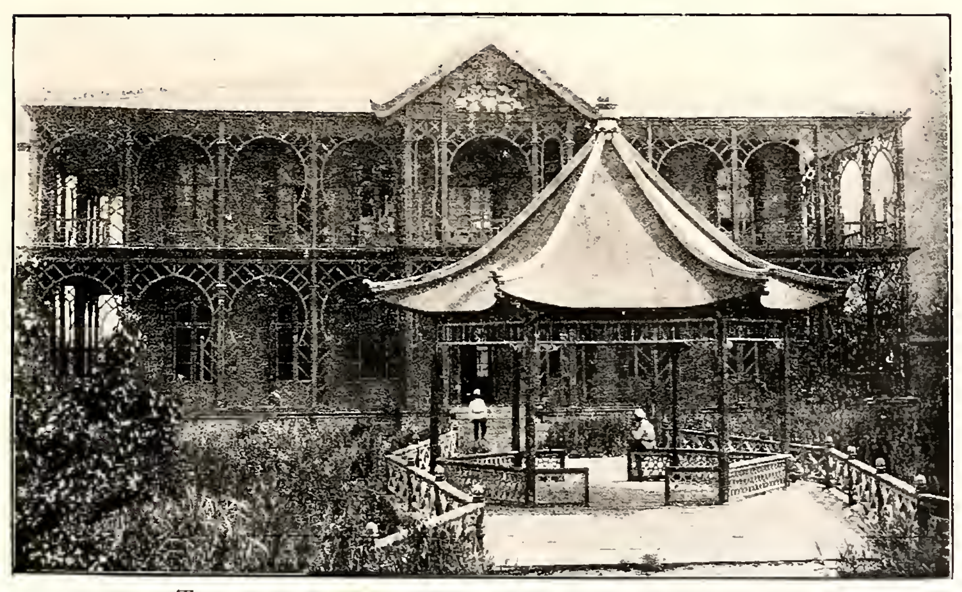
обратиться къ нашему правительству съ просьбою о привлеченіи адмирала къ переговорамъ. Я отговаривалъ его отъ такого шага, который будетъ безполезенъ и можетъ быть истолкованъ, какъ косвенное порицаніе дѣятельности г. Гирса. Однако, Ли тутъ же составилъ слѣдующую телеграмму китайскому посланнику въ Петербургѣ: ,,Послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ адмираломъ Алексѣевымъ я убѣдился, что это человѣкъ, понимающій необходимость поддержанія съ нами наилучшихъ отношеній. Благоволите обратиться довѣрительно къ его превосходительству министру иностранныхъ дѣлъ, дабы онъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ Всероссійскимъ Императоромъ, дабы онъ снабдилъ Алексѣева полномочіями и разрѣшилъ ему принять участіе въ переговорахъ, которые будутъ происходить въ Пекинѣ. Онъ можетъ составить, благодаря своей репутаціи и занимаемому положенію, противовѣсъ вліянію маршала Вальдерзэ. Въ виду большого довѣрія, оказывавшагося ему въ Россіи, я не сомнѣваюсь, что мое ходатайство встрѣтитъ полное сочувствіе со стороны его правительства. Адмиралъ мнѣ заявилъ, что всѣ русскіе солдаты, за исключеніемъ оставленныхъ для охраны Императорскаго дворца, уже эвакуированы изъ Пекина".

Не берусь судить, чѣмъ руководствовался въ данномъ случаѣ хитрый китайскій сановникъ, и считалъ ли онъ дѣйствительно, что участіе Алексѣева ускоритъ заключеніе мира и создастъ противовѣсъ графу Вальдерзэ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ просто хотѣлъ перессорить насъ съ Германіей, а адмирала—съ Гирсомъ, въ надеждѣ, что это поможетъ китайцамъ въ Маньчжуріи.

Предложеніе Лихунчжана совпало съ желаніемъ самого адмирала, который послѣ перваго свиданія на ,,Маньчжурѣ" поручилъ мнѣ позондировать китайцевъ и намекнуть, что назначеніе его уполномоченнымъ будетъ полезно для Китая.

Конвой Лихунчжана въ Тянцзинѣ. Въ центрѣ И. Коростовецъ и сотникъ Григорьевъ.

Театръ во дворцѣ Лихунчжана въ Тянцзинѣ.

ГЛАВА XXII.

Взглядъ Лихунчжана на положенiе дѣлъ. Его критика политики союзниковъ.

Сначала Лихунчжанъ предполагалъ ѣхать прямо въ Пекинъ, но затѣмъ рѣшилъ выждать прибытiя нашего посланника, а также, какъ потомъ оказалось, и графа Вальдерзэ. Я воспользовался задержкой, чтобы организовать его поѣздку, т.-е. снарядить лодки и достать людей. Такъ какъ желѣзная дорога была разрушена, то все грузовое и отчасти пассажирское движенiе совершалось по рѣкѣ Пейхо. Между тѣмъ, японцы и американцы стали предлагать китайцамъ свои услуги. Ли, однако, отклонилъ эти предложенiя, ибо разсчитывалъ на насъ, но согласился на то, чтобы его караванъ сопровождалъ американскiй офицеръ, въ видѣ почетнаго конвоя.

Съ прiѣздомъ Лихунчжана начался приливъ въ городъ китайцевъ, увидѣвшихъ въ его присутствiи гарантiю безопасности. Многiе изъ нихъ, вѣроятно, вообразили, что Ли тотчасъ же вступитъ въ отправленiе своихъ генералъ-губернаторскихъ обязанностей. Дворецъ Хайфангунсо сдѣлался мѣстомъ паломничества китайскихъ чиновниковъ, просителей, знакомыхъ и вообще всѣхъ, чаявшихъ какой-нибудь милости. Приходили даотаи, уѣздные и окружные начальники, купцы, банкиры и лица самыхъ разнообразныхъ профессiй, въ томъ числѣ немало иностранцевъ. Всѣ приходившiе записывались особымъ назначеннымъ мною китайцемъ. Я съ самаго начала старался ограничить приливъ публики, объяснивъ секретарю Лихунчжана Цзэну, что поступаю такъ въ интересахъ самихъ китайцевъ. Въ связи съ посѣщенiемъ иностранцевъ, уже возникли нѣкоторыя недоразумѣнiя, отражавшiяся на нашихъ отношенiяхъ. Вообще, слишкомъ близкое общенiе китайцевъ съ разными посѣтителями было тѣмъ болѣе нежелательно, что послѣ всякаго новаго посѣщенiя Ли обращался ко мнѣ съ претензiями и обвиненiями противъ русскихъ. Тотчасъ послѣ прiѣзда, Ли сдалъ въ Гонконгъ-Шанхайскiй банкъ свое серебро, около полумиллiона ланъ, отказавшись отъ услугъ нашего банка.

Вотъ выдержки изъ моего дневника, рисующiя тогдашнее положенiе.

10-го сентября. Постоянно возникаютъ какiе-нибудь мелкiе вопросы, требующiе моего вмѣшательства. Я ѣзжу въ Хайфангунсо на рикшѣ

или верхомъ, что отнимаетъ нѣсколько часовъ, такъ какъ дворецъ за рѣкою, и приходится проѣзжать по извилистымъ улицамъ китайскаго города. Хотя въ городѣ нѣтъ прежняго оживленія, китайцы, видимо, начинаютъ приспособляться къ иностранной оккупаціи: появились разносчики, продавцы съѣстныхъ припасовъ, кое-гдѣ открылись магазины. Всюду бродятъ европейскіе солдаты, не возбуждая больше, какъ бывало, всеобщей паники. Китайцы держатъ себя почтительно и даже подобострастно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляются развалины, и приспособляются фанзы для жизни. Китайское предмѣстье между французской концессіей и китайскимъ городомъ, откуда шла главная стрѣльба, очищается отъ мусора и планируется. Французскій консулъ, кажется, замышляетъ присоединить его къ концессіи. Временное правительство много сдѣлало для возстановленія порядка и успокоенія населенія. Военныя власти обращаются къ его посредству для найма рабочихъ, лодокъ, полученія провіанта и вообще для сношеній съ жителями. У меня возникло пререканіе съ временнымъ правительствомъ, но недоразумѣніе легко уладилось, благодаря знакомству съ секретаремъ, американцемъ Денби. Обязанности русскаго члена исполнялись барономъ Гинсбургомъ.

14-го сентября. Солдаты Лихунчжана произвели какое-то безчинство въ китайскомъ городѣ и были арестованы. Пришлось просить объ ихъ освобожденіи начальника полиціи, англичанина Моклера. Это подало поводъ совѣту временнаго правительства протестовать противъ пребыванія Ли въ Тянцзинѣ, а также привоза имъ оружія. Къ тому же, оказалось, что солдаты его раздаютъ жителямъ патроны. Чтобы предупредить дальнѣйшіе протесты, я запретилъ свитѣ Ли появляться въ формѣ, напомнивъ, что въ Тянцзинѣ — военная оккупація, и что мы можемъ ручаться за ихъ неприкосновенность, лишь пока они подъ нашею охраною. Временному правительству я заявилъ, что оружіе принадлежитъ русскимъ, а что при Ли состоятъ лишь чиновники и слуги. Китайцы почти ежедневно просятъ „хучжоу", т.-е. охранныя свидѣтельства для курьеровъ, посылаемыхъ ими въ Пекинъ или другіе пункты. Эти хучжоу приходится брать у нашихъ военныхъ властей. Не желая быть въ зависимости отъ союзниковъ, Ли устроилъ собственную почту между Тянцзиномъ и Пекиномъ.

Сегодня, *16-го сентября,* Ли сообщилъ мнѣ содержаніе Императорскаго указа отъ 12-го сентября, полученнаго изъ Сианьфу, о назначеніи суда надъ сановниками, виновными въ боксерскомъ возстаніи. Нѣсколько бэйле (князья) лишаются княжескаго званія. Князь Дуанъ отрѣшенъ отъ должности и лишенъ жалованья, остальные передаются для суда въ синбу (уголовный приказъ). Ли, повидимому, ожи-

даетъ отъ указа великихъ послѣдствій, въ смыслѣ улучшенія отношеній между Китаемъ и державами. Я нѣсколько охладилъ его оптимизмъ, если только таковой былъ искрененъ, замѣтивъ, что иностранные представители, вѣроятно, не удовольствуются платоническимъ осужденіемъ дѣйствій Пекинскаго Двора. „Но вѣдь нашъ Государь", возразилъ Ли, „уже принесъ извиненіе за убійство барона Кеттлера и секретаря Сугіямы и выразилъ намѣреніе, въ знакъ нашего раскаянія, командировать особыхъ уполномоченныхъ, которые совершатъ возліяніе на могилахъ погибшихъ. Вы знакомы съ китайскими нравами и обычаями и, конечно, знаете, какое значеніе придаютъ китайцы возліянію, совершаемому высшимъ сановникомъ отъ имени Богдыхана. Развѣ нашъ монархъ можетъ сдѣлать больше этого, не роняя своего достоинства?" Я отвѣтилъ, что вполнѣ понимаю значеніе возліянія, но что въ Европѣ смотрятъ на дѣло иначе и, повидимому, ожидаютъ иного удовлетворенія. Ли застучалъ палкою и съ напускнымъ раздраженіемъ воскликнулъ: „Я слышалъ, что посланники намѣрены требовать денежнаго вознагражденія и казни сановниковъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ. Неужто державы серьезно думаютъ принудить Китай къ такому унизительному шагу? Вѣдь сановники эти—маньчжуры, князья Императорскаго Дома и родственники Богдыхана. Не можетъ же Его Величество пожертвовать ими мщенію европейцевъ?" При этомъ Ли спросилъ, согласился ли бы кто-нибудь изъ европейскихъ государей подчиниться такому давленію другихъ державъ? „Если бы кто-нибудь изъ вашихъ великихъ князей совершилъ то, въ чемъ упрекаютъ князя Дуана, напримѣръ, великій князь Владимиръ Александровичъ, и если бы иностранцы потребовали его выдачи или казни, то какъ поступило бы русское правительство?" Я былъ нѣсколько смущенъ такимъ сравненіемъ и замѣтилъ, что я удивляюсь, что Ли, зная русскій Дворъ, приводитъ такія параллели, такъ какъ, если бы кто изъ нашихъ князей отважился бы дѣйствовать, какъ князь Дуанъ, то былъ бы наказанъ собственнымъ правительствомъ. „Вотъ именно!" подхватилъ Ли: „это какъ разъ то, что я думаю; нашъ Государь можетъ наказать князя Дуана самъ, но не обязанъ принимать какія-либо приказанія державъ."

Вообще, Ли любитъ озадачивать собесѣдника. Онъ циниченъ въ своихъ взглядахъ, невысоко цѣнитъ людей и, видимо, убѣжденъ, что всякаго можно купить—вопросъ лишь въ цѣнѣ. Говорить съ нимъ довольно непріятно: онъ очень раздражителенъ, повышаетъ голосъ и стучитъ тростью, особенно, когда ему противорѣчатъ. Въ физическомъ отношеніи онъ опустился; ходитъ съ трудомъ, опираясь на посохъ, и сильно кашляетъ. Нѣсколько разъ въ день принимаетъ лѣкарство и пьетъ бульонъ съ мадерою. Куритъ, однако, по-прежнему

неумѣренно, и состоящій при немъ слуга поминутно подноситъ ему трубку, которую предварительно раскуриваетъ.

Во время нашихъ свиданій почти всегда присутствуетъ язвительный Цзэнъ, добродушный докторъ Маркъ, упомянутый Чжанимао и переводчикъ, прозванный почему-то нашими офицерами Даліенванъ. За сосѣднимъ столомъ иногда сидитъ писецъ, записывающій наши бесѣды. Всѣ эти лица подобострастно выслушиваютъ своего принципала, не рѣшаясь дѣлать возраженій, кромѣ Цзэна, пользующагося привилегированнымъ положеніемъ. Ли очень упрямъ и не хочетъ понять, что онъ теперь—не прежній всемогущій канцлеръ, въ которомъ когда-то заискивали государственные дѣятели, и котораго чествовали европейскіе Дворы. Онъ забываетъ, что признали его одни лишь русскіе, остальные же его игнорируютъ, либо смотрятъ съ недовѣріемъ на его миссію. Впрочемъ, разговоры съ здѣшними резидентами его нѣсколько отрезвили, показавъ шаткость его положенія.

Кромѣ меня и консула, у Ли часто бываютъ баронъ Гинсбургъ, комиссаръ Детрингъ, тяньцзинскій таможенный комиссаръ Дру, журналистъ Севеджъ Лендоръ и секретарь временнаго правительства Денби. Благодаря этимъ посѣтителямъ, Ли освѣдомленъ о дѣйствіяхъ и даже предположеніяхъ союзниковъ. Вообще, онъ очень интересуется настроеніемъ иностранцевъ въ Тяньцзинѣ. Его навѣстили всѣ консула, за исключеніемъ французскаго и германскаго. Въ бесѣдахъ съ Ли приходилось, конечно, часто возвращаться къ боксерамъ и къ причинамъ этого движенія. Послѣднее, по его словамъ, должно было начаться гораздо позже, и Ли сознался, что его назначили въ Кантонъ, дабы отдѣлаться отъ его предостереженій. Хотя князь Цинъ и Жун-лу будто бы не вѣрили въ успѣхъ мятежа, но не противились ему—первый по безхарактерности, второй же потому, что видѣлъ, что боксеры нашли могущественную поддержку при Дворѣ, и боялся себя скомпрометировать. Другіе сановники, незнакомые съ иностранной политикой и убѣжденные враги европейцевъ—Дуанванъ, Ганъ-и, Чжаошуцзяо и князь Ланъ,—открыто стали на сторону движенія и возбуждали вдовствующую Императрицу.

Говоря о нашей желѣзной дорогѣ, Ли замѣтилъ, что русскіе ведутъ ошибочную политику въ Маньчжуріи. Наши генералы и отчасти чиновники, по его мнѣнію, лишь подавляютъ мятежъ, но не ищутъ установленія прочныхъ связей съ населеніемъ. Между тѣмъ, Россіи весьма важно пріобрѣсти симпатію жителей, ибо сколько бы мы ни держали охраны, дорога не будетъ въ безопасности, если населеніе будетъ противъ насъ. Кромѣ того, мы придали дорогѣ черезчуръ военный и русскій характеръ, совершенно исключивъ китайцевъ изъ администраціи и установивъ свою власть въ чужомъ государствѣ. Что

касается нашихъ плановъ на Маньчжурію, то присоединеніе этой страны—а Ли не сомнѣвался, что мы къ этому стремимся—прежде всего ускоритъ окитаеніе Сибири, ибо упразднитъ границу и облегчитъ приливъ китайцевъ, которые стремятся къ намъ на заработки. Никакія запретительныя мѣры, паспорта или налоги не остановятъ этой иммиграціи, которая поведетъ къ весьма важнымъ для Россіи экономическимъ и политическимъ послѣдствіямъ. Лихунчжанъ, повидимому, еще не зналъ о событіяхъ въ Благовѣщенскѣ—потопленіи въ Амурѣ нѣсколькихъ тысячъ китайцевъ, вызванномъ обстрѣломъ города съ китайскаго берега рѣки. Эта жестокая мѣра, принятая губернаторомъ генераломъ Грибскимъ, не могла, конечно, содѣйствовать примирительной и дружественной политикѣ, которую у насъ проводили, къ сожалѣнію, только на словахъ.[1])

---

[1]) Это трагическое происшествіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Какъ мы видѣли, боксерскій мятежъ засталъ русскихъ въ Маньчжуріи совершенно неподготовленными. Имѣвшійся въ Благовѣщенскѣ гарнизонъ былъ почти цѣликомъ отправленъ на помощь Харбину, и городъ остался безъ защиты. Между тѣмъ, на населеніе въ 30.000 тамъ имѣлось около пяти тысячъ китайцевъ-рабочихъ, слугъ и мелкихъ ремесленниковъ. Неизвѣстность относительно событій въ Китаѣ и преувеличенность слуховъ объ успѣхахъ мятежа вскорѣ создали напряженную атмосферу, вызвавъ предположеніе, что мѣстные китайцы замышляютъ вѣроломное нападеніе при соучастіи жителей городовъ Сахаляна и Айгуна на другомъ берегу Амура. Такъ какъ для подобной переправы не оказалось ни лодокъ ни плотовъ, то китайцевъ, всѣхъ безъ разбора, просто пригнали къ рѣкѣ и заставили перебираться вплавь. Экзекуція эта была поручена полиціи. Большая часть ихъ, конечно, погибла, и лишь нѣсколько десятковъ добралось до праваго берега. Жертвы потопленія были предварительно ограблены. Вслѣдъ за тѣмъ отрядъ добровольцевъ перебрался на ту сторону рѣки и сжегъ Сахалянъ.

ГЛАВА XXIII.

Шанхайгуаньская желѣзная дорога и Кайпинскія копи. Прибытіе фельдмаршала графа Вальдерзэ. Наша бесѣда.

Я уже упомянулъ, что Лихунчжанъ просилъ Алексѣева принять мѣры къ охранѣ Кайпинскихъ копей и Шанхайгуаньской желѣзной дороги. Въ половинѣ сентября я получилъ телеграмму изъ Портъ-Артура съ предупрежденіемъ, что наши войска идутъ въ Таншань, причемъ мнѣ поручалось принять мѣры къ охраненію копей и желѣзной дороги. Одновременно мнѣ сообщили, что рабочіе на копяхъ бѣжали изъ Таншаня, что водоотливныя машины брошены, и копи затопляются.

Отношеніе Алексѣева къ этому дѣлу характеризуется письмомъ его къ генералу Линевичу отъ 15-го сентября. Привожу выдержку изъ письма. „Въ виду возможности обсужденія вопроса о китайской желѣзной дорогѣ и о китайскихъ копяхъ, я считаю долгомъ ознакомить ваше превосходительство со взглядами моими на этотъ предметъ. Сѣверная Китайская желѣзная дорога, въ отличіе отъ русской Восточно-Китайской, есть учрежденіе правительственное, и то обстоятельство, что доходами ея обезпеченъ заемъ, сдѣланный у частнаго учрежденія Гонконгъ-Шанхайскаго банка, не можетъ служить препятствіемъ къ занятію линіи нашими войсками и пользованію ею, какъ военнымъ средствомъ, для ихъ передвиженія, подвоза военныхъ припасовъ и продовольствія. Что же касается Кайпинскихъ каменноугольныхъ копей, то, хотя принадлежность частному обществу ставитъ ихъ въ нѣсколько иныя условія, но полагаю, что онѣ могутъ подлежать занятію, какъ собственность, принадлежащая Китаю и китайскимъ купцамъ. Къ вышеизложенному я считаю долгомъ присовокупить, что, предвидя возможность дальнѣйшаго движенія нашихъ силъ на сѣверъ, прошу подтвердить самое категорическое приказаніе, чтобы какъ желѣзнодорожный путь, такъ и Кайпинскія копи были по возможности сохранены въ цѣлости и ограждены отъ попытокъ порчи и разрушенія, а равно, чтобы при наступленіи уважались частная собственность и личная неприкосновенность мирнаго населенія“.

Директоръ копей Чжанимао и Детрингъ, къ которымъ я обратился за совѣтомъ, заявили, что единственный способъ предотвратить разрушеніе копей—командировать туда бывшихъ служащихъ-иностранцевъ, ибо китайскіе рабочіе питаютъ къ нимъ довѣріе. Поэтому я обратил-

ся къ коменданту Тянцзина генералу Стесселю и просилъ дать охранный листъ для инженеровъ, посылаемыхъ въ Таншань, и рекомендательное письмо къ Церпицкому. Въ то время былъ только что взятъ Лутай, и войска наши подвигались къ Шанхайгуаню. Генералъ Стессель отказался исполнить мою просьбу, находя, что намъ нѣтъ дѣла до копей, составляющихъ иностранную собственность, а затѣмъ предложилъ послать русскихъ инженеровъ. Таковыхъ, однако, не оказалось, и Стессель сдался, предупредивъ, что надъ копями будетъ поднятъ русскій флагъ. Инженеры Вильсонъ, Нюбергъ, Эрль и Прингль пріѣхали въ Таншань какъ разъ во-время, чтобы удержать рабочихъ, которые собрались бѣжать, въ виду приближенія нашихъ войскъ.

Во время пребыванія Лихунчжана въ Тянцзинѣ, туда прибылъ фельдмаршалъ графъ Вальдерзэ. Станцію желѣзной дороги украсили по этому случаю флагами, а на платформѣ собрались штабы всѣхъ союзныхъ войскъ. Отъ французовъ былъ дивизіонный генералъ Вуаронъ и множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Явилась также депутація отъ германцевъ, состоявшая изъ наиболѣе видныхъ резидентовъ города. Откомандированныя для встрѣчи части союзныхъ войскъ выстроились шпалерами сзади станціи и на другой сторонѣ рѣки. Почти вся европейская колонія также собралась посмотрѣть на интересное зрѣлище пріѣзда новаго главнокомандующаго. Многіе присутствующіе вооружились фотографическими аппаратами, дабы увѣковѣчить столь памятное событіе.

Какъ разъ передъ пріѣздомъ фельдмаршала, пришелъ поѣздъ съ 42-мъ французскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Солдаты имѣли бравый видъ, совсѣмъ не то, что колоніальныя войска. Наконецъ, подкатилъ и фельдмаршальскій поѣздъ. Графъ Вальдерзэ, статный, но уже немолодой мужчина, вышелъ изъ вагона въ сопровожденіи генерала Шварцгофа, графа Іорка (бывшій военный агентъ въ Петербургѣ) и иностранныхъ военныхъ агентовъ, въ томъ числѣ нашего агента въ Берлинѣ князя Енгалычева[1]). Выслушавъ рапортъ, Вальдерзэ двинулся въ обходъ союзныхъ отрядовъ. Вся эта блестящая группа быстро проходила вдоль фронта, фельдмаршалъ здоровался, а войска дѣлали на-караулъ. Обойдя войска на лѣвомъ берегу, мы перешли по понтонному мосту на другую сторону, гдѣ стояли отряды японскій и нашъ съ генераломъ Стесселемъ. Поздоровавшись особенно любезно съ нашимъ отрядомъ, Вальдерзэ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ приготовленное для него помѣщеніе въ англійской концессіи. Симпатіи фельдмаршала относительно нашихъ войскъ подтвердились на другой день, во время смотра, сдѣланнаго имъ

---

[1]) Впослѣдствіи варшавскій генералъ-губернаторъ.

русскому отряду. Генералу Стесселю былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла.

Вскорѣ послѣ пріѣзда фельдмаршала, мнѣ пришлось познакомиться съ упомянутымъ княземъ Енгалычевымъ. Такъ какъ я зналъ, что князь пользуется особымъ довѣріемъ фельдмаршала, то просилъ сообщить, что ему извѣстно о нѣмецкихъ планахъ относительно Шанхайгуаня. Дѣло въ томъ, что Алексѣевъ хотѣлъ занять Шанхайгуань и предупредить устройство американцами угольной станціи въ Цинвандао (около Шанхайгуаня). Енгалычевъ отвѣтилъ, что Вальдерзэ считаетъ Шанхайгуань входящимъ въ сферу его дѣятельности, что тамъ будетъ устроена база германскихъ сообщеній съ Пекиномъ, и что поэтому Алексѣеву придется отказаться отъ своего намѣренія. Князь, между прочимъ, выразилъ удивленіе, что я нахожусь въ Тяньцзинѣ, и посовѣтовалъ мнѣ вернуться къ моему шефу въ Портъ-Артуръ, видимо, опасаясь неудовольствія нѣмцевъ. Онъ сдался, когда я объяснилъ, что состою при Лихунчжанѣ, котораго мы приняли подъ свою защиту.

Между тѣмъ Лихунчжанъ захотѣлъ познакомиться съ германскимъ главнокомандующимъ, надѣясь путемъ личныхъ переговоровъ предотвратить карательныя экспедиціи, будто бы подготовлявшіяся нѣмцами. Я взялся позондировать почву и на другой день отправился къ фельдмаршалу. Послѣдній принялъ меня очень любезно и спросилъ, какія полномочія имѣетъ Лихунчжанъ, и видѣлъ ли я ихъ; можно ли считать его Чжилійскимъ вице-королемъ, и дѣйствуетъ ли онъ въ согласіи съ княземъ Циномъ. Я отвѣтилъ, что полномочій Ли не видѣлъ, но что есть указъ о назначеніи его и князя Цина для переговоровъ съ державами. Китайцы, несомнѣнно, признаютъ его вице-королемъ, что видно изъ того, что къ нему ежедневно являются чиновники съ докладами и съ ходатайствами. Ли принимаетъ доклады, дѣлаетъ назначенія и смѣщенія, пользуясь полномочіями, данными ему Дворомъ. Вальдерзэ на это замѣтилъ, что, если считать Лихунчжана генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками, то слѣдуетъ его арестовать, ибо военныя дѣйствія еще не прекратились. Если же онъ прибылъ для переговоровъ, то пусть ведетъ ихъ съ германскимъ посланникомъ фонъ-Муммъ, котораго ожидаютъ на-дняхъ. Оказалось, что, помимо меня, Лихунчжанъ уже просилъ о пріемѣ, въ которомъ ему было отказано. Графъ Вальдерзэ, между прочимъ, освѣдомился, много ли у меня хлопотъ съ Лихунчжаномъ и съ его свитою, интересовался днемъ его отъѣзда и не безъ ироніи спросилъ, зачѣмъ китайцамъ пушки, если они прибыли для переговоровъ. Я объяснилъ, что у китайцевъ пушки знаменуютъ эмблему власти и взяты для декорума. Во время разговора, происходившаго по-французски, въ присутствіи начальника штаба генерала Шварц-

Фельдмаршалъ графъ Вальдерзэ.

гофа, Вальдерзэ держалъ себя просто. Выйдя со мною въ прихожую, Шварцгофъ еще разъ подтвердилъ сказанное фельдмаршаломъ относительно визита Ли, прибавивъ, что Вальдерзэ находитъ вообще присутствіе этого сановника въ Тянцзинѣ неумѣстнымъ, ибо мирные переговоры еще не начаты, полномочія Ли никѣмъ не провѣрены, и онъ для союзниковъ—не оффиціальное лицо. „Если бы я былъ на мѣстѣ фельдмаршала", замѣтилъ Шварцгофъ, „то арестовалъ бы Ли и его солдатъ." Князь Енгалычевъ, которому я передалъ мой разговоръ съ Вальдерзэ, сообщилъ, что предположеніе объ арестованіи Ли дѣйствительно существовало, но не было приведено въ исполненіе только потому, что онъ находится подъ нашей охраной.

Когда я передалъ Лихунчжану результатъ визита къ фельдмаршалу, онъ вознегодовалъ, говоря, что фонъ-Муммъ въ Шанхаѣ не хотѣлъ вести съ нимъ переговоровъ, сославшись на неимѣніе инструкцій, которыя якобы везъ графъ Вальдерзэ. Фельдмаршалъ же отсылаетъ его для переговоровъ къ фонъ-Мумму. Вообще, Лихунчжанъ возмущался неискренностью европейцевъ, говоря, что они гораздо лицемѣрнѣе и двуличнѣе китайцевъ. Онъ нѣсколько разъ задавалъ вопросъ, чего же собственно добиваются нѣмцы, и правда ли, что они хотятъ продолжать кампанію, несмотря на то, что китайцы прекратили сопротивленіе. „Вѣдь это будетъ," продолжалъ онъ, „ужъ не война, а избіеніе мирнаго населенія, и я не могу допустить мысли, что для такой цѣли прислали фельдмаршала". На мое замѣчаніе, что намѣренія Германіи намъ неизвѣстны, Лихунчжанъ сказалъ, что, разъ Вальдерзэ выбранъ, какъ то сообщалось газетами, русскимъ Государемъ, то намъ, конечно, извѣстна его программа. Ли также выразилъ удивленіе, что всѣ державы столь охотно признали верховенство Германіи, и что онъ объясняетъ это тѣмъ, что она самая сильная, или, что у нея, вѣрно, самые способные генералы. Я успокоилъ моего собесѣдника, замѣтивъ, что выборъ Вальдерзэ, вѣроятно, сдѣланъ для объединенія командованія, и что союзники подчинены ему лишь въ оперативномъ отношеніи. Кстати, подчиненіе нашихъ войскъ фельдмаршалу имѣло скорѣе номинальный характеръ, ибо большая часть ихъ отзывалась. Во всякомъ случаѣ, нѣмцы были очень недовольны принятымъ Россіей рѣшеніемъ отозвать нашъ отрядъ, что ставило фельдмаршала въ довольно щекотливое положеніе. Говоря о недавнемъ визитѣ къ нему американскаго генерала Чаффи, Ли сообщилъ, что послѣдній не подчиненъ графу Вальдерзэ. Онъ, конечно, зналъ, что союзные генералы были противъ подчиненія фельдмаршалу, и, должно быть, надѣялся какъ-нибудь посѣять между ними рознь. Такова, впрочемъ, была его любимая политика, и онъ и теперь разсчитывалъ, что союзники скоро перессорятся.

ГЛАВА XXIV.

Пріѣздъ русскаго посланника. Сѣверная Китайская желѣзная дорога.

Разговоръ на эту тему возобновился на другой день во время свиданія Лихунчжана и генерала Линевича, пріѣхавшаго съ визитомъ. Интересно было наблюдать этихъ маститыхъ дѣятелей—искушеннаго въ дипломатической изворотливости китайца и нашего генерала, простоватаго на видъ, но себѣ на умѣ. Оба, видимо, не довѣряли другъ другу и сначала нащупывали почву, говоря о погодѣ и о здоровьи. Затѣмъ Лихунчжанъ сталъ просить генерала, чтобы онъ подѣйствовалъ на графа Вальдерзэ и побудилъ его прекратить карательныя экспедиціи, разоряющія страну. Онъ будто бы уже разослалъ прокламаціи къ населенію и принялъ мѣры къ искорененію боксеровъ въ Чжилійской провинціи, но всѣ его старанія будутъ безполезны, если германскія войска не прекратятъ своихъ разбойничьихъ набѣговъ.

Нѣмцы, замѣтилъ онъ, хотятъ уничтожить Китай. Если русскіе—друзья Китая, то должны доказать это на дѣлѣ. Нашъ Богдыханъ телеграфировалъ вашему Государю благодарность за отозваніе русскихъ войскъ изъ Пекина и просилъ о посредничествѣ къ возстановленію дружбы между Германіей и Китаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ли увѣдомилъ, что имъ полученъ указъ о перемѣщеніи мукденскаго цзянцзюня Цзэн-ци въ Нанкинъ, а также объ отозваніи цзянцзюней Хэйлунцзяня (Цицикаръ) и Гирина. Эти перемѣщенія, по его словамъ, должны означать, что китайское правительство недовольно губернаторами, не сумѣвшими сохранить порядокъ въ Маньчжуріи. Линевичъ обѣщалъ поговорить съ Вальдерзэ, но предупредилъ, что это будетъ безполезно. Пока населеніе не прекратитъ партизанской войны, союзники будутъ отвѣчать репрессіями. Было видно, что генералъ Линъ, какъ его называли китайцы, уже подпалъ вліянію германскаго штаба и едва ли предприметъ что-либо въ защиту китайцевъ, особенно въ виду его преклоненія передъ великими міра сего.

18-го сентября въ Тянцзинъ прибылъ М. Н. Гирсъ съ членами миссіи. Посланникъ съ интересомъ выслушалъ мое сообщеніе о Лихунчжанѣ и Вальдерзэ. Онъ не одобрилъ отъѣзда Алексѣева. По его мнѣнію, адмиралу слѣдовало пожертвовать своимъ самолюбіемъ и повидаться съ фельдмаршаломъ, чтобы предупредить возможныя интриги противъ

русскихъ. Въ день пріѣзда посланника я получилъ отъ Алексѣева слѣдующую телеграмму: „Переговорите съ Ли, чтобы Шанхайгуань сдать безъ боя къ полудню 1-го октября, о чемъ комендантъ крѣпости обязанъ увѣдомить старшаго на рейдѣ въ Таку черезъ Доможирова или посылкою парламентера на рейдъ Таку или Цинвандао, снабженнаго письменнымъ документомъ о сдачѣ.“ Телеграмма эта пришла съ опозданіемъ, какъ разъ передъ срокомъ, назначеннымъ для сдачи. Я все же отправился къ Ли и сообщилъ ему предложеніе адмирала. Онъ отвѣтилъ, что, по слухамъ, Шанхайгуань уже занятъ англичанами или нѣмцами съ бою, и удивился, почему Алексѣевъ не далъ мнѣ инструкцій заблаговременно. Однако, онъ все же написалъ письмо къ коменданту Шанхайгуаня съ предписаніемъ сдать крѣпость русскимъ. Такъ какъ Ли, находившійся, въ сущности, въ почетномъ плѣну, не имѣлъ возможности снестись непосредственно съ комендантомъ, то я рѣшилъ везти письмо въ Тонгку или даже проѣхать въ Шанхайгуань. Линевичъ далъ мнѣ экстренный поѣздъ, и въ тотъ же вечеръ я былъ въ Тонгку и отправился на нашу канонерку „Бобръ“, стоявшую на рѣкѣ. Здѣсь я узналъ, что Шанхайгуань наканунѣ дѣйствительно сдался англичанамъ, и что генералъ Церпицкій находится въ однодневномъ переходѣ отъ крѣпости.

Не могу сказать, зналъ ли объ этомъ Лихунчжанъ, вручая мнѣ письмо къ коменданту Шанхайгуаня—весьма возможно, что точно такое же письмо было выдано имъ раньше англичанамъ для устройства между нами соревнованія. Какъ бы то ни было, мнѣ оставалось лишь извѣстить Алексѣева. Поужинавъ въ каютъ-кампаніи „Гиляка“, я вернулся на другой день въ Тянцзинъ.

Гирсъ, во время пребыванія въ Тянцзинѣ, имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ Лихунчжаномъ, убѣждавшимъ его вернуться въ Пекинъ и продолжать переговоры съ нимъ и съ княземъ Циномъ. Ли долженъ былъ ѣхать въ Пекинъ, чтобы сговориться съ княземъ Циномъ и повидаться съ американскимъ посланникомъ Конджеромъ, получившимъ приказаніе признать его полномочія. Китайскій уполномоченный хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для воздѣйствія на остальныхъ союзниковъ. По его свѣдѣніямъ, германцы хотѣли предпринять походъ на Баодинфу, а можетъ быть, и дальше. Это, конечно, затормазило бы переговоры*).

Отъѣздъ Лихунчжана въ Пекинъ состоялся въ концѣ сентября. Передъ отъѣздомъ онъ видѣлся съ германскимъ посланникомъ фонъ-Муммъ, который, однако, уклонился отъ какихъ-либо положительныхъ обѣщаній, сославшись на неимѣніе инструкцій отъ своего правительства. Такъ

---

*) Вотъ нѣсколько телеграммъ, рисующихъ положеніе дѣлъ въ Пекинѣ въ моментъ отъѣзда посланника.

Секретныя телеграммы россійскаго посланника въ Пекинѣ министру иностранныхъ дѣлъ.

какъ я получилъ приказаніе вернуться въ Артуръ, то просилъ посланника уволить меня отъ обязанности сопровождать китайцевъ. Для этой миссіи былъ назначенъ уже упомянутый Рудановскій; онъ говорилъ по-китайски и состоялъ при Лихунчжанѣ во время поѣздки послѣдняго въ Россію въ 1896 году. Уѣзжая, Ли просилъ меня сохранить сданные имъ на храненіе полковнику Бему ящики съ оружіемъ и патронами до того момента, когда онъ устроится въ Пекинѣ и будетъ въ состояніи ихъ вытребовать. Такъ какъ джонки были и безъ того переполнены, то ящики остались въ Хайфангунсо. Впослѣдствіи я неоднократно обращался въ нашъ штабъ съ просьбою возвратить ящики китайцамъ, но безуспѣшно—ихъ сочли военной добычей. Лихунчжанъ, вѣроятно, остался въ убѣжденіи, что я ихъ присвоилъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тянцзина, злобою дня былъ вопросъ о желѣзной дорогѣ въ Шанхайгуань, т. е. о томъ, въ чьихъ рукахъ она останется. Велись также переговоры о передачѣ нѣмцамъ участка дороги отъ Янцуна до Пекина. Наши военные негодовали по поводу рѣшенія возвратить дорогу, которую они возстановляли подъ огнемъ непріятеля. И вотъ теперь, когда дѣло сдѣлано, нѣмцы получатъ все готовое. Англичане, конечно, будутъ настаивать на передачѣ Шанхайгуаньской линіи, и можно предвидѣть, что Вальдерзэ поддержитъ ихъ претензію. Директора дороги Детрингъ и Чжанимао находили, что лучше всего передать линію китайцамъ, т. е., въ сущности, англійской администраціи, хотя бы подъ контро-

---

Отъ 11/23 августа.

„Не получивъ еще указаній, дѣйствую въ томъ же смыслѣ. Въ виду опасенія князя Цина вернуться въ Пекинъ, пока ему не будетъ гарантирована свобода всѣми посланниками, находящимися въ Пекинѣ. Посланники обратятся сегодня письмомъ къ декану, сообщая ему, что, стремясь облегчить рѣшеніе кризиса, желали бы призвать въ Пекинъ Цина для объясненій съ нами. Въ запретный дворецъ войска еще не входили. Стало извѣстно, что Богдыхана въ немъ нѣтъ".

Отъ 13/25 августа.

„Въ виду сообщеннаго мнѣ адмираломъ Алексѣевымъ рѣшенія адмираловъ не допускать высадки Лихунчжана въ Таку впредь до полученія согласія посланниковъ, мы телеграфируемъ адмираламъ, что находимъ желательнымъ облегчить Ли высадку въ Таку и проѣздъ въ Тянцзинъ и Пекинъ. Считаю его пріѣздъ крайне полезнымъ для нашихъ интересовъ, хотя нѣкоторые посланники и стремятся отстранить его отъ переговоровъ и вести дѣла исключительно съ княземъ Циномъ, еще не прибывшимъ въ Пекинъ".

Отъ 16/28 августа.

„Деканъ частнымъ письмомъ отвѣтилъ сановникамъ, что мы облегчимъ князю Цину въѣздъ въ Пекинъ. Въ виду этого, они увѣдомили насъ, что онъ прибудетъ двадцать перваго числа, испросивъ предварительнаго согласія на то Богдыхана".

Отъ 23 августа—4 сентября.

„Декретъ, назначающій князя Цина посломъ, не упоминаетъ о Лихунчжанѣ, который, по словамъ подосланнаго ко мнѣ Циномъ секретаря, остается вторымъ уполномоченнымъ. Цину предоставлена болѣе полная свобода дѣйствій; онъ телеграфируетъ Ли немедленно прибыть въ Пекинъ. Императоръ и Императрица въ Сюань-хуа. Большимъ осложненіемъ служитъ обстоятельство, что съ ними остались князь Дуанъ и Дунфусянь съ войсками. Полагаю, что удаленіе и наказаніе послѣднихъ и вообще

Адмиралъ Алексѣевъ принимаетъ рапортъ отъ генерала Церпицкаго. Шанхайгуань. 1900 г.

лемъ нашихъ военныхъ властей. По словамъ Детринга, англичане будто бы перестали смотрѣть на эту дорогу, какъ на средство борьбы съ русскимъ вліяніемъ въ Маньчжуріи. Быть можетъ, это было вѣрно до прибытія графа Вальдерзэ и занятія Шанхайгуаня. Теперь же графъ Вальдерзэ рѣшилъ включить дорогу въ сферу своего контроля.

Я уже приводилъ взглядъ Алексѣева на Сѣверную Китайскую дорогу. Прибытіе графа Вальдерзэ и занятіе Шанхайгуаня не измѣнили его взглядовъ. Онъ считалъ, что желѣзная дорога, такъ-же, какъ и копи, защищенныя нашими войсками отъ разрушенія, должны оставаться въ нашихъ рукахъ до разрѣшенія кризиса. Что касается дороги Тонгку-Инкоу-Синминтинъ, то онъ полагалъ, что обязательства Китая относительно иностранцевъ не могутъ служить препятствіемъ къ временному ея занятію. Наконецъ, удержаніе дороги, по его мнѣнію, являлось желательнымъ еще потому, что она могла служить обезпеченіемъ для возмѣщенія военныхъ расходовъ. Взглядъ этотъ раздѣлялъ и полковникъ Вогакъ, находившій, что послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ Россіей, дорога явится справедливой компенсаціей. Но, должно быть, у насъ боялись англичанъ, или хотѣли поразить безкорыстіемъ китайцевъ—странная иллюзія, особенно послѣ занятія Портъ-Артура.

Англійское правительство, повидимому, опасалось, что мы захотимъ удержать желѣзную дорогу. По крайней мѣрѣ, 29-го сентября графъ Ламздорфъ телеграфировалъ Алексѣеву слѣдующее: „Англійское правительство сообщило, что, вопреки состоявшемуся между адмиралами 16-го іюля соглашенію о передачѣ русскимъ въ временное завѣдываніе желѣзнодорожнаго пути только отъ Таку до Тянцзина, военныя власти настаиваютъ на удержаніи за собой всей линіи до Пекина, что начальникъ русскаго отряда протестовалъ противъ починки англо-японскими войсками вѣтви отъ Фынтая по направленію къ Янцуну, и что

рѣшеніе кризиса легче было бы достигнуто, если бы Дворъ вернулся въ Пекинъ, даже занятый войсками. Быть можетъ, это возможно при полной гарантіи со стороны всѣхъ державъ неприкосновенности какъ Богдыхана, такъ и Императрицы".

Отъ 28 августа—9 сентября.

„Получилъ телеграмму 13-го августа. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, выѣзжаю послѣзавтра въ Тянцзинь со всей миссіею и русскоподданными, бывшими въ осадѣ. Оставляю лишь Колесова, въ качествѣ переводчика при Линевичѣ. Князь Цинъ прибылъ въ понедѣльникъ. Указомъ Богдыхана онъ назначенъ чрезвычайнымъ полномочнымъ для веденія переговоровъ съ посланниками".

Отъ 29 августа—10 сентября.

„Считаю долгомъ донести, что отъѣздъ миссіи, совпадающій съ пріѣздомъ князя Цина, производитъ удручающее впечатлѣніе на китайцевъ и даетъ имъ поводъ предполагать, что мы не торопимся рѣшеніемъ кризиса. Вчера князь Цинъ сообщилъ намъ указъ, подтверждающій полномочія его и Лихунчжана и предписывающій последнему немедленно прибыть въ Пекинъ. Осмѣливаюсь просить указанія по вопросу о нашемъ отношеніи къ событіямъ въ Маньчжуріи".

подвижной составъ окрашенъ нами въ тотъ же цвѣтъ, какъ подвижной составъ Сибирской желѣзной дороги. Благоволите провѣрить эти свѣдѣнія и, въ случаѣ подтвержденія, принять мѣры, чтобы наши военныя власти въ дѣлѣ завѣдыванія Тяпцзинской дорогой строго придерживались условій соглашенія". Телеграмма эта только подтвердила наши догадки о неудовольствіи англичанъ и дѣлаемыхъ ими въ Лондонѣ и Петербургѣ шагахъ. Въ отвѣтъ на эту телеграмму Алексѣевъ телеграфировалъ министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „Послѣ соглашенія 16-го іюля и слѣдуя ходу событій, мы продолжали возстановленіе линіи на Янцунъ и далѣе для общаго пользованія, не встрѣчая протеста со стороны англичанъ. Согласно Высочайшему повелѣнію, возстановленіе пути отъ Янцуна въ Пекинъ передаю германскимъ властямъ. О протестѣ по поводу участка Фынтай-Янцунъ до сего времени не получалъ никакого донесенія. Окраска вагоновъ сохранена прежняя".

Жалуясь на дѣйствія Алексѣева въ Петербургѣ, англичане въ то же время готовы были идти на компромиссъ, т. е. попросту уступить или перепродать намъ Шанхайгуаньскую желѣзную дорогу. Это видно, между прочимъ, изъ предложенія директора Гонконгъ-Шанхайскаго банка г. Хильера, сдѣланнаго Покотилову—перекупить линію у банка. Покотилову было поручено министромъ финансовъ Витте вступить въ переговоры о выкупѣ дороги. Какъ извѣстно, дѣло не устроилось, ибо Витте призналъ, что политическое значеніе линіи не оправдываетъ высокой цѣны, назначенной англичанами. [1])

---

[1]) Секретная телеграмма адмирала Алексѣева графу Ламздорфу. Портъ-Артуръ, 23-го сентября 1900 года.

„Лично посѣтивъ Шанхайгуань и Циnвандао, я могъ убѣдиться, насколько ревниво англичане относятся къ факту занятія нами Сѣверной Китайской желѣзной дороги, коему всѣми силами стараются противодѣйствовать. Происки ихъ, видимо, находятъ поддержку у германцевъ, желающихъ, съ своей стороны, заручиться содѣйствіемъ англичанъ для осуществленія своихъ правъ на преобладаніе въ портѣ Циnвандао и овладѣніе Кайпинскими копями.

Считаю долгомъ высказать свое твердое убѣжденіе, что желѣзная дорога, какъ собственность китайскаго правительства, фактически занятая и защищенная нашими войсками отъ разрушенія, съ неизбѣжными потерями въ людяхъ—безусловно должна оставаться въ нашихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, до окончательнаго разрѣшенія настоящаго кризиса. Мною уже приняты мѣры къ дальнѣйшему занятію и предупрежденію порчи пути Шанхайгуань-Инкоу-Синминтинъ. Равнымъ образомъ, считаю крайне важнымъ удержать за нами Кайпинскія угольныя копи, обладаніе коими представляетъ большое значеніе въ военномъ отношеніи. Хотя желѣзная дорога Тонгку-Инкоу-Синминтинъ построена при содѣйствіи англійскихъ капиталовъ, а въ компаніи Кайпинскихъ копей участвуетъ извѣстный германскій предприниматель Детрингъ,—тѣмъ не менѣе, въ силу настоящаго положенія дѣла въ Китаѣ, эти обязательства китайскаго правительства по отношенію иностранцевъ нельзя считать препятствіемъ для нашего временнаго ихъ занятія и использованія, что въ совокупности представляетъ надежное обезпеченіе для возмѣщенія нашихъ военныхъ расходовъ, вызванныхъ событіями послѣдняго времени. Такъ какъ, въ виду подчиненія нашихъ войскъ графу Вальдерзэ, представляется вѣроятнымъ обсужденіе этихъ вопросовъ начальниками союзныхъ отрядовъ, то я счелъ необходимымъ своевременно снабдить генерала Линевича указаніями въ вышеозначенномъ смыслѣ.

ГЛАВА XXV.

Мы вступаемъ въ сношенія съ маньчжурскими властями. Событія въ Маньчжуріи. Нерѣшительная политика цзянцзюня. Усиленіе антирусскаго движенія. Занятіе Мукдена.

Несмотря на начавшійся въ Чжилійской провинціи мятежъ, распространившійся затѣмъ на Маньчжурію, мукденскій цзянцзюнь Цзэнци продолжалъ поддерживать съ русскими властями дружественныя отношенія. Положеніе этого сановника было затруднительное: онъ находился между молотомъ и наковальней, ему нужно было ладить съ русскими и въ то же время сообразоваться съ инструкціями Пекина, часто противорѣчивыми, но, въ общемъ, намъ враждебными. Будучи человѣкомъ мягкимъ и нерѣшительнымъ, цзянцзюнь колебался, не зная, какъ себя держать, чтобы избѣжать бѣды. Видя, что событія принимаютъ неблагопріятный для китайцевъ оборотъ, цзянцзюнь еще въ августѣ мѣсяцѣ обратился къ нашему консулу въ Инкоу съ просьбой прекратить военныя дѣйствія. Консулъ Кристи отвѣтилъ, что прежде какихъ-либо переговоровъ китайцы должны выдать трехъ русскихъ, въ томъ числѣ инженера Верховскаго, находившихся въ плѣну.[1]) Съ такой же просьбой цзянцзюнь обратился къ Алексѣеву, сославшись на начавшіеся будто въ Пекинѣ мирные переговоры. „Въ виду сего“, писалъ цзянцзюнь, „и принимая во вниманіе, что Россія—великая держава, издавна находившаяся въ мирѣ съ Китаемъ, я надѣюсь, что, слѣдуя принципамъ небесной добродѣтели, возможно будетъ прекратить военныя дѣйствія и остановить ваши войска тамъ, гдѣ они теперь находятся, приказавъ имъ не идти дальше, дабы охранять населеніе и избѣжать человѣческихъ жертвъ. Такъ, до меня доходятъ слухи, что въ Пекинѣ уже начались переговоры о мирѣ, и что онъ будетъ скоро заключенъ. Поэтому надѣюсь, что вы, почтенный адмиралъ, прикажете войскамъ вашимъ прекратить военныя дѣйствія, въ ожиданіи возвращенія къ давнимъ добрымъ отношеніямъ.“

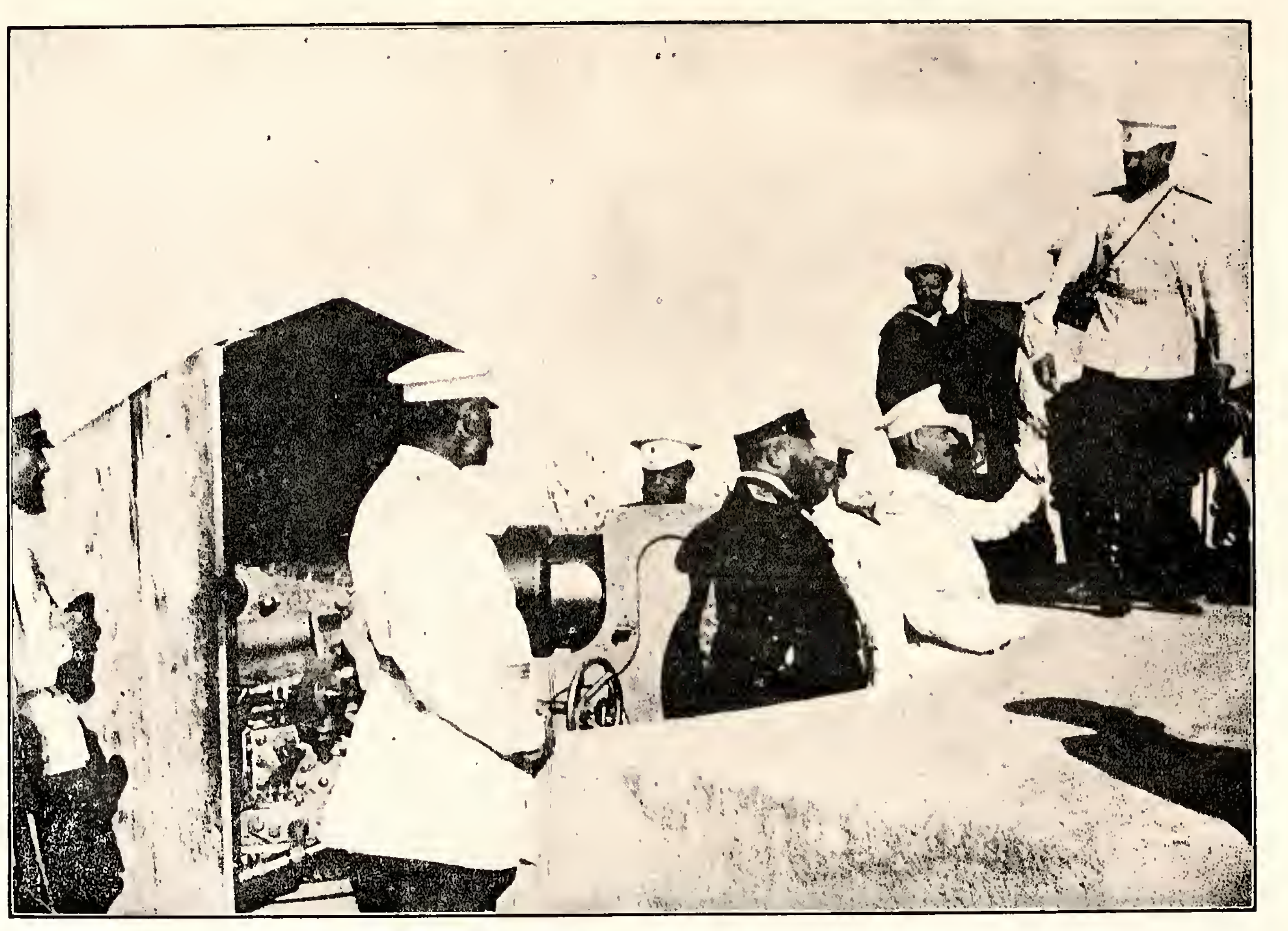
Какъ упоминалось выше, во время свиданія между Алексѣевымъ и Лихунчжаномъ послѣдній просилъ не занимать Мукдена, который считался священной столицей и колыбелью династіи. Алексѣевъ отвѣтилъ, что Мукденъ не будетъ занятъ, если китайцы исполнятъ требо-

[1]) Инженеръ Верховскій, служившій на Китайской желѣзной дорогѣ, пропалъ безъ вѣсти въ самомъ началѣ мятежа и былъ, повидимому, убитъ боксерами.

ванія русскаго командованія. Былъ также поднятъ вопросъ о правѣ маньчжурскихъ губернаторовъ договариваться относительно сдачи городовъ и введенія военнаго управленія, причемъ Ли подтвердилъ это право, заявивъ, что подобныя соглашенія будутъ признаны центральнымъ правительствомъ. Сообщая въ телеграммѣ отъ 7 сентября содержаніе бесѣды своей съ Лихунчжаномъ графу Ламздорфу, Алексѣевъ высказалъ слѣдующія соображенія. „Вслѣдствіе нынѣшнихъ событій, власть маньчжурскихъ цзянцзюней, подобно власти южныхъ вице-королей, могла только усилиться. Въ виду продолжающагося отсутствія центральнаго правительства, непосредственное вступленіе въ переговоры съ цзянцзюнями по всѣмъ дѣламъ, касающимся нашихъ интересовъ въ Маньчжуріи, представляется необходимымъ. На основаніи изложенныхъ соображеній и отзыва Ли о правахъ цзянцзюней, казалось бы отвѣчающимъ нашимъ интересамъ предоставить генералу Гродекову и мнѣ начать немедля переговоры, снабдивъ насъ инструкціями, тѣмъ болѣе, что мукденскій цзянцзюнь обратился уже ко мнѣ съ подобной просьбой. Присовокупляю, что, согласно господствующему мнѣнію, возстановленіе центральнаго правительства можетъ быть осуществлено лишь при возвращеніи двора въ Пекинъ и съ выдачей главарей движенія, исполненія же этихъ требованій нельзя предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ, не взирая на вліяніе князя Цина и Ли, противъ коего проявляется непріязнь со стороны Германіи“. Министерство иностранныхъ дѣлъ согласилось съ доводами Алексѣева, поручивъ ему и генералу Гродекову (Пріамурскій генералъ-губернаторъ) вступить въ непосредственныя сношенія съ маньчжурскими цзянцзюнями *).

Слѣдуетъ замѣтить, что китайское правительство, сознавая свое безсиліе въ Маньчжуріи, само стремилось къ тому, чтобы переговоры велись на мѣстѣ, и готово было дѣйствовать черезъ наше посредство. Въ началѣ сентября князь Цинъ обратился къ нашему посланнику съ просьбой сообщить мукденскому, цицикарскому и гиринскому цзянцзюнямъ, что имъ предписывается принять мѣры къ прекращенію мятежа и къ охранѣ желѣзной дороги и не создавать новыхъ осложненій, угрожающихъ династіи. Это сообщеніе передано было цзянцзюнямъ черезъ наше посредство, причемъ ближайшій къ намъ цзянцзюнь мукденскій

*) Телеграмма графа Ламздорфа вице-адмиралу Алексѣеву, отъ 11 сентября 1900 года. Высказанныя вами соображенія въ телеграммѣ 7 сентября одобряются. Дѣйствительно, въ настоящую минуту безурядицы въ Китаѣ и слабости центральнаго правительства, маньчжурскіе цзянцзюни играютъ самостоятельную роль, а потому какъ вы, такъ и генералъ Гродековъ могли бы войти съ ними въ непосредственныя сношенія, указавъ имъ, главнымъ образомъ, на необходимость не сопротивляться тѣмъ временнымъ мѣрамъ, къ которымъ должны приступить наши военныя власти для обезпеченія продовольствія войскъ и огражденія постройки желѣзныхъ дорогъ.

Адмиралъ Алексѣевъ и полковники Базилевскій, Самойловъ и Ознобишинъ, на фортѣ въ Шанхайгуанѣ.

получилъ его въ Монголіи, куда онъ бѣжалъ при занятіи Мукдена нашими войсками.

Чтобы объяснить бѣгство цзянцзюня, человѣка миролюбиваго и стоявшаго за дружбу съ русскими, вернемся нѣсколько назадъ. Появившіеся въ Монголіи еще въ началѣ мая боксерскіе эмиссары пытались привлечь цзянцзюня на свою сторону. Однако, послѣдній отнесся несочувственно къ ихъ планамъ. Онъ, повидимому, понималъ, что въ Маньчжуріи движеніе не имѣетъ серьезной почвы, и предвидѣлъ, что, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, онъ явится главнымъ отвѣтчикомъ за ошибки другихъ. Зато боксерскіе агенты нашли поддержку и сочувствіе у фудутуна Цзин-чана, или, какъ его называли, Эрдаженя, т.-е. второй сановникъ [1]). Младшій братъ этого сановника занималъ видное мѣсто при Дворѣ, гдѣ состоялъ воспитателемъ Наслѣдника престола. Черезъ него Цзин-чанъ былъ освѣдомленъ о настроеніи пекинскихъ сферъ и объ успѣхахъ боксерскаго движенія.

Находясь въ Портъ-Артурѣ, мы не имѣли возможности, за отсутствіемъ надежныхъ агентовъ (нашихъ консуловъ еще не было), получать свѣдѣнія изъ Мукдена. Всѣ эти факты стали намъ извѣстны гораздо позже, когда гроза разразилась, и о предупредительныхъ мѣрахъ не могло быть рѣчи. Вскорѣ ямынь Цзин-чана сдѣлался центромъ, куда собирались недовольные политикою цзянцзюня и всѣ приверженцы секты Ихэтуань. Опираясь на Цзин-чана, боксеры начали открыто проповѣдывать уничтоженіе иностранцевъ и вербовать приверженцевъ на площадяхъ и у городскихъ стѣнъ, не стѣсняясь присутствіемъ полиціи. Такъ какъ агитаціонная дѣятельность Цзин-чана подрывала авторитетъ цзянцзюня, то послѣдній въ началѣ іюля издалъ прокламацію противъ боксеровъ, названныхъ тамъ бунтовщиками. Прокламація эта, однако, произвела обратное дѣйствіе, ибо въ это время уже всѣмъ было извѣстно, что большинство мукденскихъ чиновниковъ и военныхъ сочувствуетъ боксерамъ. Цзянцзюня стали обвинять въ недостаткѣ патріотизма и въ потворствѣ русскимъ и называть его другомъ „заморскихъ чертей". Цзин-чанъ, между тѣмъ, объявилъ себя открытымъ сторонникомъ боксеровъ и убѣждалъ цзянцзюня примкнуть къ движенію и даже стать во главѣ его. Рознь среди высшихъ чиновъ проникла въ народъ, который также раздѣлился на сторонниковъ боксеровъ и умѣренныхъ, составлявшихъ меньшинство. Вслѣдъ за тѣмъ изъ Пекина пришелъ указъ, коимъ Цзин-чанъ назначался главою боксеровъ; ему предписывалось устроить канцелярію для вербовки и организовать бок-

[1]) Для Маньчжуріи существовали отдѣльныя министерства со своими министрами, независимыми отъ Пекина въ дѣлахъ внутренняго управленія.

серскую дружину. Министры финансовъ и юстиціи также получили полномочія для руководства боксерами.*) Цзянцзюню же приказано было не стѣснять боксеровъ, а, напротивъ, оказывать имъ содѣйствіе. Продолжая колебаться, онъ не обнародовалъ пекинскаго указа, несмотря на требованіе Цзин-чана, и удовольствовался распубликованіемъ прокламаціи, въ которой боксеры названы добрыми гражданами. Этого было достаточно, чтобы ободрить боксеровъ, которые начали дѣйствовать открыто, угрожая смертью всѣмъ, не присоединившимся къ ихъ сектѣ.

Въ началѣ іюня старшина протестантскихъ миссіонеровъ въ Маньчжуріи докторъ Кристи получилъ отъ дружественныхъ китайцевъ совѣтъ удалиться изъ Мукдена или, по крайней мѣрѣ, увезти женщинъ и дѣтей. Въ виду такого предостереженія, миссіонеры отправили свои семьи въ Нючжуанъ (Инкоу), а сами остались, не желая покидать свою христіанскую паству. Цзянцзюнь занялъ пассивное положеніе и не вмѣшивался въ распоряженія Цзин-чана, опасаясь за собственную безопасность. Впрочемъ, имъ была сдѣлана еще попытка остановить грозу, но попытка эта привела къ неожиданнымъ результатамъ. Дабы уничтожить легенду о неуязвимости боксеровъ, находившую поддержку въ народномъ суевѣріи, цзянцзюнь устроилъ публичное испытаніе, на которое явилось нѣсколько охотниковъ. Ихъ поставили у стѣны, и солдаты дали по нимъ залпъ, но холостыми зарядами. Боксеры, конечно, не пострадали, и это еще болѣе увеличило фанатизмъ толпы. Тогда вызвали другихъ охотниковъ, предупредивъ, что на этотъ разъ будутъ стрѣлять боевыми патронами. Одинъ боксеръ согласился и былъ, конечно, убитъ. Цзянцзюнь приказалъ отрубить умершему голову, какъ ложному боксеру и обманщику. Толпа пришла въ ярость и стала кричать, что боксеръ могъ воскреснуть, и что цзянцзюнь не имѣлъ права его обезглавить. Броженіе усилилось, и въ городѣ возникли безпорядки. На улицахъ появились массами боксеры, призывая народъ къ избіенію христіанъ и иностранцевъ. Видя, что дѣло принимаетъ скверный оборотъ, протестантскіе миссіонеры поспѣшили уѣхать, какъ разъ во-время, ибо на другой день начались погромы и разрушеніе желѣзной дороги. 19-го іюня толпа боксеровъ напала на соборъ, гдѣ скрывались католики. Соборъ былъ сожженъ, а миссіонеры вмѣстѣ съ епископомъ и китайцами-христіанами перебиты. Вслѣдъ за симъ мятежники разрушили европейскіе госпитали и управленіе нашей желѣзной дороги.

Въ іюлѣ и августѣ Цзин-чанъ и его приверженцы распоряжались въ Мукденѣ самовластно. Цзянцзюнь же совершенно утратилъ вліяніе и, повидимому, подчинился общему теченію. Понимая, однако, что господство мятежниковъ будетъ непродолжительно, онъ продолжалъ, какъ

сказано выше, писать слезницы въ Портъ-Артуръ, убѣждая въ своемъ расположеніи къ русскимъ и пытаясь остановить побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ. Въ началѣ сентября отрядъ генерала Субботича овладѣлъ Хайченомъ и началъ наступленіе на Мукденъ. 10-го сентября произошло пресловутое взятіе Гирина генераломъ Ренненкампфомъ съ горстью казаковъ, а 18-го генералъ Субботичъ занялъ Мукденъ почти безъ сопротивленія. Цзянцзюнь, фудутунъ и министры бѣжали заблаговременно въ Монголію. Оттуда цзянцзюнь обратился къ Субботичу съ письмомъ, въ которомъ старался оправдать свое поведеніе, доказывая, что онъ не хотѣлъ нарушать „вѣковой дружбы Китая и Россіи", и сваливалъ всю вину на зловамѣренныхъ ихэтуаней. „Къ приходу русскихъ войскъ въ Мукденъ", писалъ цзянцзюнь, „я поддерживалъ спокойствіе и приказалъ остановить военныя дѣйствія. Мы должны были выѣхать изъ столицы и ждать переговоровъ съ горькимъ чувствомъ жалости о всемъ происшедшемъ. Навѣрное, вы, почтенный цзянцзюнь, т.-е. генералъ Субботичъ, ваши чиновники и, наконецъ, всѣ жители Мукденской провинціи, знали о моемъ искреннемъ желаніи прекратить всякія враждебныя дѣйствія другъ къ другу. Я слышалъ, что вы, почтенный цзянцзюнь, по пріѣздѣ въ Мукденъ, командировали солдатъ для охраненія Императорскихъ могилъ и дворца, а также успокоили мѣстныхъ купцовъ и жителей, которые занимаются теперь своимъ дѣломъ".

Видя, что русскія войска ведутъ себя мирно, китайцы скоро пріободрились и уже въ началѣ октября стали возвращаться въ Мукденъ. Генералъ Субботичъ телеграфировалъ, что въ городѣ появились бѣжавшіе вслѣдъ за цзянцзюнемъ чиновники. Получивъ успокоительное увѣреніе Алексѣева относительно безопасности, цзянцзюнь рѣшилъ приблизиться и переѣхалъ въ городъ Синминтинъ. Отсюда онъ написалъ генералу Субботичу съ цѣлью позондировать почву, причемъ сообщилъ, что командируетъ даотая (уѣздный начальникъ) Чжоумяня для переговоровъ; если же этотъ чиновникъ не сможетъ рѣшить необходимые вопросы, то цзянцзюнь самъ прибудетъ въ Мукденъ для свиданія съ генераломъ Субботичемъ. Алексѣевъ телеграфировалъ послѣднему задержать цзянцзюня въ Синминтинѣ до полученія инструкцій.

Въ городѣ Гиринѣ тамошній цзянцзюнь при наступленіи русскихъ не только не бѣжалъ, но устроилъ нашимъ войскамъ торжественную встрѣчу. Поэтому, хотя генералъ Ренненкампфъ и занялъ городъ, но предоставилъ цзянцзюню и китайской администраціи управлять попрежнему. Фактъ этотъ не могъ не быть извѣстенъ мукденскому цзянцзюню и, вѣроятно, повліялъ на его рѣшеніе вернуться въ покинутую имъ столицу. Весьма также возможно, что онъ опасался, что

бѣгство его не будетъ одобрено центральнымъ правительствомъ, такъ какъ этотъ фактъ, собственно, и послужилъ поводомъ къ занятію нами провинціи и къ введенію русскаго управленія въ городахъ Инкоу, Хайченѣ, Гайчжоу, Сюньюченѣ и Ляоянѣ. Несмотря на военное время и перерывъ сообщеній, китайцы были хорошо освѣдомлены, вѣроятно, черезъ Чифу, о настроеніи въ Пекинѣ.

ГЛАВА XXVI.

Мнѣніе Алексѣева о положеніи дѣлъ въ Маньчжуріи. Посланцы мукденскаго цзянцзюня просятъ о мирѣ.

Обсуждая вопросъ объ устройствѣ Маньчжуріи и лучшемъ способѣ умиротворенія края, Алексѣевъ неоднократно высказывался за сохраненіе внутренняго строя и китайской администраціи. Введеніе русскаго управленія или даже полное присоединеніе, которое рекомендовали наши военные, ссылаясь на примѣры Туркестана и Бухары, онъ находилъ опаснымъ по политическимъ причинамъ и, кромѣ того, неосуществимымъ за отсутствіемъ подходящаго служебнаго состава. Неподготовленность русскихъ къ управленію китайцами въ достаточной степени обнаружилась на опытѣ Квантунской области, и повтореніе той же ошибки въ большомъ масштабѣ онъ считалъ рискованнымъ. Оккупація Маньчжуріи, говорилъ онъ, вызвана военными дѣйствіями и должна имѣть временный характеръ. Она не должна нарушать внутренняго строя и быта китайцевъ и давать поводъ заподозрить искренность русскаго правительства, особенно послѣ обнародованнаго имъ манифеста о томъ, что Россія не намѣрена присоединять китайской территоріи. Политика аннексій невозможна, ибо мы въ союзѣ съ Китаемъ, и неоднократно заявляли, что не ведемъ войны, а лишь подавляемъ мятежъ. Хотя это фикція, но пока мы обязаны ее соблюдать. Примѣръ Туркестана неубѣдителенъ, ибо тамъ мы имѣли дѣло съ отдѣльными ханствами и съ кочевымъ населеніемъ, національно не спаяннымъ, Маньчжурія же—составная часть сосѣдняго дружественнаго государства. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Алексѣевъ держалъ себя непослѣдовательно. Такъ, онъ сравнивалъ наше положеніе въ Маньчжуріи съ положеніемъ англичанъ въ Индіи и даже рекомендовалъ индійскую систему военному министру, а между нами говорилъ, что наша страна слишкомъ некультурна и неподготовлена для такой роли.

Вопросъ объ умиротвореніи и организаціи Маньчжуріи служилъ, конечно, предметомъ обсужденія и въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, министерство иностранныхъ дѣлъ проявляло особенную сдержанность, видимо, не желая брать на себя отвѣтственности. Министерство же военное не имѣло, повидимому, общаго политическаго плана, что видно, между прочимъ, изъ телеграммы Куропаткина, въ которой онъ просилъ дать

заключеніе относительно возвращенія китайской администраціи и веденія переговоровъ съ отдѣльными цзяпцзюнями, независимо отъ Пекина. *)

Въ отвѣтѣ своемъ Алексѣевъ высказался за сохраненіе китайской администраціи и за назначеніе русскихъ совѣтниковъ, военнаго и дипломатическаго, а въ случаѣ надобности—и финансоваго. **)

Результатомъ этой переписки было полученіе Алексѣевымъ Высочайшихъ полномочій на веденіе переговоровъ съ мукденскимъ цзянцзюнемъ и на заключеніе съ нимъ военнаго соглашенія. Между тѣмъ цзянцзюнь бѣжалъ изъ Мукдена на сѣверъ въ мѣстечко Каншинсянъ, а затѣмъ, увидѣвъ, что его не преслѣдуютъ, переѣхалъ въ Синминтинъ, откуда командировалъ къ генералу Субботичу трехъ чиновниковъ для переговоровъ. Субботичъ отправилъ ихъ въ Портъ-Артуръ, куда они прибыли 21 октября и на другой день представились Алексѣеву, которому вручили письмо цзянцзюня. Послѣдній выражалъ свое

*) Телеграмма генералъ-лейтенанта Куропаткина адмиралу Алексѣеву. 25-го сентября 1900 года.

„Не откажите сообщить ваше заключеніе, какъ полагаете вы наиболѣе надежно и быстро возстановить порядокъ въ Мукденской провинціи. Надлежитъ ли возвратиться къ административному управленію этой провинціи цзянцзюня, съ правомъ имѣть конную и пѣшую полицейскую стражу, но безъ права имѣть войска. Существуетъ предположеніе о возможности и желательности открыть веденіе переговоровъ съ отдѣльными цзянцзюнями независимо переговоровъ, кои ведутся черезъ Пекинъ. Полагаете ли возможнымъ сохранить у власти мукденскаго цзянцзюня. Если онъ убитъ, или не соотвѣтствуетъ, то какой порядокъ, полагаете вы, надо установить для выбора новаго цзянцзюня. Какое положеніе онъ займетъ въ отношеніи къ бригадному и полковымъ командирамъ войскъ, кои будутъ оккупировать Мукденскую провинцію, и какъ установить отношенія цзянцзюня къ вамъ. Полагаете ли имѣть при цзянцзюнѣ особаго комиссара по военной части и чиновника по дипломатической“.

**) Секретная телеграмма адмирала Алексѣева военному министру. Портъ-Артуръ, 28 сентября 1900 года.

„На первое время оккупація въ интересахъ нашихъ должна имѣть характеръ преимущественно политическій, почему полагалъ бы желательнымъ сохранить въ Мукденской провинціи, насколько возможно, прежній административный строй, не вмѣшиваясь безъ особой надобности въ дѣла внутренняго управленія. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ оставить во главѣ управленія цзянцзюня, предоставивъ ему право, для поддержанія порядка, имѣть полицейскую охрану въ опредѣленномъ числѣ.

Для руководства и контроля при немъ должны состоять уполномоченные военный и министерства иностранныхъ дѣлъ. Кругъ дѣйствія этихъ лицъ могъ бы быть опредѣленъ примѣнительно къ положенію англійскихъ совѣтниковъ при туземныхъ правителяхъ въ Британской Индіи.

Назначеніе цзянцзюня, въ случаѣ отсутствія или смерти нынѣшняго, должно быть сдѣлано по соглашенію съ китайскими уполномоченными, назначенными для веденія переговоровъ, причемъ надлежитъ заблаговременно справиться о подходящемъ для насъ кандидатѣ на этотъ постъ. Что же касается непосредственныхъ переговоровъ съ цзянцзюнями помимо Пекина, то веденіе таковыхъ вполнѣ отвѣчаетъ нынѣшнему положенію и облегчитъ нашу задачу въ Маньчжуріи.

Дабы сохранить подобающее значеніе цзянцзюня среди населенія, считаю полезнымъ сохранить его внѣшнюю независимость и вести мои сношенія съ нимъ черезъ нашихъ уполномоченныхъ.

Принимая во вниманіе, что войска, имѣющія оккупировать провинцію, останутся подчинены на общемъ основаніи командующему войсками, полагаю, что положеніе бригаднаго и полковыхъ командировъ относительно цзянцзюня должно быть вполнѣ самостоятельно и возможно почтно.“

сожалѣніе по поводу прошлаго и предлагалъ оказать содѣйствіе къ умиротворенію провинціи на условіяхъ, угодныхъ адмиралу. Во время пріема главный уполномоченный, даотай Чжоумянь, объяснилъ, что цзянцзюнь находится въ Монголіи и ожидаетъ разрѣшенія вернуться въ Мукденъ. Онъ-де вполнѣ сознаетъ свою вину и надѣется на великодушіе русскихъ. Алексѣевъ отвѣтилъ, что прежде всего цзянцзюнь долженъ принять мѣры къ прекращенію сопротивленія китайскихъ войскъ. Что касается возвращенія китайской администраціи, то таковое можетъ произойти лишь при извѣстныхъ условіяхъ, которыя должны быть установлены путемъ переговоровъ. Говоря съ Алексѣевымъ, Чжоумянь и его товарищи держали себя съ большимъ достоинствомъ и безъ подобострастія. Чиновникъ Жуй-ань, говорившій хорошо по-русски, дополнялъ объясненія Тидемана, дѣйствовавшаго въ качествѣ переводчика.

Во время пребыванія китайскихъ чиновниковъ въ Артурѣ, отъ М. Н. Гирса получена была телеграмма съ сообщеніемъ, что Лихунчжанъ, по порученію своего правительства, хочетъ вступить въ переговоры относительно немедленной передачи Китаю Маньчжуріи, въ виду согласія на это русскаго Государя. Упомянувъ, что Богдыханъ намѣренъ смѣнить маньчжурскихъ цзянцзюней, посланникъ просилъ указать подходящихъ кандидатовъ па ихъ мѣсто. Лихунчжанъ, съ своей стороны, просилъ предупредить цзянцзюней, что китайскимъ чиновникамъ предписано вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, дѣйствуя совмѣстно съ русскими властями. Изъ содержанія телеграммы видно было, что китайцы торопятся съ возстановленіемъ статус-кво, вѣроятно, опасаясь, что мы передумаемъ и назначимъ собственную администрацію.

ГЛАВА XXVII.

Переговоры съ посланцами мукденскаго цзянцзюня. Подписаніе временнаго соглашенія.

Въ виду политическаго характера нѣкоторыхъ условій соглашенія, поставленныхъ нашими военными властями, я предложилъ Алексѣеву, предварительно переговоровъ съ китайцами, снестись съ Петербургомъ или хотя бы съ Пекиномъ. Алексѣевъ, однако, этому воспротивился, замѣтивъ, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, и что онъ уполномоченъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Къ тому же, проэктированное соглашеніе будетъ временнымъ. Попытки мои переубѣдить Алексѣева были безполезны; оставалось перевести соглашеніе на китайскій языкъ и вручить его Чжоуманю. Ознакомившись съ этимъ документомъ, китайскіе делегаты не безъ смущенія заявили, что нѣкоторыя условія затрагиваютъ суверенныя права Китая и вообще непріемлемы, какъ, напр., статья объ оставленіи въ нѣкоторыхъ городахъ русскаго военнаго управленія и статья объ учрежденіи въ Мукденѣ комиссарства. Чжоумянь объяснилъ, что цзянцзюнь не подпишетъ нашихъ условій безъ разрѣшенія Пекина, и что самъ онъ не имѣетъ полномочія на подписаніе столь важнаго документа.

Я, конечно, старался убѣдить делегатовъ, въ чемъ мнѣ помогали Тидеманъ и нашъ переводчикъ Шао, принять наши условія, указывая на ихъ временный характеръ. Китайцы же отказывались подписать, можетъ быть, въ надеждѣ выиграть время, и твердили, что имъ грозитъ разжалованіе и судъ, какъ за измѣну (что впослѣдствіи и произошло), и просили разрѣшенія донести въ Мукденъ или Лихунчжану.

Гордіевъ узелъ нашихъ сомнѣній былъ разрубленъ Алексѣевымъ, который приказалъ мнѣ заявить Чжоумяню и его товарищамъ, что, если они станутъ упрямиться, то онъ подъ карауломъ отправитъ ихъ обратно, а цзянцзюня не выпуститъ изъ Синминтина. Я опускаю подробности рѣзкаго объясненія съ адмираломъ, обрушившимся на меня и на Тидемана съ обвиненіями въ неумѣстной щепетильности и въ неумѣніи вести переговоры и пригрозившимъ увольненіемъ. Тидеманъ не имѣлъ доклада у Алексѣева, но въ разговорахъ со мной возмущался безнравственностью нашихъ требованій и оправдывалъ сопротивленіе китайцевъ. Какъ бы то ни было, угроза Алексѣева подѣйствовала, и китайскіе делегаты, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и оговорокъ, согласились на подписаніе. При этомъ возникъ

Участники Маньчжурскаго соглашенія: И. Я. Коростовецъ. Н. Г. Тидеманъ. Поручикъ Вавиловъ. Даотай Чжоу-мянь. Окружной начальникъ Жуй-ань. Уѣздный начальникъ Цзянъ-вэнь-си.

вопросъ, кто же съ нашей стороны подпишетъ злосчастное соглашеніе. Алексѣевъ не хотѣлъ подписывать раньше цзянцзюня, а Чжоумянь требовалъ русской подписи одновременно съ своей. Въ концѣ концовъ, рѣшили, что делегаты подпишутъ за цзянцзюня, а я—за Алексѣева. Такимъ образомъ, въ случаѣ отказа цзянцзюня, Алексѣевъ могъ остаться въ сторонѣ. Алексѣевъ торопилъ съ подписаніемъ и не позволилъ мнѣ даже сообщить текстъ соглашенія посланнику, опасаясь, что у насъ передумаютъ и согласятся вернуть китайскую администрацію безъ всякихъ условій, а это, по его мнѣнію, могло стѣснить нашу свободу дѣйствій при дальнѣйшемъ урегулированіи маньчжурскаго вопроса. Подписаніе соглашенія состоялось 27 октября въ канцеляріи дипломатическаго чиновника. Сознаюсь, что я отчасти раздѣлялъ взглядъ Тидемана на затѣянное нами дѣло, и подписалъ лишь потому, что трудно было поступить иначе, не вызвавъ крупныхъ непріятностей [1]).

Бѣдные китайскіе чиновники явились на другой день къ Алексѣеву съ прощальнымъ визитомъ, причемъ должны были выслушать рядъ наставленій, сущность коихъ сводилась къ совѣту безпрекословно повиноваться нашему комиссару. Алексѣевъ былъ, видимо, доволенъ случаемъ проявить свое дипломатическое искусство и, поблагодаривъ меня и Тидемана за содѣйствіе, съ усмѣшкой замѣтилъ: „вы слишкомъ легковѣрны—повѣрьте, никакого разжалованія или суда китайцамъ не грозитъ.“

---

[1]) *Временное соглашеніе:*

I. Со вступленіемъ цзянцзюня въ исполненіе прежнихъ обязанностей по управленію провинціею, онъ является отвѣтственнымъ за сохраненіе въ провинціи порядка и спокойствія, за безпрепятственный ходъ работъ по постройкѣ Китайской Восточной желѣзной дороги и за ея цѣлость.

II. Для охраны строющейся желѣзной дороги и обезпеченія порядка въ краѣ, въ Мукденѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ провинціи будутъ расположены русскія войска, коимъ управленіе цзянцзюня должно оказывать полный почетъ и содѣйствіе, въ чемъ это понадобится, какъ-то: при расквартированіи и покупкѣ провіанта, фуража и проч.

III. Оставшіяся въ Мукденской провинціи китайскія войска, какъ принимавшія участіе въ мятежѣ и разрушеніи желѣзной дороги, должны быть цзянцзюнемъ обезоружены и распущены, но не подлежатъ отвѣтственности, если исполнятъ это безъ сопротивленія. Арсеналы, орудія, оружія, всякіе воинскіе склады и запасы, еще не взятые русскими войсками, передаются въ распоряженіе русскихъ военныхъ властей.

IV. Въ пунктахъ, гдѣ не имѣется русскихъ гарнизоновъ, всѣ укрѣпленія разныхъ наименованій (батареи, форты и проч.) подлежатъ срытію распоряженіемъ китайскихъ властей, въ присутствіи представителя русской военной власти, а склады боевыхъ припасовъ, коими русскія военныя власти не предполагаютъ воспользоваться, —уничтоженію такимъ же порядкомъ.

ГЛАВА XXVIII.

Последующія сношенія съ мукденскимъ цзянцзюнемъ. Назначеніе русскаго политическаго комиссара.

Для сопровожденія китайскихъ чиновниковъ въ Синминтинъ, гдѣ находился цзянцзюнь, былъ назначенъ поручикъ Вавиловъ. Ему поручили отвезти соглашеніе и представить его цзянцзюню для подписи. Вавиловъ уѣхалъ въ концѣ октября и вернулся въ Артуръ лишь черезъ мѣсяцъ, успѣшно справившись съ своимъ порученіемъ, т.-е. добившись подписанія. Результатъ этотъ достигнутъ былъ съ нѣкоторымъ трудомъ. Прибывъ въ Синминтинъ, гдѣ находился цзянцзюнь съ семьею, министрами, чиновниками и небольшимъ отрядомъ, Вавиловъ сталъ настаивать на подписаніи. Цзянцзюнь же отказался, заявивъ, что долженъ пріѣхать въ Артуръ для личныхъ переговоровъ, ибо не согласенъ съ требованіями объ обезоруженіи китайскихъ войскъ и сдачѣ оружія и о сохраненіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ русскаго управленія.

Въ отвѣтъ на эти протесты, Алексѣевъ поручилъ передать, что возвращеніе его въ Мукденъ обусловлено подписаніемъ соглашенія. По свидѣтельству Вавилова, въ Синминтинѣ ежедневно происходили бурныя совѣщанія между цзянцзюнемъ и его министрами. Послѣдніе предо-

---

V. Въ городѣ Инкоу и другихъ мѣстахъ, гдѣ временно введено русское гражданское управленіе, замѣна его китайскимъ совершится по мѣрѣ дѣйствительнаго возстановленія въ краѣ порядка, по усмотрѣнію Императорскаго Россійскаго правительства.

VI. Для непосредственнаго наблюденія за порядкомъ въ городахъ провинціи, цзянцзюню предоставляется право организовать пѣшую и конную полицейскую стражу, безъ орудій, съ непосредственнымъ ему подчиненіемъ; на тѣхъ же основаніяхъ организуется земская полиція въ деревняхъ и селеніяхъ. Численность этой стражи и ея вооруженіе будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ.

VII. При цзянцзюнѣ будетъ состоять русскій комиссаръ для удобства сношеній съ главнымъ начальникомъ Квантунской области. Комиссаръ этотъ долженъ быть освѣдомленъ о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ цзянцзюня.

VIII. Въ случаѣ недостаточности организованной цзянцзюнемъ полиціи для охраненія безопасности морской и сухопутной границы края или для обезпеченія внутренняго порядка, цзянцзюнь имѣетъ право черезъ вышеозначеннаго комиссара обратиться къ начальнику Императорскихъ русскихъ войскъ.

IX. При толкованіи вышеизложенныхъ восьми пунктовъ, руководящимъ текстомъ будетъ русскій.

Вышеизложенныя предварительныя условія вступаютъ въ силу со дня возвращенія цзянцзюня въ Мукденъ и могутъ быть дополнены или измѣнены лишь по взаимному соглашенію главнаго начальника Квантунской области и мукденскаго цзянцзюня, или же, если оба правительства признаютъ это необходимымъ.

стерегали цзянцзюня отъ подписанія; въ особенности же возставали противъ соглашенія враждебные намъ министръ финансовъ Цин-юй и гражданскій губернаторъ Фу-инъ. Несмотря на уговоры Вавилова, цзянцзюнь продолжалъ колебаться, опасаясь доносовъ своихъ коллегъ. Вавиловъ потомъ мнѣ разсказывалъ, что присутствовавшій на этихъ совѣщаніяхъ Чжоумянь стоялъ за подписаніе, но остальные не обращали на его слова вниманія, упрекали его въ превышеніи власти, въ потворствѣ русскимъ и въ полученіи отъ нихъ взятки.

Въ концѣ концовъ, цзянцзюнь все же подписалъ наши условія, послѣ чего получилъ разрѣшеніе вернуться въ Мукденъ. Пока мы занимались этими пререканіями, отъ посланника пришла телеграмма съ сообщеніемъ, что китайскіе уполномоченные предписываютъ цзянцзюню вернуться въ Мукденъ: „Князь Цинъ и Ли просятъ сообщить Цзэн-ци, что ими полученъ указъ Богдыхана о временномъ вступленіи его въ управленіе Мукденской провинціей“. Въ телеграммѣ этой не говорилось ни о какихъ обязательствахъ или ограниченіяхъ, и Алексѣевъ сообщилъ ее цзянцзюню лишь послѣ подписанія послѣднимъ соглашенія.

Хотя цзянцзюнь и подписалъ соглашеніе, но сдѣлалъ это лишь подъ давленіемъ и тотчасъ же сталъ искать способа какъ-нибудь отъ него освободиться. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу, полученныя мною отъ полковника Громбчевскаго, назначеннаго въ Мукденъ военнымъ комиссаромъ. Они отчасти разъясняютъ образъ дѣйствія китайскихъ чиновниковъ. Какъ оказалось, Чжоумянь, находясь еще въ Портъ-Артурѣ, отправилъ текстъ нашего соглашенія къ Лихунчжану секретно черезъ Чифу. Намъ это было неизвѣстно, ибо за дѣйствіями Чжоумяня во время его пребыванія въ Портъ-Артурѣ особенно не слѣдили. Такимъ образомъ, въ Пекинѣ узнали о подписаніи соглашенія раньше самого цзянцзюня. Лихунчжанъ, вѣроятно, чтобы привлечь вниманіе иностранцевъ, сообщилъ текстъ соглашенія жившему въ Пекинѣ корреспонденту англійской газеты „Таймсъ“ Моррисону. По другой же версіи, текстъ договора былъ переданъ японцамъ. Какъ бы то ни было, Моррисонъ, обрадованный разоблаченіемъ о якобы секретномъ договорѣ касательно уступки южной Маньчжуріи, поспѣшилъ протелеграфировать въ этомъ смыслѣ въ Лондонъ. Въ концѣ декабря европейскія и дальневосточныя газеты опубликовали текстъ договора, заключеннаго „представителемъ адмирала Алексѣева генераломъ Коростовецъ“ съ татарскимъ генераломъ Цзэнъ*). Газеты, однако, умолчали о томъ, что соглашеніе это имѣло временный и военный характеръ. Такъ какъ

*) Названіе, даваемое иностранцами командующимъ маньчжурскими гарнизонами въ Китаѣ.

въ текстѣ, сообщенномъ Чжоумянемъ, были только подписи китайцевъ и моя, то и въ газетахъ соглашеніе появилось въ томъ же видѣ, т. е. безъ подписей Алексѣева и цзянцзюня.

Англійскій посланникъ въ Пекинѣ, узнавъ о соглашеніи отъ Моррисона, обратился за разъясненіями къ нашему посланнику, который, однако, не далъ ему нужныхъ свѣдѣній, отчасти потому, что самъ имѣлъ лишь краткое телеграфное извѣстіе изъ Портъ-Артура. Министерство иностранныхъ дѣлъ, получившее отъ насъ текстъ соглашенія, поспѣшило разъяснить иностраннымъ представителямъ дѣйствительное значеніе этого акта. Объясненія эти, повидимому, произвели успокоительное впечатлѣніе въ Лондонѣ, но не въ Японіи. Тамошнія газеты увидѣли въ переговорахъ Алексѣева попытку къ установленію протектората надъ южной Маньчжуріей*). Что касается Чжоумяня и его товарищей, то они были разжалованы и вызваны въ Пекинъ для суда.

Въ началѣ декабря въ Мукденъ прибылъ назначенный военнымъ комиссаромъ при цзянцзюнѣ полковникъ Громбчевскій, послѣ чего наши сношенія съ Мукденомъ получили болѣе правильный характеръ. Согласно инструкціи, данной Громбчевскому, русскій комиссаръ долженъ былъ играть тамъ роль „всевидящаго ока", т. е. быть освѣдомленъ обо всемъ, что творится въ провинціи. Онъ долженъ былъ имѣть надзоръ за цзянцзюнемъ и его чиновниками и служить посредникомъ между нимъ и военными властями. Ограждая права китайской админи-

---

*) Отвѣтное сообщеніе мукденскаго цзянцзюня Цзэн-ци главному начальнику Квантунской области вице-адмиралу Алексѣеву. Мукденъ, 5-го числа 10-го мѣсяца 26 года Гуань-сюй 13/25 ноября 1900 года.

„Совмѣстно съ гражданскимъ губернаторомъ города Мукдена, я обращался къ вашему превосходительству съ сообщеніемъ, въ коемъ сказано было, что мы приложимъ всѣ старанія для разрѣшенія къ обоюдному удовольствію всѣхъ вопросовъ касательно отношеній между краемъ (населеніемъ) и желѣзной дорогой, дабы возможно было скорѣе приступить къ работамъ. Въ томъ сообщеніи мы увѣдомили васъ о командированіи даотая Чжоумяня и другихъ, въ качествѣ уполномоченныхъ, для личнаго обсужденія съ вашимъ превосходительствомъ всѣхъ этихъ вопросовъ. Послѣ этого получено было сообщеніе вашего превосходительства, что, по Высочайшему повелѣнію, Императорскія войска выводятся изъ Пекина, что предположено отозвать ихъ изъ всей Маньчжуріи, что ваше превосходительство, въ заботахъ о благѣ населенія, желаете возвращенія мѣстныхъ властей для управленія краемъ и успокоенія народа; затѣмъ вы высказали надежду, что я скоро вернусь въ Мукденъ, сообщили объ оставленіи части войскъ въ провинціи для содѣйствія въ поддержаніи порядка и для предупрежденія вторичнаго разрушенія желѣзной дороги и, наконецъ, обѣщали мнѣ полную безопасность въ случаѣ моего возвращенія.

Желаніе Россійскаго Государя возстановить добрососѣдскія отношенія и укрѣпить узы вѣковой дружбы, а также высказанныя вашимъ превосходительствомъ возвышенныя чувства и добрыя намѣренія вызвали во мнѣ чувство искренней признательности. Отозваніе войскъ, усмиреніе разбойниковъ и успокоеніе населенія полезно для обѣихъ сторонъ.

Изъ Синминтина я телеграфировалъ по поводу обсужденія этихъ вопросовъ; не получая долго никакихъ извѣстій отъ даотая Чжоумяня и опасаясь, что они недостаточно освѣдомлены о здѣшнихъ дѣлахъ, я думалъ, что, можетъ быть, лучше было

страціи, онъ въ то же время долженъ былъ внушать цзянцзюню, что только въ тѣсномъ согласіи съ русскими онъ въ состояніи будетъ достигнуть порядка въ провинціи.

Составленіе инструкціи затруднялось отсутствіемъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Цицикарѣ и въ Гиринѣ, и какія отношенія установились между китайской администраціей и русскими властями. Сначала Алексѣевъ думалъ, что генералъ Гродековъ заключилъ съ тамошними цзянцзюнями соглашенія, аналогичныя нашимъ, но затѣмъ оказалось, что ничего подобнаго сдѣлано не было. Лишь въ декабрѣ получена была телеграмма военнаго министра касательно установленія такъ называемаго „правительственнаго надзора" въ Маньчжуріи, другими словами, регламентація отношеній китайцевъ и русскихъ. Правила эти имѣли односторонній характеръ и были секретныя.

По моему мнѣнію, назначеніе Громбчевскаго, человѣка энергичнаго и гибкаго, было довольно удачно. Онъ служилъ прежде пограничнымъ комиссаромъ въ Благовѣщенскѣ и считался знатокомъ китайскихъ дѣлъ. Алексѣевъ былъ, впрочемъ, недоволенъ Громбчевскимъ за разоблаченіе дѣйствій нашихъ военныхъ въ Маньчжуріи. Послѣдніе снаряжали карательныя экспедиціи, якобы противъ хунхузовъ и боксеровъ, въ дѣйствительности же брали контрибуціи съ мирныхъ жителей. Алексѣевъ, конечно, зналъ, что тутъ есть доля правды, но не хотѣлъ раздражать Куропаткина и смотрѣлъ на дѣло сквозь пальцы.

бы мнѣ лично обсудить всѣ эти дѣла съ вами. 28-го числа даотай Чжоумянь и другіе, вмѣстѣ съ поручикомъ Вавиловымъ, привезли ваше сообщеніе, а также предварительное соглашеніе.

Ознакомившись съ содержаніемъ соглашенія, я нашелъ, что въ немъ есть мѣста, которыя слѣдовало бы еще разъ обсудить. Такъ, относительно упомянутаго въ статьѣ 3-й распущенія и обезоруженія солдатъ, слѣдовало бы подробно опредѣлить способъ, какъ это сдѣлать, чтобы уничтожить зло окончательно. Затѣмъ, въ статьѣ 5-й говорится, что въ Инкоу и другихъ пунктахъ временно сохраняется русское управленіе, и россійское правительство, по мѣрѣ возстановленія дѣйствительнаго порядка въ Мукденской провинціи, снова допуститъ возвращеніе китайскихъ властей. При этомъ сказано, что Инкоу и другіе пункты, но неопредѣленно, какіе же именно другіе пункты. Кромѣ того, даотай морской таможни въ отношеніи взиманія разныхъ пошлинъ зависитъ отъ Чжилійскаго генералъ-губернатора; наконецъ, дѣло это касается мѣстной штатной должности, а я не имѣю полномочій, также не получилъ еще мирнаго договора, а потому мнѣ самому трудно принять какія-либо рѣшенія, и мнѣ слѣдуетъ доложить нашему Богдыхану и ждать отъ него инструкцій для подписанія.

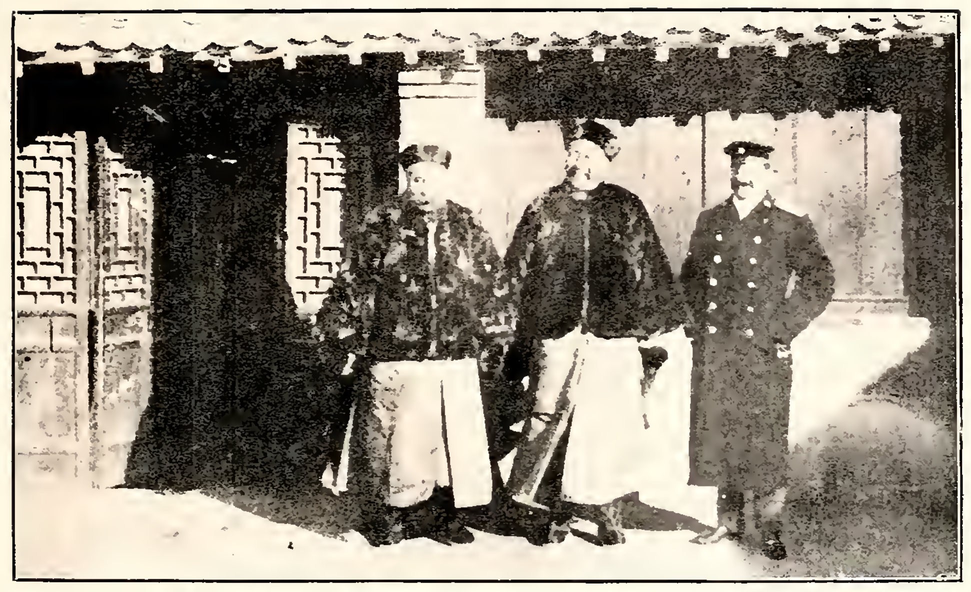
Несмотря на все вышеизложенное, я, вслѣдствіе неоднократныхъ заявленій поручика Вавилова о полученіи отъ васъ телеграммъ, что соглашеніе временное, и впослѣдствіи можетъ быть измѣнено, рѣшилъ доложить объ этомъ дѣлѣ на усмотрѣніе Богдыхана, дальнѣйшія обсужденія и измѣненія отложить до прибытія въ Мукденъ. Соглашеніе же въ 9-ти пунктахъ подписалъ и скрѣпилъ печатью и передалъ поручику Вавилову для врученія вашему превосходительству.

Покорнѣйше прошу васъ, съ своей стороны, подписать и скрѣпить печатью это предварительное соглашеніе и передать командируемымъ мною чиновникамъ для доставленія ко мнѣ".

По прибытіи въ Мукденъ, Громбчевскій принялся за дѣло, направивъ свои старанія на возстановленіе довѣрія и добрыхъ отношеній между русскими военными властями и китайцами. Наши власти, занявшія въ Мукденѣ положеніе хозяевъ, несочувственно отнеслись къ возвращенію цзянцзюня и его чиновниковъ, считая, что управленіе должно остаться въ русскихъ рукахъ. Съ другой стороны, возвращеніе цзянцзюня подъ охраной русскихъ войскъ подорвало его престижъ въ глазахъ населенія. Противъ него стали интриговать собственные чиновники. Цзянцзюнь, потрясенный перенесенными испытаніями, сталъ бояться не только русскихъ, но и своихъ, и, вообще, не зналъ, какъ себя вести. Громбчевскій увѣдомлялъ, что цзянцзюнь подавленъ нравственно и, кромѣ того, находится въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, живетъ со свитою на жалкомъ постояломъ дворѣ, ибо ямынь его занятъ начальникомъ нашего южно-маньчжурскаго отряда генераломъ Церпицкимъ, который обращается съ китайскими чиновниками грубо и презрительно. Дѣло въ томъ, что, во время бѣгства изъ Мукдена, провинціальное казначейство было разграблено; большую часть денегъ увезъ вышеупомянутый фудутунъ Цзин-чанъ, а часть расхитили боксеры и чернь. Самъ цзянцзюнь, уѣзжая изъ Мукдена, захватилъ значительную сумму серебра въ слиткахъ, но при переправѣ черезъ рѣку Ляохэ былъ ограбленъ своими солдатами. Сообщая о постигшихъ цзянцзюня бѣдствіяхъ, Громбчевскій предлагалъ оказать ему денежную помощь, говоря, что это будетъ политично, ибо поставитъ этого правителя въ еще болѣе тѣсную отъ насъ зависимость.

Вслѣдъ за прибытіемъ цзянцзюня въ Мукденъ, я получилъ телеграмму отъ Чжоумяня, въ которой онъ просилъ о заступничествѣ. Чжоумяня обвиняли въ подписаніи гибельнаго для Китая соглашенія и въ полученіи взятки отъ русскихъ. Онъ писалъ, что даже опасается за свою жизнь. На другой день пришла телеграмма отъ цзянцзюня съ предупрежденіемъ, что разжалованный даотай Чжоумянь намѣревается ѣхать безъ его разрѣшенія въ Портъ-Артуръ, и что онъ проситъ насъ не вступать съ нимъ въ сношенія. Такъ какъ дѣло принимало серьезный оборотъ, то пришлось пригрозить цзянцзюню. Послѣдній оправдывался тѣмъ, что Чжоумянь послѣ подписанія соглашенія телеграфировалъ, не имѣя на то права, Лихунчжану въ Пекинъ. Въ отвѣтѣ своемъ Лихунчжанъ назвалъ Чжоумяня разжалованнымъ даотаемъ и потребовалъ немедленнаго прибытія его въ столицу для суда. Вообще, цзянцзюнь давалъ понять, что первоначальное неодобреніе Чжоумяню выражено было Лихунчжаномъ, а что онъ лично ничего противъ этого чиновника не имѣетъ.

Въ виду такого отношенія Лихунчжана къ факту подписанія вре-

Во дворѣ Дипломатической канцеляріи въ Портъ-Артурѣ. И. Коростовецъ. Мукденскій и Хэйлунцзянскій цзянцзюни.

Портъ-Артуръ зимою. Перепелиная гора и восточный бассейнъ. 1900 г.

меннаго соглашенія, Алексѣевъ обратился къ нему съ просьбою вернуть цзянцзюню прежнее довѣріе, ибо заключенное имъ соглашеніе не нарушаетъ суверенныхъ правъ Китая.

Лихунчжанъ отвѣтилъ любезной отпиской, но цзянцзюня все же оставилъ подъ опалой, якобы за превышеніе власти. Мы въ этомъ убѣдились во время нашей поѣздки въ Маньчжурію въ началѣ 1901 года. Алексѣевъ провелъ тогда нѣсколько дней въ Мукденѣ и видѣлся съ цзянцзюнемъ, который жаловался на свое несчастное положеніе, говоря, что онъ окончательно скомпрометированъ въ глазахъ своего правительства, которое считаетъ его измѣнникомъ и креатурой русскихъ. Послѣдніе же не хотятъ съ нимъ считаться и подрываютъ его престижъ въ глазахъ населенія. Вообще, положеніе его между китайцами и русскими невыносимо, и онъ предпочелъ бы уйти въ отставку. Алексѣевъ старался ободрить цзянцзюня, совѣтуя держаться русскихъ и обѣщая свою поддержку. Вскорѣ за тѣмъ Цзэн-ци и хэйлунцзянскій цзянцзюнь Чохабу пріѣхали въ Портъ-Артуръ для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ нашей оккупаціей. Цзэн-ци опять повторилъ свою жалобу, но на этотъ разъ встрѣтилъ болѣе энергичный отпоръ. Ему дали понять, что мы готовы его защищать, лишь пока онъ дѣйствуетъ совмѣстно съ нами, и посовѣтовали примириться съ своей участью.

ГЛАВА XXIX.

Рѣшеніе занять лѣвый берегъ Пейхо. Взглядъ посланника. Меня командируютъ для занятія участка. Объявленіе генерала Линевича и протестъ иностранцевъ.

Мысль о занятіи болѣе прочнаго положенія въ Тянцзинѣ, путемъ устройства тамъ русской концессіи, возникла еще во время обороны этого города нашими войсками. Культурный видъ существующихъ концессій могъ только укрѣпить подобное намѣреніе, особенно въ виду понесенныхъ Россіей жертвъ для защиты чужихъ интересовъ. Алексѣеву хотѣлось, отчасти по причинамъ сентиментальнымъ, удержать лѣвый берегъ рѣки Пейхо съ мѣстомъ нашей лагерной стоянки и съ китайской военной школой. Онъ думалъ устроить тамъ общую братскую могилу для русскихъ, погибшихъ при защитѣ города, и увѣковѣчить ихъ память сооруженіемъ часовни. Особенно интересовала его военная школа, и онъ энергично отражалъ попытки союзниковъ, а позднѣе графа Вальдерзэ, передать ее въ общее владѣніе союзниковъ. Разговоры объ участкѣ для могилы и часовни навели на мысль о концессіи.

Послѣ занятія Тянцзина всѣ союзныя державы подняли національные флаги надъ мѣстами расположенія своихъ войскъ, а также надъ нѣкоторыми участками внѣ китайскаго города. Японскіе и французскіе флаги появились на разрушенныхъ домахъ китайскихъ предмѣстій, примыкавшихъ къ концессіямъ; французскіе флаги были поставлены, кромѣ того, на противоположной сторонѣ, на кучахъ соли, сложенныхъ на берегу.*) Нѣмцы выставили флаги на своей концессіи и на складѣ китайской компаніи Кайпинскихъ угольныхъ копей. Понтонные мосты, переброшенные черезъ Пейхо, также были обозначены флагами. Въ началѣ осады существовалъ лишь постоянный французскій и вновь наведенный русскій мосты. Къ концу года къ нимъ прибавились англійскій и германскій. Военные флаги ставили, чтобы показать право владѣнія или занятія, причемъ ставили ихъ не только оффиціальныя лица, но и разные предприниматели, пріѣхавшіе въ Тянцзинъ ради наживы. Русскій флагъ съ самаго начала обороны поднятъ

---

*) Въ Тянцзинѣ, вѣрнѣе, въ Тонгку, устроены соляныя варницы. Соль добывалась изъ морской воды и складывалась въ бунтахъ на берегу рѣки, противъ европейскихъ концессій. Во время осады Тянцзина, боксеры прятались за этими бунтами и оттуда стрѣляли по концессіямъ.

былъ на китайской военной школѣ, а затѣмъ появился и на соляныхъ бунтахъ. Часть бунтовъ была занята англичанами, передавшими ихъ затѣмъ французамъ.

Союзники, не стѣсняясь, занимали участки и дома, покинутые китайцами и европейцами. Англичане захотѣли было занять подъ казармы китайскую деревню, брошенную жителями, платившими прежде аренду русскому купцу Старцеву, какъ владѣльцу земли. Я приказалъ прикрѣпить къ фанзамъ дощечки съ надписью: „частная собственность Старцева". Англійскій полковникъ тогда пошелъ на компромиссъ и заключилъ съ консульствомъ контрактъ о наймѣ домовъ. Обыкновенно оккупація совершалась довольно просто: на домѣ или на землѣ отсутствующаго хозяина ставился флагъ, затѣмъ производился ремонтъ, и такимъ путемъ создавалось право владѣнія. Вообще, всѣ стремились воспользоваться безначаліемъ, вѣрнѣе, многоначаліемъ, чтобы что-нибудь захватить. Консулы смотрѣли на это сквозь пальцы, дабы избѣжать недоразумѣній съ военными властями. Китайцы отсутствовали, или боялись протестовать: какъ разъ попадешь въ списокъ подозрительныхъ или боксеровъ, а съ ними въ то время не церемонились. Въ виду такого положенія дѣлъ, у насъ рѣшили закрѣпить земли, которыя предполагалось занять для концессіи. Вскорѣ за тѣмъ, т. е. въ началѣ августа, завѣдывавшій желѣзной дорогой полковникъ Келлеръ наставилъ по лѣвому берегу рѣки русскіе флаги и дощечки съ надписью: „занято по распоряженію военныхъ властей".

Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія дощечекъ, ко мнѣ—я тогда управлялъ консульствомъ—явился управляющій бельгійскимъ консульствомъ г. Кетельсъ и просилъ сообщить, намѣрено ли наше правительство занять участокъ на лѣвомъ берегу рѣки, какъ то можно заключить по дощечкамъ. Ему нужно было это знать, въ виду намѣренія бельгійскихъ фирмъ устроить тамъ заводъ. Я отвѣтилъ неопредѣленно, посовѣтовавъ бельгійцамъ устроиться ниже военной школы. Нѣсколько дней спустя, въ шанхайскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что русскіе собираются пріобрѣсти концессію въ Тяньцзинѣ, и уже заняли участокъ на лѣвомъ берегу.

Между тѣмъ на границѣ французской концессіи начались работы по очисткѣ развалинъ для новой планировки улицъ въ предѣлахъ китайскаго предмѣстья. Французскій генеральный консулъ объяснилъ, что намѣренъ прирѣзать китайскіе участки, что это „de bonne guerre", такъ какъ въ предмѣстьи жили боксеры, разрушившіе концессію. Онъ считалъ, что наступилъ благопріятный моментъ для ея расширенія, и оправдывался образомъ дѣйствія китайскихъ мятежниковъ. Хотя я и не вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ, но, имѣя въ виду

создавшуюся обстановку, нашелъ прiемъ графа Дюшеляра довольно естественнымъ.

Несмотря на примѣръ французовъ, вопросъ о нашей концессiи продолжалъ оставаться въ неопредѣленномъ положенiи. Алексѣевъ поглощенъ былъ маньчжурскими дѣлами, а посланникъ находился въ Пекинѣ и концессiей не интересовался. Нѣкоторый толчокъ дѣлу далъ прибывшiй изъ Ханькоу чаеторговецъ Молотковъ. Ему нуженъ былъ складъ для чаевъ, и онъ обратился въ наше консульство съ просьбою объ отводѣ или покупкѣ участка на будущей русской концессiи. Получивъ прошенiе Молоткова, консулъ направилъ его къ директору Русско-Китайскаго банка Покотилову, причемъ просилъ его увѣдомить, какой отвѣтъ надлежитъ давать русскимъ подданнымъ, обращающимся съ ходатайствами объ отводѣ участковъ, а также, какъ относится наше финансовое вѣдомство къ занятiю концессiи. Покотиловъ отвѣтилъ, что вопросъ о концессiи и ходатайство русскихъ подданныхъ переданы имъ на благоусмотрѣнiе министерства финансовъ. Такимъ образомъ, вопросъ о концессiи началъ выходить изъ стадiи предположенiй.

Въ концѣ сентября въ Тяньцзинъ прибыла наша Пекинская миссiя, и при первомъ же свиданiи М. Н. Гирсъ заговорилъ о концессiи. Онъ предвидѣлъ протесты иностранцевъ и считалъ, что было бы лучше, если бы частныя лица купили нужные намъ участки и такимъ путемъ подготовили бы почву къ оффицiальному занятiю. Я отвѣтилъ, что пока главною цѣлью нашею должно быть предупрежденiе покупки и захвата земель иностранцами въ предѣлахъ намѣченнаго участка. Подобныя попытки уже дѣлались, причемъ покупатели, чтобы соблазнить китайцевъ, говорили, что Россiя займетъ земли безъ вознагражденiя. Недоразумѣнiе это слѣдовало бы разъяснить. Оффицiальная поддержка военныхъ властей необходима, и безъ нея врядъ ли что-нибудь выйдетъ, ибо китайскiе продавцы къ русскимъ сами не пойдутъ, да ихъ и нѣтъ. Къ тому же, иностранцы настолько сильны капиталами и сплоченностью, что борьба для частныхъ русскихъ покупателей невозможна. Посланникъ, однако, остался при своемъ мнѣнiи. Вообще, онъ не сочувствовалъ концессiи, говоря, что она будетъ созданiемъ искусственнымъ, такъ какъ у насъ въ Тяньцзинѣ нѣтъ ни подданныхъ ни торговыхъ интересовъ.

Въ виду такого отношенiя къ вопросу со стороны посланника, я рѣшилъ, что концессiя похоронена и въ оффицiальныхъ сферахъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что и Алексѣевъ какъ будто бы охладѣлъ къ этой мысли. Между тѣмъ, въ началѣ сентября, когда я уже былъ въ Портъ-Артурѣ, отъ М. Н. Гирса пришла телеграмма съ сообщенiемъ, что министръ финансовъ раздѣляетъ взглядъ Алексѣева на желательность имѣть кон-

цессію въ Тянцзинѣ, и что нужно назначить офицера для завѣдыванія участкомъ, который рѣшено занять. Кромѣ того, мы узнали, что генералъ Линевичъ также возбудилъ вопросъ о концессіи, что этому сочувствуетъ и военный министръ, и что все дѣло, т. е. опредѣленіе размѣровъ концессіи и выработка финансовыхъ условій, поручены Покотилову. Въ телеграммѣ Куропаткина говорилось, что въ предѣлы концессіи долженъ войти участокъ, гдѣ сражались русскія войска, съ Восточнымъ арсеналомъ включительно.

Такъ какъ вопросъ о концессіи рѣшался, повидимому, въ положительномъ смыслѣ, Алексѣевъ предложилъ мнѣ отправиться въ Тянцзинъ, чтобы помочь генералу Линевичу въ выборѣ участка и въ переговорахъ съ заинтересованными лицами. Посланнику и Покотилову было сообщено, что, на основаніи полученныхъ изъ Петербурга инструкцій, рѣшено отложить оффиціальныя сношенія съ китайцами до выясненія хода переговоровъ въ Пекинѣ, а пока занять участокъ фактически и командировать меня для участія въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ отъ Линевича и отъ и. д. военнаго агента капитана Нечволодова пришло извѣстіе, что иностранцы пріобрѣтаютъ участки на лѣвомъ берегу. Это было нежелательно, и Линевичу предписали предупредить иностранныя военныя власти, что мы намѣрены занять участокъ для устройства концессіи по праву завоеванія. Онъ долженъ былъ также объявить, что мы не признаемъ земельныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ послѣ 4/16 іюня—времени начала военныхъ дѣйствій,—и что всѣ владѣльцы-китайцы приглашаются представить въ мѣсячный срокъ документы на владѣніе. Неудачное выраженіе „по праву завоеванія“ употреблено было по мысли Нечволодова. Послѣдній въ это время прибылъ въ Артуръ и су большою настойчивостью побуждалъ Алексѣева къ болѣе рѣшительномъ образу дѣйствія, дабы положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ.

Переговоры съ мукденскими чиновниками, о которыхъ упоминалось выше, задержали меня въ Артурѣ до конца октября. Я надѣялся уже избѣгнуть непріятной командировки въ Тянцзинъ, когда получена была телеграмма о новыхъ попыткахъ иностранцевъ занять лѣвый берегъ и о недоразумѣніяхъ между ними и генераломъ Линевичемъ. Пришлось отправиться въ Тянцзинъ. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ капитанъ Антиповъ, котораго адмиралъ командировалъ для осмотра мѣста будущей братской могилы, гдѣ должны были быть погребены убитые въ китайскую кампанію. Передъ отъѣздомъ я телеграфировалъ Покотилову, которому поручено было финансовое оборудованіе концессіи, прося сообщить, какимъ путемъ закрѣпить участокъ. Покотиловъ рекомендовалъ поставить столбы, чтобы предупредить дальнѣйшіе захваты и оставить

внѣ концессіи участки, на которые иностранцы уже предъявили претензіи. Онъ думалъ, что это поможетъ избѣжать недоразумѣній, подобныхъ тѣмъ, какія возникли въ Ханькоу при отводѣ русской концессіи.

По пріѣздѣ въ Тяньцзинъ, я отправился въ домъ полковника Вогака, у котораго хотѣлъ поселиться. Здѣсь я узналъ о сдѣланномъ Линевичемъ циркулярномъ объявленіи касательно занятія земли по праву завоеванія. Объявленіе было почему-то обнародовано не непосредственно генераломъ, а черезъ наше консульство, и вызвало рѣзкіе протесты. Посланникъ телеграфировалъ консулу, указавъ на неумѣстность выраженія „по праву завоеванія". Консулъ былъ смущенъ полученной головомойкой, ибо дѣйствовалъ по предписанію Линевича. Объявленіе послѣдняго было редактировано въ довольно вызывающемъ тонѣ и заключалось въ томъ, что русскія войска спасли иностранные сеттльменты, а посему имѣютъ право на занятіе лѣваго берега рѣки въ такихъ-то предѣлахъ. Этотъ участокъ принадлежитъ по праву завоеванія русскимъ войскамъ, и никто не можетъ тамъ покупать земли.

Получивъ объявленіе Линевича, иностранные консула телеграфировали своимъ посланникамъ въ Пекинъ, а послѣдніе обратились за разъясненіями къ г. Гирсу. Англійскій же консулъ Кембелль отвѣтилъ Попие рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ, что не можетъ согласиться съ принципомъ нашимъ о недѣйствительности сдѣлокъ, заключенныхъ послѣ опредѣленнаго числа: онъ-де будетъ считать дѣйствительными всѣ сдѣлки, зарегистрированныя въ британскомъ консульствѣ, и не допускаетъ, чтобы подобныя сдѣлки могли быть подвергнуты какому-либо разсмотрѣнію. Германскій консулъ отвѣтилъ приблизительно то же самое, только въ менѣе рѣзкой формѣ. Японскій консулъ Нагамаза Тей сообщилъ, что тотъ фактъ, что русскія войска сражались и умирали на лѣвомъ берегу Пейхо, на что ссылается Линевичъ, еще не создаетъ особыхъ преимуществъ въ пользу русскихъ, что японскіе солдаты сражались и отстаивали концессіи, а посему имѣютъ такое же право на лѣвый берегъ. Вообще, сдѣланное нами объявленіе было ошибкою; это значило ломиться въ открытую дверь. Какъ я увидѣлъ потомъ, достаточно было бы поставить столбы и заявить о непризнаніи нами земельныхъ сдѣлокъ. Такимъ образомъ, первый блинъ въ этомъ дѣлѣ оказался комомъ.

ГЛАВА XXX.

Осмотръ участка. Пререканія съ англичанами. Бесѣда съ англійскимъ консуломъ. Колебанія генерала Линевича.

Генералъ Линевичъ, съ которымъ я повидался вскорѣ послѣ пріѣзда, не придавалъ значенія протестамъ консуловъ. Онъ даже какъ будто былъ доволенъ вызваннымъ имъ переполохомъ, вѣроятно, считая себя искуснымъ дипломатомъ. Его самолюбію льстило, что о немъ заговорили въ шанхайскихъ газетахъ и даже узнали въ Европѣ. На другой день я отправился съ Линевичемъ для осмотра границъ будущей концессіи. Поѣхали также капитанъ Антиповъ, Нечволодовъ и поручикъ Матусевичъ—комендантъ Печилійскаго отряда. Съ нами пошелъ взводъ стрѣлковъ, а для обозначенія границъ были взяты флажки. Сначала осмотрѣли мѣсто будущей братской могилы на берегу рѣки, выбранное еще Алексѣевымъ. Выборъ оказался удачнымъ. Здѣсь уже была вырыта большая квадратная яма. Хотя всѣ присутствовавшіе нашли это мѣсто подходящимъ, Линевичъ заупрямился, доказывая, что памятникъ неудобно ставить на китайскомъ кладбищѣ, а слѣдуетъ устроить его около станціи желѣзной дороги, гдѣ онъ будетъ больше на виду. Ему указали, что желѣзная дорога намъ не принадлежитъ, и могила можетъ оказаться на чужой землѣ. Линевичъ, однако, заявилъ, что доложитъ свои соображенія Алексѣеву. При осмотрѣ южной границы концессіи (отъ берега рѣки къ желѣзной дорогѣ), Линевичъ приказалъ вести ее прямо, не взирая на то, что приходилось пересѣкать деревню, какой-то прудъ и отсѣчь уголъ большой кумирни. Мы ѣхали по намѣченному направленію, а солдаты ставили флажки для обозначенія границы. Выѣхавъ на поля, гдѣ находился русскій лагерь во время обстрѣла Тянцзина, и видя, что мѣсто это оставляется внѣ концессіи, я предупредилъ о желаніи Алексѣева, чтобы въ предѣлы концессіи была включена его ставка, и указалъ мѣсто, гдѣ она находилась. Но Линевичъ и тутъ со мною не согласился. „Вотъ ставка адмирала Алексѣева,“ возразилъ онъ съ усмѣшкой: „видите, сколько бутылокъ валяется“. Бутылокъ и коробокъ отъ консервовъ было, дѣйствительно, много, но это была ставка генерала Стесселя.

Выборъ сѣверной границы концессіи оказался еще труднѣе. Здѣсь мѣсто было изрыто прудами и канавами, а промежутки тѣсно застроены китайскими фанзами. Первоначально предполагалось удовольство-

ваться занятіемъ участка ниже станціи, но, осмотрѣвъ мѣстность и видя, что наши флаги на соляныхъ бунтахъ стоятъ вдоль рѣки и выше станціи, Линевичъ рѣшилъ занять и этотъ участокъ. Придерживаясь своей системы, генералъ поручилъ мнѣ вести границу прямо отъ рѣки къ опредѣленному пункту, вблизи полотна желѣзной дороги, а для ясности приказалъ поставить флажокъ на соляномъ бунтѣ. На другой день я пошелъ съ поручикомъ Матусевичемъ вновь осматривать границу и убѣдился въ томъ, что вести черту по указаніямъ генерала невозможно: пришлось бы разрушить нѣсколько десятковъ домовъ, въ томъ числѣ нѣсколько жилыхъ, а тамъ находились китайцы, заручившіеся покровительствомъ нами же учрежденнаго временнаго правительства. Разрушить такой домъ и выселить китайцевъ было, конечно, не трудно, но это явилось бы напрасною жестокостью и вызовомъ временному правительству. Вслѣдствіе сего, я самовольно измѣнилъ черту, указанную Линевичемъ, отодвинулъ границу къ сѣверу и намѣтилъ новую границу вдоль улицы черезъ деревню Лоулуньтоу. При новомъ направленіи приходилось лишь свалить нѣсколько стѣнъ въ полуразрушенныхъ зданіяхъ и кое-гдѣ спланировать мѣстность. Работу эти исполняли китайскіе кули подъ наблюденіемъ данныхъ мнѣ Линевичемъ солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ я обошелъ всю концессію вмѣстѣ съ солдатами и разставилъ деревянные колышки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были быть врыты каменные столбы.

Пока я занимался этимъ мирнымъ дѣломъ, изъ Артура пришла телеграмма съ сообщеніемъ, что графъ Ламздорфъ и военный министръ не хотятъ возбуждать вопроса о концессіи оффиціально и предписываютъ соблюдать большую осторожность. Передавая это предписаніе изъ Петербурга, Алексѣевъ просилъ увѣдомить его, вызвало ли объявленіе Линевича серьезное возбужденіе, и можно ли ожидать обостренія съ какою-либо державою изъ-за концессіи.

Разобравъ телеграмму, я отправился къ Линевичу, котораго засталъ въ минорномъ настроеніи. Онъ также получилъ предписаніе отъ Куропаткина воздержаться отъ какихъ-либо неосторожныхъ дѣйствій, и посему рѣшилъ отложить занятіе концессіи до полученія новыхъ инструкцій.

Видя нерѣшительность Линевича и предвидя, что занятіе участка можетъ затянуться, я сообщилъ въ Портъ-Артуръ и въ Пекинъ, что протестъ англичанъ и японцевъ вызванъ объявленіемъ Линевича и выраженіемъ „по праву завоеванія", но что вопросъ о концессіи возбужденъ оффиціально, почему отступать было бы неполитично. Алексѣевъ одобрилъ мой образъ дѣйствія и послалъ успокоительную телеграмму Куропаткину, указавъ на необходимость дѣйствовать съ твердостью. По-

сланникъ же на мою телеграмму не отвѣтилъ вовсе, не желая принимать оффиціальнаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Вскорѣ за тѣмъ Покотиловъ, въ отвѣтъ на запросъ Линевича, увѣдомилъ, что не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ дѣло занятія, а приметъ участіе въ дальнѣйшей судьбѣ концессіи, когда будутъ опредѣлены ея границы, и можно будетъ приступить къ выкупу земель. Несмотря на столь категорическое заявленіе Покотилова, Линевичъ продолжалъ колебаться, опасаясь, повидимому, возбудить неудовольствіе Петербурга. Вообще, робость этого почтеннаго и заслуженнаго генерала передъ Куропаткинымъ и высшимъ начальствомъ была поразительна. Уступая его настояніямъ, я рѣшилъ подождать еще нѣсколько дней, тѣмъ болѣе, что столбы для обозначенія границы не были готовы. Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми вліятельными тяньцзинцами я уже успѣлъ убѣдиться, что желаніе русскихъ устроить въ Тяньцзинѣ концессію никого не удивляло. Временное правительство сочувствовало нашему намѣренію, разсчитывая, что это упрочитъ порядокъ и спокойствіе на лѣвомъ берегу рѣки. Недовольны были развѣ нѣкоторые англійскіе купцы, поддерживаемые своимъ энергичнымъ консуломъ. Первоначальнымъ поводомъ къ неудовольствію англичанъ явился протестъ Линевича противъ покупки ими участковъ на лѣвомъ берегу. Какъ разъ послѣ объявленія нашего генерала, на одномъ изъ такихъ участковъ появились столбы съ надписью торговой компаніи „Беттерфильдъ и Суайръ". Линевичъ счелъ это вызовомъ и отвѣтилъ постановкою русскихъ флаговъ какъ на этомъ участкѣ, такъ и на землѣ англійской фирмы „Форбсъ", обнесенной стѣною. Давность послѣдняго владѣнія была внѣ сомнѣнія, но, что касается участка „Беттерфильдъ", то сдѣлка на него была совершена послѣ нашего объявленія. Вслѣдъ за тѣмъ повѣренные названныхъ фирмъ, г. г. Фишеръ и Соуткотъ, обратились къ Линевичу съ протестомъ противъ постановки флаговъ и дощечекъ на ихъ участкахъ. Линевичъ заявилъ, что флаги поставлены для обозначенія, что земля занята русскими властями, и что это нисколько не нарушаетъ правъ частной собственности, что флаги будутъ сняты, если окажется, послѣ провѣрки документовъ русскимъ и англійскимъ консульствами, что лица эти владѣли землею до русской оккупаціи.

Г. г. Фишеръ и Соуткотъ отказались подчиниться этимъ требованіямъ, о чемъ и написали Линевичу; при этомъ Фишеръ заявилъ претензію и на другой участокъ ниже русскаго моста и возбудилъ вопросъ о вознагражденіи за причиненный ему нашими войсками убытокъ. Одновременно получено было письмо англійскаго консула съ заявленіемъ, что русскіе флаги, снятые послѣ переговоровъ съ нашими властями, вновь появились, что условія, предложенныя Линевичемъ, не могутъ

быть приняты, и, наконецъ, что постановка русскихъ флаговъ на частной собственности британскихъ подданныхъ противъ ихъ воли не можетъ быть оправдана никакимъ принципомъ.

Для выясненія дѣла я отправился къ англійскому консулу г. Кембелю, котораго зналъ еще по Пекину.[1]) Въ разговорѣ съ г. Кембелемъ я указалъ на то, что участокъ, пріобрѣтенный Фишеромъ для фирмы „Беттерфильдъ и Суайръ", купленъ послѣ объявленія генерала Линевича. Кембель сознался, что сдѣлка, заключенная Фишеромъ, не совсѣмъ правильна, но, что разъ консульство ее утвердило, онъ не можетъ допустить, чтобы кто-либо оспаривалъ ея законность. Что касается купчей, то мнѣ, вѣрно, извѣстно, какъ трудно въ Китаѣ имѣть правильные документы на недвижимую собственность. Въ документахъ на участокъ г. Форбса нѣтъ надобности, потому что право собственности его можетъ быть удостовѣрено всѣми старожилами Тяньцзина.

Кембель прибавилъ, что не намѣренъ намъ противодѣйствовать и совсѣмъ не желаетъ повторенія ханькоуской исторіи[2]), но что служебный долгъ повелѣваетъ ему блюсти интересы соотечественниковъ противъ произвольныхъ дѣйствій, основанныхъ на совершенно неизвѣстномъ ему „правѣ войны". Ссылка на послѣднее въ прокламаціи генерала Линевича казалась ему тѣмъ болѣе странной, что военныя дѣйствія въ Тяньцзинѣ давно прекратились, да и вообще онъ сомнѣвается—была ли война. Онъ очень настаивалъ на снятіи нашихъ флаговъ, говоря, что отсутствіе флаговъ будетъ нагляднымъ признаніемъ съ нашей стороны правъ собственности англичанъ. Вообще, онъ придавалъ большое значеніе спору о флагахъ и дощечкахъ. „Вѣдь вашъ генералъ", замѣтилъ онъ, „живетъ въ англійскомъ сеттльментѣ, въ домѣ англійскаго подданнаго [3]), а поднялъ надъ нимъ русскій флагъ; почему же вы не допускаете, чтобы въ русской концессіи на англійскомъ участкѣ былъ поднятъ англійскій флагъ?" На мое замѣчаніе, что русскіе флаги поставлены не на участкахъ, а внѣ ихъ, на берегу, онъ возразилъ, что береговая полоса принадлежитъ прилегающимъ участкамъ, и что это всегда такъ считается въ китайскихъ купчихъ. Во время разговора Кембель намекалъ на то, что, если мы несогласны съ его взглядомъ, то онъ предпочитаетъ передать этотъ вопросъ своему посланнику, и что онъ считаетъ такой оборотъ дѣла наиболѣе пра-

---

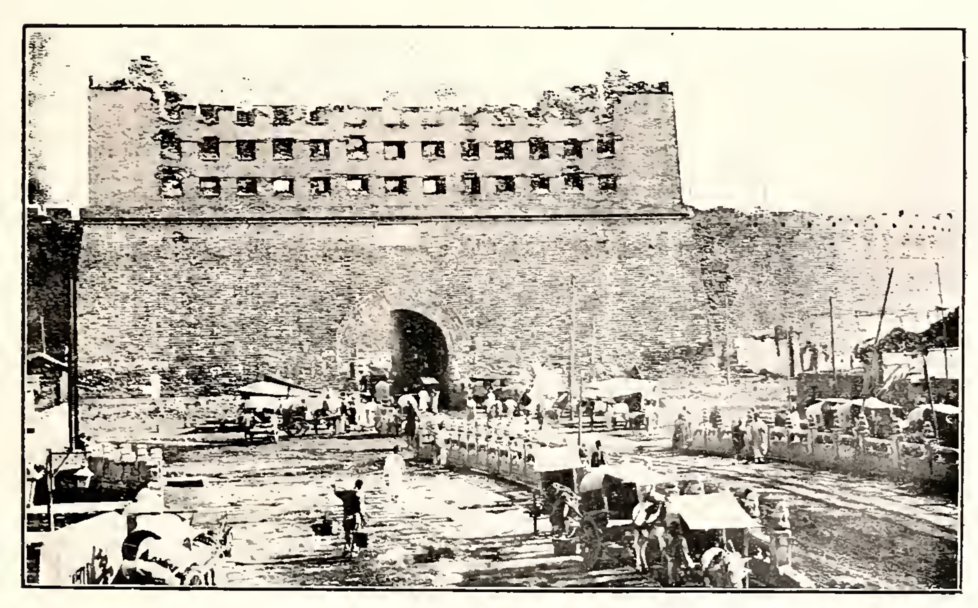
[1]) Г. Кембель управлялъ консульствомъ послѣ отъѣзда г. Карльса. Онъ участвовалъ въ походѣ адмирала Сеймура и былъ раненъ во время осады Тяньцзина.

[2]) Въ городѣ Ханькоу, при занятіи русской концессіи, возникъ споръ съ англичанами.

[3]) Генералъ Линевичъ, по возвращеніи изъ Пекина, нанялъ меблированный домъ г. Вэй на Викторія Родъ. Штабъ же помѣщался на французской концессіи, въ гостиницѣ Кларенсъ Хоусъ.

Смотръ русскихъ войскъ, во дворцѣ, въ Мукденѣ. Адмиралъ Алексѣевъ, генералы Церпицкій и Волковъ.

Цзян-мыньскія ворота, послѣ взятія Пекина союзниками.

вильнымъ. Ему извѣстно, что объявленіе генерала Линевича не было одобрено въ Пекинѣ и въ Петербургѣ, гдѣ, конечно, не захотятъ портить отношенія съ Англіей изъ-за какой-то китайской концессіи.

Вообще, изъ словъ Кембеля я понялъ, что англичане недовольны нашимъ занятіемъ лѣваго берега, главнымъ образомъ, потому, что сами разсчитывали тамъ утвердиться. ,,Англичане,“ замѣтилъ мой собесѣдникъ, ,,создали Тянцзинъ, вложили въ него свой трудъ и капиталы, и вдругъ русскій генералъ, посредствомъ какой-то прокламаціи, хочетъ воспользоваться плодами англійской дѣятельности. Къ тому же, русская колонія представлена всего лишь двумя чайными фирмами (г. г. Батуевъ и Старцевъ). Занятіе концессіи не оправдывается дѣйствительной потребностью и объясняется лишь тщеславіемъ вашихъ генераловъ или политическими цѣлями. Занявъ лѣвый берегъ, вы, вѣрно, устроите тамъ пристани и склады и поднимете вопросъ о постройкѣ моста, а это можетъ отразиться на англійскихъ интересахъ. Вѣдь Россія не отступитъ отъ своихъ политическихъ принциповъ, русскія власти захотятъ исключить иностранцевъ изъ концессіи и установятъ разныя полицейскія и таможенныя ограниченія. Вообще, русскіе—нежелательные сосѣди для англичанъ“.

Я завѣрилъ Кембеля, что никакихъ стѣсненій англійскимъ подданнымъ и торговлѣ сдѣлано не будетъ, что мы ничего не имѣемъ противъ не только поселенія у насъ англичанъ, но даже противъ участія ихъ въ управленіи концессіей. Кембель, однако, выразилъ сомнѣніе, замѣтивъ, что, въ такомъ случаѣ, мы не стали бы такъ протестовать противъ покупки участка англійской фирмой. Впрочемъ, не одни англичане противились нашей концессіи. Нѣмцы въ этомъ вопросѣ были солидарны съ ними, хотя дѣйствовали менѣе демонстративно. Я уже говорилъ, что германскій консулъ на заявленіе Линевича отвѣтилъ въ томъ же духѣ, какъ его англійскій коллега.

Содержаніе этого разговора я передалъ Линевичу, посовѣтовавъ снять наши флаги, присутствіе коихъ лишь безцѣльно возбуждало англичанъ и обостряло дѣло. Генералъ былъ доволенъ, что вопросъ изъ сферы оффиціальныхъ пререканій перешелъ на почву личныхъ объясненій, но отъ снятія флаговъ отказался. На него вліяли нѣкоторые офицеры, утверждавшіе, что снятіе флаговъ будетъ уступкою англичанамъ. На другой день я составилъ отъ имени Линевича письмо г. Кембелю, въ коемъ подтвердилъ уже высказанное мнѣніе, а именно, что мы не можемъ согласиться на притязаніе англійскихъ собственниковъ на береговую полосу, которая должна находиться въ общемъ пользованіи, какъ то практикуется и на правомъ берегу. Что касается претензіи г. Фишера, то мы оставляемъ за собою право признать ея правильность лишь послѣ юриди-

ческаго разсмотрѣнія. Въ предупрежденіе распространенія неблагопріятныхъ намъ слуховъ среди китайцевъ о конфискаціи земель на лѣвомъ берегу, а также въ виду возможнаго составленія подложныхъ купчихъ на китайскіе участки—такія попытки уже были сдѣланы,—мы обратились съ объявленіемъ къ китайцамъ занятыхъ деревень. Объявленіе гласило, что земля на лѣвомъ берегу занята русскими военными властями, и что тамошніе жители должны представить въ консульство документы на владѣніе съ указаніемъ границъ своихъ участковъ. Если они исполнятъ это добросовѣстно, то имъ при экспропріаціи будетъ дано вознагражденіе, въ противномъ случаѣ ихъ подвергнутъ взысканію.

Вскорѣ за тѣмъ ко мнѣ явились старшины занятыхъ нами деревень и заявили, что они готовы продать земли русскимъ, но не знаютъ, какъ это сдѣлать, ибо русскихъ покупателей нѣтъ. Я объяснилъ имъ, что отъ нихъ требуютъ лишь, чтобы они сдѣлали заявленіе о своихъ земляхъ и воздержались отъ сдѣлокъ съ иностранцами.

Дальнѣйшее промедленіе по занятію участка было нежелательно, такъ какъ шла агитація противъ насъ, и среди иностраннаго купечества готовился митингъ протеста. Между тѣмъ Линевичъ продолжалъ колебаться, ожидая положительныхъ инструкцій изъ Петербурга и отъ Алексѣева. Таковыя, однако, не приходили, и генералъ, скрѣпя сердце, предписалъ мнѣ дѣйствовать, но съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ недоразумѣній, онъ не беретъ на себя отвѣтственности. Дѣлать было нечего, и я приступилъ къ дѣлу. Столбы перевозились со двора генерала Вогака, гдѣ они были заготовлены, на другой берегъ по французскому мосту. Въ виду отсутствія дорогъ и большой окружности концессіи, работа эта затянулась на два дня, которые я провелъ на мѣстѣ, наблюдая за солдатами и за кули, ставившими столбы.

По окончаніи постановки столбовъ, я обошелъ весь участокъ съ топографомъ, предложеннымъ мнѣ полковникомъ Глинскимъ, и при помощи его снялъ планъ, который былъ впослѣдствіи препровожденъ въ Петербургъ. Въ работахъ этихъ, кромѣ полковника Глинскаго, мнѣ помогалъ секретарь временнаго правительства, баронъ Гинзбургъ, давшій много цѣнныхъ указаній. Занятый участокъ охватывалъ довольно значительное пространство по направленію къ желѣзнодорожному полотну. Береговая же линія составляла около двухъ верстъ, изъ коихъ треть приходилась на иностранные участки и на землю передъ станціею. Вообще, иностранные участки вклинены были весьма неудобно, въ лучшихъ мѣстахъ, какъ разъ противъ англійской концессіи. Они создавали черезполосицу, которая могла затруднить оборудованіе концессіи. Такъ, если владѣльцы стали бы настаивать, какъ это уже было заявле-

но англійскимъ консуломъ, на правѣ владѣнія береговой полосой передъ ихъ участками, то это затруднило бы устройство набережной. Кромѣ участковъ упомянутыхъ англійскихъ фирмъ „Форбсъ и Ко“ и „Беттерфильдъ и Суайръ“, большой участокъ принадлежалъ китайскому обществу Кайпинскихъ угольныхъ копей. На складъ компаніи во время военныхъ дѣйствій было наложено запрещеніе Нѣмецко-Азіатскимъ банкомъ въ обезпеченіе выданной компаніи ссуды. Иностранные консулы, оповѣщенные объ этомъ оффиціальнымъ путемъ, не рѣшились на протестъ, и банкъ, такимъ образомъ, сталъ распоряжаться участкомъ. Послѣ взятія Тяньцзина и прибытія германскаго контингента, участокъ компаніи былъ занятъ германскими военными властями, устроившими на немъ интендантскій складъ. Участокъ соединенъ былъ особой вѣткой съ желѣзной дорогой. Нѣмцы провели, кромѣ того, узкоколейную дорогу къ своему понтонному мосту, пересѣкавшую весь занятый нами участокъ. Германскіе флаги появились также на земляномъ укрѣпленіи на берегу рѣки. Я обратилъ вниманіе Линевича на то, что нѣмцы слишкомъ уже хозяйничаютъ на нашемъ участкѣ, что потомъ трудно будетъ ихъ удалить, и это подастъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Но генералъ никакихъ мѣръ не принялъ. Онъ, кажется, подобно генералу Стесселю, хотѣлъ получить орденъ Краснаго Орла, и эти мелочи его не интересовали.

Директоръ Кайпинскихъ копей Детрингъ сочувственно отнесся къ идеѣ русской концессіи, которая, по его мнѣнію, должна была составить противовѣсъ англичанамъ, и даже предложилъ включить въ концессію участокъ компаніи. Онъ надѣялся этимъ путемъ отстоять ея самостоятельность и предотвратить занятіе участка Нѣмецко-Азіатскимъ банкомъ.

Тотчасъ же послѣ занятія концессіи бельгійцы поставили свои столбы вдоль южной границы нашего участка до самой желѣзной дороги. Такимъ образомъ, оказалось, что бельгійцы ждали только рѣшительнаго шага съ нашей стороны, чтобы самимъ упрочиться на лѣвомъ берегу. Можно съ увѣренностью сказать, что, не займи мы лѣваго берега, онъ перешелъ бы въ руки другихъ державъ. Французскій генеральный консулъ, пользуясь созданнымъ нами прецедентомъ, разослалъ циркуляръ съ увѣдомленіемъ, что всѣ сдѣлки въ предѣлахъ французской экстра-концессіи, т. е. въ присоединенномъ участкѣ, заключенныя послѣ начала военныхъ дѣйствій, т. е. $^{4}/_{16}$ іюня, не будутъ считаться законными. То же самое сдѣлалъ японскій консулъ. Впослѣдствіи, т. е. послѣ моего отъѣзда изъ Тяньцзина, Австрія и Италія послѣдовали нашему примѣру и также заняли участки.

Полагая, что лучшимъ отвѣтомъ на притязанія иностранцевъ было бы дѣйствительное занятіе лѣвобережныхъ земель, я настоялъ передъ

Линевичемъ на разрѣшеніи русскимъ входить въ частныя сдѣлки съ китайцами, желавшими продать свои земли, не выжидая выкупа участковъ Русско-Китайскимъ банкомъ и оффиціальнаго утвержденія концессіи. Такія сдѣлки должны были, по моему мнѣнію, показать, что русскимъ дѣйствительно нужна концессія. Это было необходимо еще потому, что развалины деревень на концессіи стали незамѣтно вновь заселяться. Китайцы, какъ тараканы, уже выползали изъ разныхъ щелей, поправляли, подмазывали обвалившіяся стѣны и водворялись въ прежнихъ фанзахъ. Среди такихъ поселенцевъ были, вѣроятно, и пришельцы, занимавшіе дома убитыхъ или бѣжавшихъ собственниковъ.

Покончивъ съ занятіемъ концессіи, я сдалъ дальнѣйшія заботы Поппе и поспѣшилъ въ Портъ-Артуръ. Навигація должна была скоро закрыться, и нужно было торопиться, чтобы не застрясть въ Тянцзинѣ. Въ Тонгку я засталъ норвежскій грузовикъ „Промто“, который долженъ былъ выйти на другой день. Такъ какъ всѣ мѣста были заняты солдатами и военнымъ снаряженіемъ, то капитанъ предложилъ мнѣ каюту своего помощника, только что свезеннаго въ госпиталь— бѣдняга заболѣлъ тифомъ. Пришлось рискнуть, такъ какъ выбора не было. Къ счастью моему, дѣло обошлось благополучно.

Въ декабрѣ посланникомъ и Лихунчжаномъ былъ подписанъ протоколъ о предоставленіи намъ концессіи, т. е. санкціонировано занятіе ея военными властями.

ГЛАВА XXXI.

Мои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Тянцзинѣ. Измѣненіе состава временнаго правительства. Усиленіе Германіи.

Во время трехнедѣльнаго пребыванія въ Тянцзинѣ, я побывалъ въ управленіи временнаго правительства. Мнѣ, какъ одному изъ участниковъ его образованія, было, конечно, интересно увидѣть, что представляетъ изъ себя это дѣтище Алексѣева. Кое-какія свѣдѣнія объ его дѣятельности я, впрочемъ, имѣлъ отъ барона Гинзбурга, главнаго сотрудника нашего представителя, полковника Воронова. Я началъ свой визитъ съ судебнаго отдѣленія. Пройдя дворы, гдѣ стояли и сидѣли китайцы, присужденные къ кангѣ, съ огромными деревянными колодками на шеѣ, меня ввели въ большой залъ, гдѣ происходило засѣданіе. Дѣло разсматривалъ судья правительства американецъ Эмансъ, при содѣйствіи китайскаго ассесора. Разбирался искъ о кражѣ у китайца имущества китайцемъ же. Обвиняемый, обвинитель и свидѣтель стояли, по китайскому обычаю, на колѣняхъ. Эмансъ допрашивалъ кратко, ясно и быстро. Послѣ нѣсколькихъ минутъ перекрестнаго допроса, справедливость обвиненія была доказана, и виновный приговоренъ къ наказанію бамбуками. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно тутъ же, во дворѣ ямыня. Судъ, дѣйствительно, скорый. Судьи временнаго правительства руководствовались практикою такъ называемаго смѣшаннаго суда въ Шанхаѣ для разбора дѣлъ между туземцами и иностранцами, съ тою разницею, что тамъ китайцы—судьи, а иностранцы—ассесоры, а здѣсь наоборотъ. Эмансъ сообщилъ, что наиболѣе распространенныя наказанія—бамбукъ, канга и штрафы. Поручительство и залогъ практиковались, въ случаѣ недоказанности, только въ гражданскихъ дѣлахъ. Тюремное заключеніе примѣнялось рѣдко, въ виду дороговизны. Мнѣ вспомнилось правосудіе Квантунской области, гдѣ китайцевъ еще до суда выдерживаютъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, на казенномъ иждивеніи.*) Смертная казнь полагалась за убійство, грабежъ и боксерство. Со времени учрежденія временнаго

*) Кромѣ того, нашъ окружный судъ въ Артурѣ ввелъ присягу, которой у китайцевъ нѣтъ. Долго изыскивали формулу присяги и, наконецъ, остановились на слѣдующей. Въ судъ приносили зажженную свѣчу, и обвиняемый долженъ былъ поклясться, что онъ готовъ прожить столько, сколько будетъ горѣть свѣча, если онъ сказалъ неправду. Для приведенія къ присягѣ, въ судъ приглашался буддійскій монахъ. Въ общемъ, получалось глумленіе надъ нашимъ религіознымъ обрядомъ.

правительства, т. е. въ теченіе пяти мѣсяцевъ, казнено было 15 человѣкъ. Большинство изъ нихъ были боксеры. Казнили обычнымъ китайскимъ способомъ, т. е. отсѣченіемъ головы. Отрубленныя головы помѣщались въ клѣтки, которыя вывѣшивались въ воротахъ ямыня. Когда я былъ во дворѣ, ко мнѣ подошелъ палачъ, принявшій меня, вѣроятно, за высшее начальство, и, ставъ на колѣни, подалъ прошеніе. Оказалось, что онъ просилъ объ увеличеніи платы за производство казни. Ему платили два рубля за голову. Смертные приговоры утверждаются всѣми членами совѣта. Эмансъ, между прочимъ, разсказалъ, что они не знаютъ, какъ поступить съ двумя дѣвушками, уличенными въ боксерствѣ и въ подстрекательствѣ противъ христіанъ-китайцевъ. Онѣ принадлежали къ революціонному обществу Хун-дэн-чжао, т. е. краснаго фонаря, и находились въ Тяньцзинѣ съ самаго начала безпорядковъ. Слѣдствіе показало, что эти, какъ ихъ называли, боксерскія богородицы пользовались большимъ вліяніемъ среди населенія, приписывавшаго имъ разныя сверхъестественныя свойства. Окруженныя толпою тѣлохранителей, онѣ представляли изъ себя какъ бы верховный трибуналъ, который отдавалъ распоряженія о наказаніи измѣнниковъ, т. е., главнымъ образомъ, христіанъ. Всѣ чиновники, не исключая самого вице-короля Ю-лу, оказывали имъ почести и исполняли ихъ приказанія, внушенныя якобы свыше. Хотя онѣ были не болѣе какъ слѣпое орудіе въ рукахъ нѣсколькихъ фанатиковъ, но все-таки, благодаря имъ, погибло немало христіанъ, имущество коихъ было затѣмъ разграблено боксерами.

Я просилъ показать грозныхъ богородицъ. Онѣ оказались довольно невзрачными китаянками, 16 и 19 лѣтъ, съ обычными изуродованными ногами. Когда я вошелъ въ каморку, гдѣ ихъ стерегли, дѣвушки сидѣли на лежанкѣ и шили флаги для временнаго правительства. Я пытался съ ними говорить, но мнѣ не удалось вытянуть и пары словъ. Судьба ихъ еще не была рѣшена. Нѣкоторые члены совѣта настаивали на ихъ казни, опасаясь, что, въ случаѣ освобожденія, будутъ говорить, что иностранцы испугались ихъ чаръ. Но большинство стояло за тюремное заключеніе до подписанія мира съ Китаемъ.

Составъ совѣта значительно измѣнился со времени учрежденія его Алексѣевымъ. Теперь, вмѣсто трехъ членовъ, ихъ было восемь. Изъ прежнихъ остались только полковники Бауеръ и Аоки. Несмотря на такое увеличеніе членовъ, въ совѣтѣ существовало полное согласіе. Преобладающую роль, повидимому, игралъ нѣмецкій представитель, назначенный графомъ Вальдерзэ, маіоръ Фалькенхейнъ. Нашъ представитель, полковникъ Вороновъ, былъ весьма эффектенъ въ своемъ красномъ гусарскомъ мундирѣ, но, кажется, вліяніемъ не пользовался.

Мнѣ показалось, что члены совѣта больше представительствовали, дѣлами же занимался, главнымъ образомъ, секретарь совѣта г. Чарльзъ Денби и докторъ Тенни, оба американцы; все было въ рукахъ этихъ лицъ, благодаря ихъ знанію китайскаго языка и знакомству съ мѣстными условіями. Полиціей завѣдывалъ англичанинъ, капитанъ Моклеръ, санитарной частью—французскій докторъ Дэпасъ и казначействомъ—нѣмецъ Румпъ. Благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ, порядокъ и чистота въ китайскомъ городѣ были образцовые.

Хотя измѣненіе состава совѣта произошло по настояніямъ графа Вальдерзэ уже послѣ отъѣзда Алексѣева, но сдѣлано это было лишь постепенно и не безъ протестовъ со стороны послѣдняго, старавшагося, насколько возможно, сохранить созданную имъ организацію. При обсужденіи вопроса объ организаціи временнаго правительства, еще въ началѣ іюля, германскій и французскій командиры заявили, что считаютъ такой порядокъ временнымъ и сохраняютъ за собою право, при измѣнившихся обстоятельствахъ, т. е., когда численность ихъ контингентовъ увеличится, потребовать назначенія своихъ губернаторовъ. Такимъ образомъ, при самомъ образованіи временнаго правительства можно было предвидѣть увеличеніе числа членовъ совѣта. Въ бытность свою въ Тянцзинѣ въ концѣ августа, Алексѣевъ узналъ, что французскій генеральный консулъ хлопочетъ о принятіи въ составъ совѣта француза; можно было предвидѣть, что это вызоветъ аналогичныя требованія со стороны другихъ державъ. Лучшимъ выходомъ изъ подобнаго положенія, по мнѣнію Алексѣева, было бы включеніе въ составъ членовъ французскаго генеральнаго консула въ качествѣ старшины консульскаго корпуса, а слѣдовательно, представителя національностей, не участвующихъ въ совѣтѣ. Мнѣ поручено было позондировать почву, переговоривъ съ полковниками Бауеромъ и Аоки. Попытка наша не имѣла успѣха. Названныя лица, не желая ослаблять своего значенія, отказались отъ включенія новыхъ членовъ.

Вскорѣ послѣ прибытія французскихъ подкрѣпленій, командующій отрядомъ генералъ Вуаронъ обратился къ Алексѣеву съ письмомъ, въ которомъ указалъ на желательность имѣть въ составѣ совѣта французскаго члена. Съ такимъ же письмомъ названный генералъ обратился и къ совѣту, который отвѣтилъ, что число членовъ утверждено рѣшеніемъ союзныхъ главнокомандующихъ и ограничено тремя, являющимися представителями всѣхъ союзныхъ державъ, и посему вопросъ о принятіи новаго члена не зависитъ отъ самаго совѣта. Попытка французовъ, такимъ образомъ, не удалась. Вскорѣ за тѣмъ мы, однако, узнали, что графъ Вальдерзэ назначилъ членомъ Тянцзинскаго временнаго правительства маіора Фалькенхейна. Образъ дѣйствія фельд-

маршала, дѣйствовавшаго по совѣту генерала Шварцгофа, показалъ, что германскій главнокомандующій смотритъ на совѣтъ, какъ на подчиненное себѣ учрежденіе. Временное правительство пыталось отстаивать свою самостоятельность, ссылаясь на „Положеніе“, но протесты не помогли. Возникшая по этому вопросу переписка между совѣтомъ и начальниками союзныхъ отрядовъ обнаружила отсутствіе между ними солидарности и боязнь передъ германскими претензіями. Въ концѣ концовъ, совѣту пришлось уступить и принять въ свой составъ сначала германскаго маіора фонъ-Фалькенхейна, а затѣмъ французскаго, итальянскаго и австрійскаго членовъ.

Какъ извѣстно, графу Вальдерзэ было предоставлено лишь военное командованіе союзными войсками въ оперативномъ отношеніи. Между тѣмъ предпринятое имъ измѣненіе администраціи Тяньцзина, несомнѣнно, выходило изъ предѣловъ данныхъ ему правъ. Никто изъ союзниковъ, исключая Алексѣева, не рѣшился, однако, заявить противъ этого серьезный протестъ. Въ общемъ, начальники отрядовъ вели себя малодушно и не сумѣли отпарировать притязаній Германіи.

Для того, чтобы имѣть согласіе начальниковъ отрядовъ на измѣненіе организаціи совѣта, вопросъ былъ поставленъ такъ: фельдмаршалъ является представителемъ не только Германіи, но и другихъ державъ, за исключеніемъ Франціи и Америки, не подчинившихъ ему свои контингенты, а слѣдовательно, уполномоченъ дѣйствовать и принимать рѣшенія отъ ихъ имени. Имѣя, такимъ образомъ, согласіе или, вѣрнѣе, не спрашивая согласія начальниковъ отрядовъ, подчиненныхъ фельдмаршалу, оставалось заручиться согласіемъ лишь американскаго и французскаго генераловъ. Французы, какъ сказано сейчасъ, уже добивались участія въ совѣтѣ, и посему поспѣшили примкнуть къ предложенію графа Вальдерзэ; американскій же генералъ Чаффи не рѣшился ради принципа дѣйствовать противъ собственныхъ интересовъ. Новые члены совѣта вступили въ должность 1/13 ноября.

Съ самаго начала участія въ совѣтѣ, маіоръ фонъ-Фалькенхейнъ сталъ настаивать на необходимости подчинить временное правительство одному фельдмаршалу, стараясь добиться измѣненія „Положенія“, утвержденнаго Алексѣевымъ. Такъ, онъ, между прочимъ, предложилъ замѣнить слова: „совѣтъ, выражая волю всѣхъ державъ“, словами: „совѣтъ, выражая волю всѣхъ командировъ“,—дабы лишить этимъ представительства въ совѣтѣ тѣ державы, которыя отозвали свои контингенты, т. е., въ данномъ случаѣ, Россію. Затѣмъ нѣмцы предложили, чтобы всю переписку по дѣламъ, требующимъ согласія начальниковъ отрядовъ, препровождать исключительно одному графу Вальдерзэ, который, если найдетъ нужнымъ, будетъ совѣтоваться съ начальниками отрядовъ.

Выработанный совѣтомъ новый проектъ „Положенія“ объ управленіи Тянцзиномъ былъ представленъ на обсужденіе совѣщанія начальниковъ отрядовъ, собравшихся въ Пекинѣ въ началѣ декабря подъ предсѣдательствомъ генерала Шварцгофа. Маіоръ Фалькенхейнъ также присутствовалъ на совѣщаніи, что дало нѣмцамъ два голоса. Представителемъ совѣта былъ англійскій членъ, полковникъ Бауеръ, который, впрочемъ, приглашенъ былъ лишь для разъясненій и права голоса не имѣлъ. Представителя Италіи не было, хотя начальникъ итальянскаго отряда адмиралъ Кандіани, желая принять участіе въ временномъ правительствѣ, уже давно обратился къ начальникамъ союзныхъ войскъ. Послѣдніе, однако, уклонялись отъ отвѣта, повидимому, подъ вліяніемъ Германіи. Нашимъ представителемъ въ совѣщаніи былъ полковникъ Глинскій.

На совѣщаніи все направлено было къ достиженію двухъ цѣлей — подчиненія временнаго правительства одному графу Вальдерзэ и удаленія русскаго члена изъ совѣта. Послѣднее видно изъ слѣдующаго. Когда одинъ изъ членовъ совѣщанія спросилъ о назначеніи итальянскаго представителя, то генералъ Шварцгофъ отвѣтилъ, что итальянцамъ нѣтъ основанія имѣть своего представителя въ совѣтѣ, такъ какъ ихъ войска не участвовали во взятіи Тянцзина. На вопросъ же о томъ, будутъ ли имѣть представителей державы, отзывающія войска, генералъ также выразился отрицательно, замѣтивъ, что послѣ ухода войскъ начальника не будетъ, а слѣдовательно, не будетъ его представителя, ибо некого представлять.

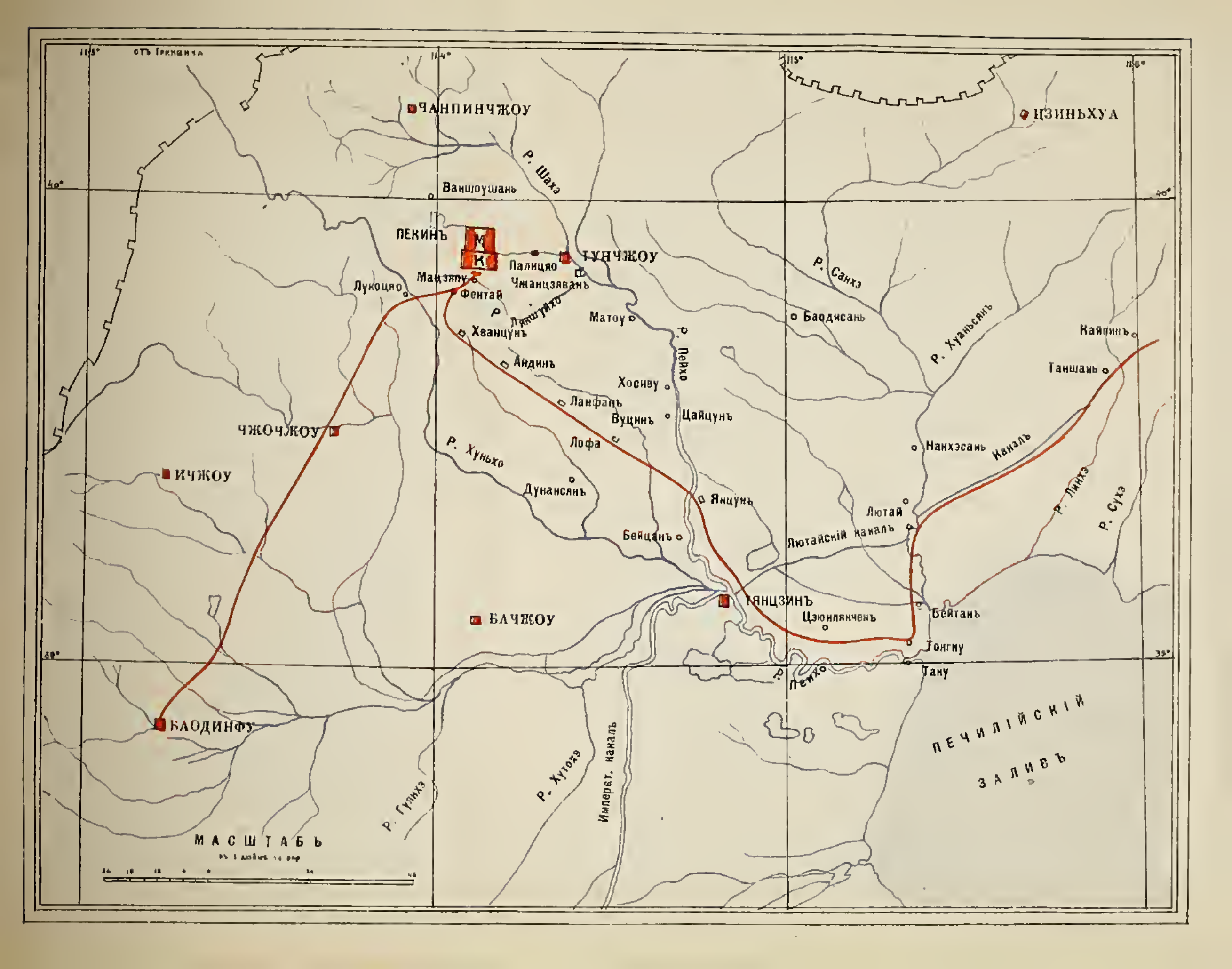
Отвѣчая полковнику Воронову, сообщившему эти свѣдѣнія, Алексѣевъ поручилъ ему не соглашаться на предложеніе германскаго представителя, ибо они направлены, повидимому, противъ русскаго вліянія. Нашему представителю указано было, кромѣ того, стараться противодѣйствовать намѣреніямъ Германіи занять въ Тянцзинѣ преобладающее положеніе въ ущербъ намъ; для лучшаго же достиженія этой цѣли привлечь на нашу сторону тѣхъ коллегъ, которые не сочувствуютъ германскому преобладанію.

Всѣ эти инструкціи остались мертвою буквою. Вліяніе Россіи въ Тянцзинѣ и вообще въ районѣ оккупаціи свелось въ это время постепенно къ нулю, перейдя всецѣло къ германцамъ. Къ тому же, дѣйствовать изъ Портъ-Артура письмами, хотя бы и очень внушительными, было трудно. Хозяиномъ положенія сдѣлался графъ Вальдерзэ, который, конечно, позаботился о проведеніи своей англо-германской политики.

Черезъ нѣсколько времени мы получили извѣстіе, что временное правительство подверглось измѣненію согласно видамъ Германіи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

от Гринвича
40°
39°
ЧАНПИНЧЖОУ
ЦЗИНЬХУА
Р. Шаха
Ваншоушань
ПЕКИНЪ
М
К
ТУНЧЖОУ
Палицяо
Чжанцзявань
Мацзяпу
Лукоцяо
Фентай
Р. Ляншуйхо
Матоу
Р. Санхэ
Баодисань
Р. Хуаньсянъ
Кайпинъ
Хванцунъ
Р. Пейхо
Андинъ
Таншань
Хосиву
Ланфанъ
Вуцинъ
Цайцунъ
ЧЖОЧЖОУ
Лофа
Нанхэсанъ
Каналъ
Р. Хуньхо
ИЧЖОУ
Дунансянъ
Р. Линхэ
Янцунъ
Р. Сухэ
Лютай
Бейцанъ
Лютайскій каналъ
ТЯНЦЗИНЪ
Бейтанъ
БАЧЖОУ
Цзюилянченъ
Тонгку
Таку
Р. Пейхо
БАОДИНФУ
ПЕЧИЛІЙСКІЙ
ЗАЛИВЪ
Р. Хутохэ
Императ. каналъ
Р. Гуянхэ
МАСШТАБЪ
24
18
12
6
0
24
48

ОТЪ ГРИНВИЧА
118
120
122
124
126
КУАНЧЕНЦЗЫ
(Чаньчунь)
ГИРИНЪ
Шара
Мурень
Лао-ха хэ
Кайюаньсянь
Канпинсянь
Тѣлинъ
Синьминьтинъ
МУКДЕНЪ
Ш Е Н Ц З И Н Ъ
Лаохэ
Коупанцзы
Цзиньчжоу фу
Ляоянчжоу
Хайчэнъ
ИККОУ
(Нючжуанъ)
Симучэнъ
Гайчжоу
Фынхуанчэнъ
Р. Ялу
К О Р Е Я
Сюнючэнъ
Ычжю
Андинъ
ПЕКИНЪ
Тунчжоу
Ч Ж И Л И
Р. Луаньхэ
Шанхайгуань
Циноандао
Кайпинъ
Таншань
ЗАЛ. ЛЯО-ДУНЪ
Л Я О - Д У Н Ъ
Фучжоу
КВАНТУНСКАЯ ОБЛАСТЬ
Бицзыво
ЗАЛ. КОРЕЙСКІЙ
Цзиньчжоу
Даланвань
ДАЛЬНІЙ
ПОРТЪ АРТУРЪ
Тяньцзинь
Бейтанъ
Тонгку
Таку
Императорскій каналъ
ЗАЛ. ПЕЧИЛІЙСКІЙ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
СЕУЛЪ
ЧЕМУЛЬПО
ЧИФУ
ВЭЙХАВЭЙ
Хуанъ хэ
Желтая
ЦЗИНАНЬ
ЦИНЧЖОУ
Ш А Н Ь Д У Н Ъ
ЦЗЯОЧЖОУ
ЦИНДАО
МАСШТАБЪ

